Годъ тридцать третій.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1895

2.

Пров. 50

Библиотека 25100

Стр.

161. О внутреннемъ состояніи Россіи при воцареніи императора Николая Павловича. Письмо къ Государю барона **В. И. Штейнгеля** (Январь 1826). Сообщено **Ѳ. П. Побѣдоносцовымъ**.

177. Изъ Записокъ **Н. Н. Муравьева-Карскаго**. Жизнь въ отставкѣ. (1838—1842). Хозяйство въ деревнѣ.—Тергукасовъ.—Свиданіе съ А. П. Ермоловымъ. — Воронежскій губернаторъ Ховенъ.—Архіепископъ Антоній. — Генералъ Исленьевъ. — Затворникъ Иларіонъ. — Письмо къ графу А. Ѳ. Орлову. — Андрей Николаевичъ Муравьевъ.

213. Изъ дневника **П. В. Побѣдоносцова** 1812—1813 годовъ. Москва послѣ нашествія Французовъ.

225. Записка **А. В. Никитенки** о направленіи журнала „Русское Слово". (1861).

229. По поводу „Памятныхъ тетрадей" С. М. Сухотина. Изъ письма къ издателю **А. А. Манжоса**.

231. Наброски изъ воспоминаній **князя Д. Д. Оболенскаго**. (Н. И. Путиловъ.— Семья князей Львовыхъ.— Князь А. В. Долгорукій.— Въ уѣздахъ Епифанскомъ и Ефремовскомъ. — Н. Г. Рубинштейнъ.—Графъ Л. Н. Толстой.—М. Д. Скобелевъ).

249. Историко-критическія замѣтки **Д. И. Иловайскаго** (о книгахъ В. Г. Васильевскаго и В. И. Сергѣевича).

265. Дѣло Венгерское. **А. А. Карасева**.

276. Высылка И. С. Тургенева изъ Петербурга. (Письма графа **А. Ѳ. Орлова** къ князю П. А. Ширинскому-Шихматову). Сообщено графомъ **Д. А. Толстымъ**.

277. Изъ археологическихъ замѣтокъ **А. А. Мартынова**: Плата за обученіе грамотѣ (1678).—Поѣздъ царевны (1698).

279. Надгробная лѣтопись Москвы. Уцѣлѣвшія надгробныя надписи въ Московскихъ церквахъ, собранныя **А. А. Мартыновымъ**.

285. Историческія статьи въ журналахъ не-историческихъ.

287. Дополненія и поправки.

288. Вопросъ XVI-й.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Письма **В. А. Жуковскаго** къ А. И. Тургеневу изъ Москвы въ Петербургъ 1806—1809.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1895.

Историческія статьи, помѣщенныя въ повременныхъ изданіяхъ духовнаго вѣдомства за 1894 годъ.

Θ. Ж. Могилевская Спасо-Преображенская церковь. „Могилевскія Еп. Вѣд.“ № 35.

Θ. Ж. Письма Георгія Конисскаго къ чрезвычайному Русскому послу въ Польшѣ Гроссу и полномочному министру князю Волконскому 1757 г. „Могилевскія Еп. Вѣд.“ № 1.

Императоръ Всероссійскій Александръ III, какъ преобразователь Прибалтійской окраины. „Рижскія Еп. Вѣд.“ № 23.

Лузинъ Н. Изъ прошлой жизни города Арзамаса. „Нижегородскія Еп. Вѣд.“ № 23.

Дневникъ преосвященнаго Арсенія Верещагина, архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго. Годъ 1786. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 48.

Святый благовѣрный великій князь Андрей Боголюбскій (Его неоцѣнимыя заслуги для Русскаго государства и православной церкви). „Владимирскія Еп. Вѣд.“ № 23.

Бурцевъ М. О древности существованія г. Бѣлева. „Тульскія Еп. Вѣд.“ № 22.

Орловскій П. Письмо Кіевскаго митрополита Рафаила къ Молдавскому митрополиту. „Кіевскія Еп. Вѣд.“ № 23.

Богдановскій К. Монастыри Минской епархіи (преимущественно Минскіе) съ древнѣйшихъ временъ. „Минскія Еп. Вѣд.“ № 24.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. „Волынскія Еп. Вѣд.“ № 33.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Рижской епархіи. „Рижскія Еп. Вѣд.“ № 23.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Допечатывается НОВАЯ книга этого изданія, содержащая въ себѣ письма канцлера графа К. В. Нессельроде къ князю М[illegible] Воронцову.

О ВНУТРЕННЕМЪ СОСТОЯНІИ РОССІИ ПРИ ВОЦАРЕНІИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Письмо барона В. И. Штенгеля къ императору Николаю Павловичу.

11 Генваря 1826.

Владиміръ Ивановичъ Штейнгель, бывшій правитель канцеляріи Московскаго генералъ-губернатора графа Тормасова (печатавшій нѣкогда статьи свои подъ именемъ *Камнесвятова*), род. въ 1783, ум. въ 1862 году. Онъ принялъ участіе въ дѣлѣ Декабристовъ, будучи отставнымъ подполковникомъ и изъ побужденій честолюбія, какъ потомъ сознавался въ Слѣдственной Коммиссіи. Въ сжатомъ очеркѣ баронъ Штейнгель изобразилъ состояніе Россіи за то время, къ которому относятся еще болѣе нежели къ концу Николаевскаго царствованія стихи И. С. Аксакова: „Клеймо домашняго позора мы носимъ, славные извнѣ". Императоръ Николай Павловичъ внялъ благородному представленію узника, чему доказательствомъ служитъ его правленіе до самаго 1848 года. Нынѣ наступило время для безпристрастной исторіи такъ называемаго „14-го Декабря". Сколько намъ извѣстно, покойный государь Александръ Александровичъ приказалъ распечатать дѣло о Декабристахъ и дозволилъ воспользоваться имъ одному изъ нашихъ историковъ. Печатаемое здѣсь письмо барона Штейнгеля имѣется у насъ въ двухъ спискахъ, изъ коихъ одинъ сообщенъ въ „Русскій Архивъ" покойнымъ зятемъ писавшаго, Михаиломъ Ивановичемъ Топильскимъ, а другой Константиномъ Петровичемъ Побѣдоносцовымъ. П. Б.

Августѣйшій Монархъ, Всемилостивѣйшій Государь!

Изъ мрачной темницы моей возносясь духомъ любви къ Отечеству, духомъ вѣрноподданническаго къ Вашему Императорскому Величеству усердія, припадаю къ священнымъ стопамъ Вашимъ.

Умоляю, Ваше Величество, благомъ многихъ милліоновъ людей, коихъ Вы нареклись отцемъ; умоляю собственною Вашею славою и самою безопасностію: удостойте прочесть все нижеслѣдующее до послѣдней строки, прежде нежели произнесете строгій судъ о свойствѣ и самой [illegible] и настоящаго моего подвига. Дерзаю представить обнаженную истину; она должна быть доступна престолу мудраго Монарха, воспріявшаго бразды правленія съ намѣреніемъ жить для Отечества.

Въ Высочайшемъ манифестѣ о восшествіи Вашемъ на престолъ, какъ бы въ утѣшеніе народу, сказано, что Ваше царствованіе будетъ

продолженіемъ предыдущаго. О Государь! Ужели сокрыто отъ Васъ, что эта самая мысль страшила всѣхъ, и что одна токмо увѣренность общая въ непремѣнной перемѣнѣ порядка вещей говорила въ пользу Цесаревича?

Истина неподверженная ни малѣйшему возраженію, что въ Бозѣ почивающій Монархъ обладалъ въ совершенствѣ даромъ привлекать къ себѣ сердца всѣхъ тѣхъ, кои имѣли счастіе съ нимъ встрѣчаться, и что его поведеніе въ званіи Наслѣдника, его дѣйствія и намѣренія въ началѣ царствованія, твердость его при общемъ бѣдствіи 1812 года; его кротость въ блескѣ послѣдующей затѣмъ славы; человѣколюбіе его во время послѣдняго наводненія, равно какъ и многіе другіе, извѣстные свѣту и народу въ особенности, случаи, въ коихъ явилъ онъ высокія свойства души своей, содѣлали особу его любезною и священною для Россіянъ современниковъ. Но по непостижимому для насъ противорѣчію, которое, къ изумленію грядущихъ вѣковъ, можетъ быть объяснитъ одна только безпристрастная Исторія, царствованіе его, если разумѣть подъ словомъ симъ правленіе, было во многихъ отношеніяхъ для Россіи пагубно, подъ конецъ же тягостно для всѣхъ состояній, даже до послѣдняго изнеможенія. Противорѣчіе сіе поставило средній и нижній классы въ недоумѣніе. Государь всюду являлся Ангеломъ и сопровождался радостными восклицаніями, но въ тоже время отъ распоряженій правительства именемъ его разливались повсюду неудовольствіе и ропотъ. Народъ приписывалъ сіе лицамъ: то Сперанскому, то Гурьеву, то Аракчееву и вообще думалъ: «Министры обманываютъ добраго нашего Государя; гдѣ ему батюшкѣ все знать!» Но тѣ, кои просвѣщеннѣе, смотрѣли и разсуждали иначе. Результатъ общій: Государь, встрѣченный на престолѣ со всеобщимъ вожделѣніемъ, съ единодушною искреннею, безпримѣрною радостію, сопровожденъ во гробъ едвали не со всеобщимъ равнодушіемъ.

О Государь! Если это съ моей стороны дерзновеніе, то въ совѣсти моей вопіющій гласъ убѣждаетъ меня, что оно въ милліонъ разъ полезнѣе Вашему Величеству, моему всемилостивѣйшему Монарху, нежели та лесть, которою если и возносятъ владыкъ земныхъ до небесъ, то это для того только, чтобъ они не видѣли, что̀ на управляемой ими землѣ дѣлается.

Не смѣю безъ особаго соизволенія изобразить Вашему Величеству въ историческомъ порядкѣ весь ходъ дѣлъ въ послѣднее царствованіе; но цѣль, меня одушевляющая, заставляетъ сказать хотя ту только истину, что правительство отличалось непостоянствомъ, и въ управ-

леніи государственномъ не было никакого положительнаго плана. Сначала былъ періодъ либерализма и филантропіи, потомъ періодъ мистицизма и, наконецъ, противныхъ мнѣній и дѣйствій тому и другому. Въ началѣ всему дано новое направленіе учрежденіемъ министерствъ. Министры были въ силѣ и довѣренности. Чрезъ шесть лѣтъ разрядъ министерствъ измѣнился: съ учрежденіемъ Совѣта въ новомъ его образованіи создано Министерство Полиціи. Сила министровъ уступила силѣ государственнаго секретаря. Министерство Коммерціи уничтожено. Отсутствіе Государя дало поводъ къ учрежденію Комитета Господъ Министровъ; а затѣмъ смерть Вязмитинова произвела новую перемѣну въ разрядѣ министровъ: Министерство Полиціи уничтожено, и сдѣлано вновь Министерство Духовныхъ Дѣлъ въ соединеніи съ просвѣщеніемъ; но и то на нѣсколько лѣтъ. При первыхъ министрахъ много предначато полезнаго, по крайней мѣрѣ обнаружено явное намѣреніе готовить государство къ воспріятію конституціонныхъ началъ. Послѣ Тильзитскаго мира, прибытіе Коленкура ко Двору и вышеупомянутая перемѣна въ министерствѣ пресѣкли дѣятельность правительства. Оно до самаго 1812 года, видимо, тяготилось прихотливымъ деспотизмомъ Наполеона. Вліяніе Сперанскаго на дѣла ознаменовалось учрежденіемъ Коммиссіи погашенія долговъ, началомъ изобрѣтенія новыхъ налоговъ, обложеніемъ купцовъ усугубленною податью съ капиталовъ, установленіемъ торговыхъ книгъ, учрежденіемъ о торгующихъ крестьянахъ, которымъ подорванъ кредитъ внутренней торговли, и новымъ образованіемъ Коммиссіи составленія законовъ, которая до сихъ поръ издала гражданское и уголовное положенія, и оба не могли быть приведены въ дѣйствіе. Въ 1810 и 1811 годахъ примѣтно уже было неудовольствіе противъ правительства. Указъ 1809 года о непроизвожденіи въ чины гражданскихъ чиновниковъ 9-го и 6-го классовъ, которымъ многіе заслуженные и опытные люди оскорблены были, много разливалъ сіе неудовольствіе. 1812 годъ соединилъ всѣхъ къ одной цѣли защитѣ—Отечества и Престола.

Насталъ вожделѣнный миръ. Монархъ, отъ всѣхъ благословенный, возвратился къ общей радости. Все, казалось, обѣщало эпоху, отъ которой начнется внутреннее благоустройство. Ожиданіе не сбылось. Роздано нѣсколько милліоновъ Москвѣ, Смоленску и частію нѣкоторымъ уѣзднымъ городамъ сихъ губерній; но симъ пособіемъ воспользовались не столько совершенно разорившіеся, сколько имущіе: ибо оно раздавалось въ видѣ ссуды подъ залогъ недвижимости. Если Москва отрясла такъ скоро пепелъ съ головы своей и вознеслась въ новомъ велелѣпіи, то не столько помогла тому сія помощь, сколько состояніе внутренней

коммерціи и промышленности, оживотворенныхъ тарифомъ 1810 года, который изданъ былъ при увѣщательномъ манифестѣ, чтобы всѣ обращали капиталы свои не въ пищу чужеземной роскоши, но въ пользу Отечества. Внезапно сей самый тарифъ въ 1816 году измѣненъ въ пользу Австріи, Польши и Пруссіи, изданіемъ новаго тарифа на 12 лѣтъ. Коммерсанты могли по крайней мѣрѣ располагать свои спекуляціи на сіе императорскимъ словомъ опредѣленное время, но и въ этомъ ошиблись: въ 1819 году послѣдовало новое всеобщее разрѣшеніе ввоза иностранныхъ товаровъ, коими вскорѣ наводнили Россію. Многіе купцы обанкрутились, фабриканты въ конецъ разорились, а народъ чрезъ то лишился способовъ къ пропитанію и къ оплачиванію податей. Вскорѣ увидѣли ошибку, исправили ее тарифомъ 1823 года; но причиненный вредъ невозвратенъ. Знатныя суммы серебра и золота, вошедшія чрезъ Одесскій портъ, при выгодной хлѣбной торговлѣ 1815—16 и 17-го годовъ, исчезли мгновенно и не возвращались. Наконецъ, послѣдовало новое дополнительное постановленіе о гильдіяхъ; за всѣмъ тѣмъ мѣстныя начальства принуждены были представлять о невозможности его выполнить: ибо у бѣдныхъ мѣщанъ и особенно у жителей малыхъ городовъ отнятъ послѣдній способъ къ пропитанію. Такимъ образомъ коммерція наша находится въ паралитическомъ состояніи, тогда какъ у всѣхъ державъ преуспѣваетъ и расцвѣтаетъ, особенно во Франціи, которая въ 1815 году едвали не въ худшемъ состояніи была, нежели Россія.

Къ крайнему изумленію всѣхъ, дѣйствія Министерства Финансовъ, въ послѣднія 10 лѣтъ были, можно сказать, ужасны. Въ 1814 году правительство убѣдило откупщиковъ винныхъ, при главномъ посредствѣ Гурьева и Пестеля, сдѣлать весьма важную наддачу. Естественнымъ сего слѣдствіемъ была несостоятельность, и они разорены въ конецъ, особенно Злобинъ, оказавшій многія услуги Отечеству, и Перецъ. Въ преслѣдованіи сихъ откупщиковъ и потомъ поставщиковъ провіантскихъ были случаи, что они представляли къ разсчету свои на казну претензіи; но министръ предписывалъ «съ нихъ взыскивать», а имъ предоставить вѣдаться особо: распоряженіе имѣющее характеръ полнаго насилія и несправедливости. Съ откупщиками многіе разорились. Уничтоживъ откупы, Министерство Финансовъ ввело новый образъ винной продажи — источникъ чрезмѣрно-гибельнаго народнаго разврата и самаго разоренія. Нарушены нѣкоторыя коренныя права; унижено званіе вице-губернаторовъ, дотолѣ весьма почтенное; явленъ примѣръ соблазна для чиновниковъ: ибо способы наживаться стали предпочитать понятіямъ о чести; и тѣ, кои при началѣ за униженіе считали надзи-

рать за питейными домами, увидя, что на сихъ людей обращается вниманіе министра, и вмѣстѣ съ обогащеніемъ даются чины и кресты, стали искателями сего рода службы. Размножены повсюду трактиры, герберги, харчевни, портерныя лавочки, питейные домы, временныя выставки, изъ коихъ нѣкоторыя съ бильярдами, съ музыкою и съ другими разными для черни приманками. Возвышена на вино цѣна, для виноторговцевъ установлены стѣснительныя и разорительныя для нихъ правила; за то злоупотребленія устранены отъ надзора полиціи. Вицегубернаторамъ даны предписанія стараться какъ можно о большей распродажѣ вина, подъ опасеніемъ отвѣтственности! И съ такими мѣрами первые годы принесли точно прибыль; но вскорѣ оказалось, что она была временна: ибо въ послѣдніе годы уже не добираются многіе милліоны.

Когда такимъ образомъ съ одной стороны народъ поощряли пропивать потовымъ трудомъ наживаемыя деньги, съ другой умножена подать съ пашпортовъ; возвышена цѣна на первую потребность—на соль, и приняты строжайшія мѣры ко взысканію недоимокъ: предписано за недоимку отдавать помѣщиковъ въ опеку, а съ казенныхъ крестьянъ взыскивать хотя бы то было съ пожертвованіемъ послѣдняго имущества. Начали у нихъ продавать домашній скотъ, лошадей и самые домы; а такъ какъ съ такихъ обобранныхъ взять уже нечего, то поставлено правиломъ, въ отвращеніе недоимокъ, за неимущихъ взыскивать съ обществъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ выбить, выколотить недоимку сдѣлалось техническимъ словомъ. Между тѣмъ въ однѣхъ губерніяхъ (какъ то въ Бѣлорусскихъ, Псковской, Тверской, Вологодской и Ярославской) по нѣскольку лѣтъ былъ неурожай, и помѣщики не получали дохода, кормили крестьянъ; въ другихъ, напротивъ (какъ въ Тамбовской, Пензенской и Симбирской) хлѣбъ былъ непочемъ отъ неимѣнія сбыта, и деревни тоже не давали дохода. Обстоятельства сіи уподобляютъ Россію тому состоянію, въ которомъ была Франція во время Генриха III-го, когда сборщики податей обирали послѣднее у бѣдныхъ земледѣльцевъ. О Государь! Извольте послать довѣренную особу инкогнито въ видѣ частнаго человѣка, и Вы откроете, можетъ быть, гораздо горестнѣйшее состояніе народа, нежели каковымъ я его представляю. Безпрестанные выгоны крестьянъ для дѣланія дорогъ, въ страдную (рабочую) пору, довершили ихъ разореніе; и притомъ, отъ частыхъ перемѣнъ въ планѣ и отъ непрочной работы, повинность сія сдѣлалась безконечною, между тѣмъ какъ въ Академическомъ календарѣ, въ хронологическомъ показаніи печатается: отъ изданія манифеста, коимъ народъ навсегда освобождается отъ дѣланія дорогъ, столько-то лѣтъ.

Умножая доходы крайними мѣрами, хотя три года тому назадъ сдѣлано сокращеніе расходовъ по всѣмъ министерствамъ, но сколько еще есть предметовъ, на которые дѣлаются напрасныя издержки! Сколько чиновниковъ, едва имѣющихъ занятіе, получаютъ большіе оклады въ двухъ и трехъ мѣстахъ; сколько также получаютъ пансіоны! По одному Коммиссаріату около трехъ миліоновъ расходится на однѣ цыновки, веревки, и вообще на укопорку и развозку вещей отъ Коммисіи до мѣстопребыванія полковъ, тогда какъ однимъ распоряженіемъ, въ разсужденіи сей доставки, можно бы сей расходъ уничтожить.

По флоту такая же экономія. По адмиралтейскому регламенту Петра Великаго, едва корабль заложится на штапелѣ, должно раздать всѣмъ мастерствамъ пропорціи, дабы ко дню спуска всѣ принадлежности къ вооруженію онаго были въ готовности. Во все министерство маркиза де-Траверсе сего не наблюдалось: корабли ежегодно строились, отводились въ Кронштадтъ и не рѣдко гнили, не сдѣлавъ ни одной кампаніи, и теперь болѣе 4 или 5 кораблей, которыхъ нельзя выслать въ море; ибо мачты для сего переставляютъ съ одного корабля на другой; прочіе, хотя число ихъ немалое, не имѣютъ вооруженія. И такъ переводится послѣдній лѣсъ, тратятся деньги, а флота нѣтъ. Но въ царствованіе блаженной памяти родителя вашего, въ 1797 году выходило 27 кораблей, всѣмъ снабженныхъ; а въ 1801 году, готовилось 45 вышпеловъ! Можно сказать, что прекраснѣйшее твореніе Великаго Петра маркизъ де-Траверзе уничтожилъ совершенно. Теперь, на случай войны, некого и не съ чемъ выслать въ море; кромѣ вновь принятаго Синявина и контръ-адмирала Рожнова, ни одного адмирала, нѣсколько капитановъ и весьма немного офицеровъ, изъ тѣхъ кои были въ экспедиціи. Между тѣмъ у сосѣдняго государства сія часть въ совершенной исправности всегда была и теперь существуетъ.

По части управленія губерній во всѣ 25 лѣтъ не сдѣлано ничего особеннаго къ улучшенію; едва въ 1822 году дозволено генералъ-губернатору Балашеву производить опытъ преобразованія. Начатый безъ свѣдѣнія Сената, опытъ сей обывателями принимается съ негодованіемъ на новыя тягости и на умноженіе инстанцій; а о пользѣ, какая изъ того произойти можетъ, никто еще не говоритъ. Подобнымъ образомъ жалуются на преобразованіе Сибири, гдѣ въ обширномъ, но весьма мало населенномъ краѣ, въ которомъ приличнѣе было бы сокращать администрацію, прибавлена лишняя губернія, и данъ образъ управленія совѣщательно-аристократическій, несвойственный монархическому.

Къ сему присовокупить должно недостатки въ судопроизводствѣ вообще, безконечное продолженіе тяжебныхъ дѣлъ апелляціями и обращеніемъ паки въ низшія инстанціи, неправосудіе и повсемѣстное злоупотребленіе. Послѣднее было строго преслѣдовано, но отъ полумѣръ осталось неисцѣлимымъ. Посылались сенаторы, производили изслѣдованія, тысячами отдавали бѣдныхъ чиновниковъ подъ судъ и опредѣляли новыхъ; а тѣ принимались за тоже, только смѣлѣе; ибо обыкновенно поступали на мѣста съ протекціею. Сколько и теперь есть губернаторовъ, состоящихъ подъ безконечнымъ судомъ!

Въ царствованіе великой бабки вашей, Государь, была по всѣмъ частямъ наблюдаема подготовка людей, столь многополезная; чиновники хотя медленно, но доходили отъ низшихъ степеней до высшей, каждый по своей части; отъ того были опытные дѣльцы. Въ предшедшее вашему царствованіе сего вовсе не наблюдалось: всякій министрѣ служащій, или нашедшій покровительство, ко всему считался годнымъ; такъ и дѣла шли. Извѣстно, что Великая Екатерина съ полковничьяго чину начинала обращать особенное на людей вниманіе, и тѣ кои не имѣли отличныхъ дарованій и способностей, не шли далѣе бригадировъ въ отставку. Въ послѣднее время всякому продолжающему службу, особенно военную, дорога къ вышнимъ степенямъ сдѣлалась отверстою. Въ одной губерніи былъ губернаторомъ выслужившійся фельдфебель, и въ губерніи поступалъ онъ какъ въ ротѣ. Не могъ онъ конечно быть терпимъ, но жители губерніи не менѣе отъ того терпѣли.

Вообще гражданская часть, сей краеугольный камень въ зданіи государственнаго благоденствія, была въ нѣкоторой какъ бы опалѣ. Государь блаженной памяти изволилъ видѣть зло, но, считая его неисцѣлимымъ, ограничивался тѣмъ, что не скрывалъ своего отвращенія. Энгельгардтъ, имѣвшій счастіе часто разговаривать съ Государемъ, сказывалъ мнѣ, что однажды, при случаѣ, когда Его Величество любовался устройствомъ войскъ, онъ осмѣлился замѣтить, что время приняться за устройство гражданской части; но Государь, взявъ его за руку и пожавъ крѣпко, съ слезящимися глазами произнесъ: «Ахъ! Я это очень, очень чувствую; но ты видишь, кѣмъ я возьмусь!» Если это истинно, что за благоустройство въ государствѣ монарху некѣмъ взяться, то посудите, Всемилостивѣйшій Государь; въ какомъ несчастномъ положеніи наше любезнѣйшее Отечество, коего судьба воспріята Вами на рамо свое. Вашему генію предлежитъ, подобно Петру и Екатеринѣ, найтить людей, вложить въ нихъ душу и содѣлать сопричастниками будущей Вашей славы. Да прейдетъ она до позднѣйшаго потомства!

Насильственная система такъ называемаго водворенія поселеній принята была съ изумленіемъ и ропотомъ, какъ то и Вашему Величеству должно быть весьма извѣстно, и не могло быть иначе. Послѣ тяжкой отечественной войны, въ которой всѣ состоянія учавствуя, оказали равную вѣрность и усердіе Отечеству и Престолу, когда всякій ожидалъ въ мирѣ вожделѣннаго спокойствія, внезапно войтить въ селеніе военною рукою, взять домы мирныхъ земледѣльцевъ, все дѣдами или и самими нажитое, да и ихъ самихъ въ общій составъ новаго воинства! Едва ли Исторія представляетъ что нибудь тому подобное. Къ сему присовокупите вынужденную уступку и покупку сосѣдственныхъ земель и помѣстій, ибо одна несправедливость естественно раждаетъ другую. Возникли съ одной стороны отчаянное сопротивленіе, особенно на Югѣ, съ другой строгія мѣры укрощенія. Всей Россіи сдѣлались извѣстны сцены, которыхъ никто не могъ полагать возможными въ царствованіе Государя толико кроткаго, человѣколюбиваго. Общее недоумѣніе разрѣшалось однимъ лицомъ графа Аракчеева; оно во всѣхъ подобныхъ дѣйствіяхъ служило экраномъ для особы монарха.

Цѣль поселеній объявлена послѣ освобожденія Россіи отъ тяжкой рекрутской повинности. Осмѣливаюсь, Государь, представить, что уменьшеніе срока службы, по примѣру Пруссіи, до 8 или до 12 лѣтъ, удовлетворило бы сей цѣли справедливѣе, прочнѣе и безопаснѣе; ибо тогда по всей Россіи въ 25 лѣтъ разлился бы духъ военный, и крестьяне столь же бы легко стали разставаться съ дѣтьми какъ дворяне, коихъ прежде также отпускали какъ на смерть, а теперь охотно сами везутъ. Возвратившіеся въ семейство могли бы жениться, заниматься крестьянскимъ бытомъ и, наживая дѣтей, воспитывали бы ихъ заранѣе быть солдатами, сами были бы готовые ландверы.

Мысль о поселеніи войскъ не новая. Бурхардъ-Минихъ представлялъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ о заселеніи границъ Турецкихъ, Польскихъ и Шведскихъ войсками съ тѣмъ, чтобы они пріучались къ тому роду войны, который съ сими непріятелями приличенъ. Поселеніе на границѣ можетъ быть дѣйствительно оплотомъ; но внутри государства другія слѣдствія возможны. При разныхъ мнѣніяхъ о семъ иностранцевъ, извѣстенъ краткій отзывъ Веллингтона (я слышалъ его изъ устъ графа Ростопчина): «Видно, что Русское правительство не боится штыковъ!»

По симъ краткимъ очеркамъ различныхъ дѣйствій правительства, въ отношеніи хозяйственнаго управленія и настоящаго положенія го-

сударства, слѣдующія черты представляются главными въ характеристикѣ правленія. Правительство считало все прежнее худымъ, много начинало вновь, отмѣняло и вообще ничего не докончило. Все разстроивъ, правительство отдѣляло себя отъ государства и, казалось, вѣрило, что оно можетъ быть богато и сильно, хотя всѣ сословія государственныя, и особенно народъ, въ изнеможеніи. Правительство имѣло, кажется, правиломъ, что развратнымъ и бѣднымъ народомъ легче управлять нежели имѣющимъ гражданскія добродѣтели и въ довольствѣ живущимъ, а потому не прислушивалось къ народному мнѣнію и не входило въ его нужды; повелѣвало и требовало безусловнаго повиновенія, хотя бы отъ того все разорилось. Въ семъ отношеніи правительство дозволяло даже себѣ спекуляціи: послѣдняя распродажа квитанцій рекрутскихъ разительный тому примѣръ. Должно ли послѣ сего удивляться, что правительство потеряло довѣренность и сердечное уваженіе и возбудило единодушное общее желаніе перемѣны въ порядкѣ вещей?

Всемилостивѣйшій Государь! Раскрывъ предъ взоромъ Вашимъ, по крайнему моему разумѣнію, причины неудовольствія противъ правительства, я осмѣливаюсь приступить къ настоящей моей цѣли: представить истинный источникъ обнаружившагося, при восшествіи вашемъ на престолъ, злоумышленія.

Дѣятельное просвѣщеніе въ Россіи началось при Екатеринѣ Великой. Одинъ частный человѣкъ Новиковъ, съ обществомъ своимъ старавшійся о распространеніи чтенія полезныхъ книгъ и для сего имѣвшій свою типографію, сдѣлалъ едва ли не болѣе нежели всѣ училища. Молодые люди съ талантами посылались на счетъ сего общества вояжировать, и дѣйствительно многіе обязаны стали ему послѣдующею своею извѣстностію. Открылась революція, масонскія ложи сдѣлались подозрительными, и Новиковъ пострадалъ.

Блаженной памяти августѣйшій родитель вашъ даровалъ ему и сотоварищамъ его свободу. Изъ сего разсадника люди первые явились на сцену, когда при началѣ царствованія въ Бозѣ почивающаго Государя открылось вождѣленное намѣреніе его просвѣтить Россію и уничтожить въ ней рабское состояніе. По учрежденіи министерствъ взяты быстрыя мѣры къ распространенію образованія: учреждены новые университеты, умножены училища, преобразованы гимназіи, ослаблена цензура предоставленіемъ оной гражданскимъ губернаторамъ и управамъ благочинія въ столицахъ, поощрены переводы печатаніемъ съ высочайшаго дозволенія книгъ, дающихъ понятіе о новыхъ идеяхъ относительно основанія государственнаго блага; такъ напечатаны:

конституція Англіи Де-Лольма, творенія Монтескіё, Бентама и другихъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ появились: Пиѳагорово путешествіе, Антепорово путешествіе, Фоблазъ и Кумъ Матвѣй, непосредственно развивающія другія понятія и развращающія нравы.

При такомъ началѣ просвѣщенія, Государь изволилъ прекратить раздачу крестьянъ въ крѣпостное состояніе. Незабвенный рескриптъ его къ его королевскому высочеству герцогу Виртембергскому, по случаю утвержденія аренды на 50 лѣтъ, сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ. Потомъ открыто новое состояніе свободныхъ хлѣбопашцевъ. Нѣкоторые вельможи отпустили въ оныя цѣлыя селенія. Изданы указы поощрительные къ отыскиванію изъ крѣпостнаго состоянія свободы, нѣсколько разъ послѣ повторенные. Наконецъ, составлены правила для перехода крестьянъ помѣщичьихъ въ свободное состояніе въ Остзейскихъ провинціяхъ, повсюду распубликованныя. Присоединеніе Псковской губерніи къ округу сихъ губерній подало поводъ къ заключенію, что на ней сдѣлается первый опытъ приложенія сихъ правилъ къ Великороссійскимъ губерніямъ.

Во время вліянія на дѣла Сперанскаго, для образованія духовнаго юношества приняты новыя правила, учреждены новыя духовныя Академіи и Комитетъ училищъ. Для преподаванія курса Богословія выписанъ былъ извѣстный профессоръ Феслеръ изъ Германіи, но по протесту, противъ программы его поданному отъ архіепископа Ѳеофилакта, допущенъ до преподаванія не былъ. Тѣмъ не менѣе новообразованное духовенство воспріяло не тотъ уже духъ, который былъ виденъ прежде. Въ послѣдніе годы методу ученія паки перемѣнили на старую. Общее бѣдствіе 1812 года наклонило умы и сердца къ набожности. Отселѣ начался періодъ мистицизма. Началось изданіе Сіонскаго Вѣстника, удостоенное потомъ высочайшей награды. Явились сочиненія Штиллинга, внушающія мысль о ненадобности духовенства и наружныхъ обрядовъ церкви. Потомъ переводы сочиненій г-жи Гіонъ, Дю-Туа и проч., изъ коихъ многія напечатаны на казенное иждивеніе, и переводчики или издатели удостоены отъ монарха наградами. Открылось Библейское Общество. Магницкій, при открытіи отдѣленія онаго въ Симбирскѣ, сказалъ весьма соблазнительную рѣчь, и она была напечатана во всѣхъ публичныхъ листахъ, какъ образцовая, хотя имѣла видъ болѣе тонкой сатиры, нежели набожности истинной. Библейскія засѣданія представили картину истиннаго толеранса. Изданіе Новаго Завѣта, Евангелія, которое въ мнѣніи народа казалось неприкосновеннымъ для мірянъ, сдѣлалось ручною книгою. Переводъ сего завѣта подалъ поводъ къ различнымъ волнующимъ

умы толкамъ, на счетъ несходства. Такъ напр. въ 1-мъ посланіи къ Коринѳянамъ VII главы въ 21 стихѣ Славянскій текстъ говоритъ: «Рабъ ли призванъ былъ еси, да не печалишися, да не радиши; но аще и можеши свободенъ быти, больше поработи себѣ»; напротивъ Русскій: «Рабомъ ли ты призванъ, не безпокойся; но ежели можешь сдѣлаться свободнымъ, тѣмъ больше воспользуйся». Чѣмъ ближе такой переводъ къ Еврейскому тексту, тѣмъ не менѣе подрываетъ онъ народное довѣріе къ одной изъ священнѣйшихъ книгъ, чтомыхъ въ церкви, довѣріе, чрезъ два почти вѣка неприкосновенное. Какой при томъ соблазнъ для раскольниковъ!

Между тѣмъ какъ все сіе происходило, вышнее заведеніе для образованія юношества, Царскосельскій Лицей, далъ нѣсколько выпусковъ. Оказались таланты въ словесности; но свободномысленіе, внушенное въ высочайшей степени, поставило ихъ въ совершенную противоположность со всѣмъ тѣмъ, что́ они должны были встрѣтить въ отечествѣ, при вступленіи въ свѣтъ. Тотъ же самый духъ разлитъ на всѣхъ кои образовались въ университетахъ, въ университетскихъ и частныхъ пансіонахъ, въ училищѣ Іезуитовъ и во всѣхъ другихъ заведеніяхъ, кромѣ корпусовъ. Отличительныя свойства вновь образованныхъ людей съ нѣкоторымъ исключеніемъ суть: непризнаваніе ничего святымъ, нетерпѣніе подчиненности, неуваженіе къ лѣтамъ, желаніе независимости, скорое стремленіе къ наслажденіямъ жизни, скучаніе всѣмъ и безпечность ко всему настоящему. Имъ кажется, что для ума ихъ въ Россіи тѣсно, и нѣтъ ничего достойнаго ихъ дѣятельности; потому многіе, чтобъ быть чѣмъ нибудь, ищутъ только чтобы считаться при комъ нибудь.

Должно ли послѣ сего удивляться, что предпріимчивость нѣкоторыхъ опытныхъ людей захотѣла воспользоваться такимъ расположеніемъ умовъ и обстоятельствъ и основать тайное общество, подобное Прусскимъ и Германскимъ? Существованіе масонскихъ долженствовало еще болѣе тому способствовать. Правительство не подозрѣвало ихъ. Въ 1816 году 30 Августа въ Москвѣ открыта была ложа съ высочайшаго соизволенія. Государь изволилъ сказать Тормасову: «Я не даю явнаго позволенія, но смотрю сквозь пальцы; опытомъ дознано, что въ нихъ ничего нѣтъ вреднаго, и потому предоставляю на твою волю».

Въ рѣчи своей на Варшавскомъ сеймѣ Государь изволилъ упомянуть, что готовитъ для Россіи подобное состояніе. Рѣчь была напечатана въ публичныхъ листахъ и польстила надеждѣ либераловъ. Внезапно происшествія въ Испаніи и Піемонтѣ, съ совершеннымъ

возстаніемъ Грековъ, произвели рѣшительный переломъ въ намѣреніи Государя, какъ между тѣмъ воспламенили умы въ мечтателяхъ о свободѣ Россіи.

Греки оставлены своей судьбѣ. Связь единовѣрства, 8 вѣковъ нерушимо существовавшая, которой всегда страшилась Порта и опасалась Европа, вдругъ разрушена. Греки, въ Россіи находящіеся и особенно въ Москвѣ, шопотомъ произносили жалобу свою и сообщали знакомымъ о несправедливости поступка съ ними. Отъ того радость ихъ при объявленіи Цесаревича Императоромъ была чрезвычайна. Они отыскали медали, выбитыя на рожденіе Его Высочества, съ изображеніемъ церкви Софіи, видѣли уже себя обладателями Царяграда, и вдругъ восхитительная надежда исчезла, унылость на лицахъ ихъ.

Внезапное уничтоженіе масонскихъ ложъ послужило къ тайному огорченію многихъ. Между тѣмъ по ходу просвѣщенія, хотя цензура дѣлалась постепенно строже, но въ тоже время явился феноменъ небывалой въ Россіи: девятый томъ Исторіи Россійскаго Государства, смѣлыми рѣзкими чертами изобразившій всѣ ужасы неограниченнаго самовластія, и одного изъ великихъ царей открыто наименовавшій тираномъ, какому подобныхъ мало представляетъ Исторія! Непостижимо, какимъ образомъ въ то самое время, какъ строжайшая цензура внимательно привязывалась къ словамъ ничего не значущимъ, какъ то Ангельская красота, рокъ и проч. пропускались статьи подобные Волынскому, Исповѣди Наливайки, Разбойникамъ-братьямъ и проч. Предъ самымъ восшествіемъ Вашимъ на престолъ, въ 21 № Сѣвернаго Архива показалась статья о избраніи Годунова на царство; съ 27 Ноября по 14 Декабря въ одномъ магазинѣ выставлялись портреты Ріего и Квироги. Все сіе не есть ли дѣйствіе одного и того же духа?

Происшествіе съ переводомъ пастора Госнера дало поводъ къ немалому волненію умовъ. Удаленіе князя Голицына отъ Министерства Просвѣщенія и уничтоженіе Министерства Духовныхъ дѣлъ сдѣлалось эпохою низложенія мистицизма и библеизма. Представилось соблазнительное торжество извѣстнаго Фотія, представляющаго святаго ревнителя, и въ тоже время обирающаго именитую свою покаянницу. Обнародованъ оскорбительный для князя Голицына рескриптъ къ новому министру просвѣщенія, по случаю дозволенія печатать книгу Станевича, за пропущеніе коей прежде пострадалъ духовный цензоръ Иннокентій, между тѣмъ какъ читавшіе въ публикѣ книгу сію увѣряютъ, что она ни той, ни другой чести не заслуживаетъ. Объявлено запрещеніе и самая конфискація тѣхъ книгъ, кои прежде напечатаны

съ высочайшаго дозволенія; пріостановленъ даже Катихизисъ архіепископа Филарета, на заглавномъ листѣ коего означено было, что онъ Святѣйшимъ Синодомъ разсмотрѣнъ, одобренъ и напечатанъ по высочайшему соизволенію. Надобно было видѣть дѣйствіе такого запрещенія. Въ два-три дни въ Москвѣ выкуплены всѣ экземпляры за тройную цѣну: съ такою жадностью желали знать, что́ могъ написать архипастырь, добродѣтельною жизнію славящійся, противное духу христіанской религіи. Въ это же время послѣдовали два указа на счетъ священниковъ и духовенства вообще: первый распубликованный чрезъ гражданскихъ губернаторовъ, чтобы міряне не поили до пьяна священниковъ; и вторый, данный Святѣйшему Синоду, чтобы отличить женъ и дочерей священно и церковнослужителей особымъ одѣяніемъ. Тотъ и другой оскорбили духовенство и сдѣлали оное предметомъ разныхъ сарказмовъ въ публикѣ. Если все это дѣлалось безъ скрытой пружины, то по крайней мѣрѣ производило одно дѣйствіе: возбудило умы противъ правительства и поощрило къ желанію чего либо лучшаго.

Достопочтенный министръ просвѣщенія между тѣмъ въ рѣчи своей открылъ намѣреніе правительства остановить успѣхи превратнаго просвѣщенія: новый поводъ къ неудовольствію свободомыслящихъ. Еще продолжались о семъ различныя мнѣнія публики, какъ вдругъ происшествіе въ Грузинѣ представило глазамъ ея новый катастрофъ, не менѣе всѣхъ поразившій. Броженіе умовъ и ожиданіе предшествовало важнѣйшему событію.

О Государь! Удостойте сообразить все вышеизложенное, и вы изволите увидѣть и убѣдиться, что истинный корень республиканскихъ порывовъ скрывается въ самомъ воспитаніи и образованіи, которое въ теченіе 24 лѣтъ само правительство давало юношеству. Оно само питало ихъ, какъ млекомъ, либеральными идеями; между тѣмъ какъ, вступая въ дѣятельное поприще жизни, они на каждомъ шагу встрѣчали поводъ къ достиженію той цѣли, къ которой ведетъ подобное образованіе. Преслѣдовать теперь за свободомысліе, не толи же будетъ значить, что́ бить слѣпаго, у котораго трудною операціею сняты катаракты и которому показанъ свѣтъ, за то что различаетъ предметы?

Когда вы изволите быть въ Москвѣ, то увидите въ миньятюрѣ изображеніе Россійскаго юношества, возросшаго въ XIX вѣкѣ: это училище, учрежденное обществомъ сельскаго домоводства для помѣщичьихъ и крестьянскихъ дѣтей. Директоръ сего училища, почтенный профессоръ Павловъ, назидая надъ ихъ воспитаніемъ, обходится съ ними со всею деликатностію, и къ тому же пріучаетъ ихъ во взаим-

номъ обхожденіи; между тѣмъ съ преподаваніемъ наукъ, развивающихъ высокія понятія, возвышающихъ душу, они дѣлаются людьми выше своего состоянія—и зачѣмъ все это? Чтобы по окончаніи курса отдать помѣщику, который при первомъ капризѣ сего образованнаго юношу можетъ послать на конюшню для тѣлеснаго наказанія! Не есть ли это тоже, что̀ точить на себя ножъ ожесточенія?

Всемилостивѣйшій Государь! Сколько бы ни оказалось членовъ тайнаго общества, или вѣдавшихъ про оное, сколько бы по оному преслѣдованію не лишили бы свободы, все еще останется гораздо множайшее число людей, раздѣляющихъ тѣже идеи и чувствованія. Россія такъ уже просвѣщена, что лавочные сидѣльцы читаютъ газеты, а въ газетахъ пишутъ, что̀ говорятъ въ палатѣ депутатовъ въ Парижѣ. Не первая ли мысль: «почему мы не можемъ разсуждать о нашихъ правахъ и собственности», родится въ головѣ каждаго? Большая часть профессоровъ, литераторовъ, журналистовъ должны душевно принадлежать къ желателямъ конституціоннаго правленія, ибо свобода тисненія сопряжена съ личною ихъ выгодою. Книгопродавцы тоже, купцы тоже. Наконецъ, всѣ тѣ, кои бывали въ иностранныхъ государствахъ, а иные и образовались тамъ; всѣ тѣ, кои служили въ гвардіи и теперь служатъ, не того ли же образа мыслей? Кто изъ молодыхъ людей нѣсколько образованныхъ не читалъ, не увлекался сочиненіями Пушкина, дышущаго свободою; кто не цитировалъ басни Дениса Давыдова: «Голова и ноги»? Можетъ быть, и въ числѣ тѣхъ, кои имѣютъ счастіе окружать васъ, есть таковые. О Государь! Чтобъ истребить корень свободомысленія, нѣтъ другаго средства, какъ истребить цѣлое поколѣніе людей, кои родились и образовались въ послѣднее царствованіе. Но если сіе невозможно, то остается одно—препобѣдить сердца милосердіемъ и увлечь умы рѣшительными, явными пріемами къ будущему благоденствію Россіи.

Въ семъ отношеніи дозвольте обратить высочайшее вниманіе Вашего Величества на два коренные устава Россіи, кои приносятъ непримѣтный, но дѣйствительный вредъ: Табель о рангахъ и Городовое Положеніе. По первой быстро умножается классъ личнаго безпомѣстнаго дворянства, подобно Польской шляхтѣ, которая всякой трудъ и ремесло почитая низкимъ, живетъ различными изворотами, и вообще составляетъ родъ людей, который при переворотахъ можетъ надѣяться что нибудь выиграть, а потерять ничего не можетъ. Недавно одинъ такой чиновникъ посаженъ былъ во временную тюрьму ко взысканію за повышеніе чина! По Городовому Положенію собственно гражданами

нашихъ городовъ почитаются одни купцы и мѣщане, съ такою при томъ особенностію въ отношеніи къ первымъ, какой едва ли есть что подобное въ другихъ государствахъ, а именно тою, что права, облагораживающія особу гражданина, даны не лицу, а капиталу. Отъ этого происходитъ двоякое слѣдствіе: богатый честный купецъ невинно разорился (потеря богатства есть само по себѣ несчастіе великое); но законъ вмѣсто утѣшенія угнетаетъ его паче отнятіемъ самыхъ правъ, отличавшихъ его отъ низкаго класса. Съ другой стороны, будь гражданинъ Сократъ добродѣтелью, и онъ подверженъ всѣмъ тягостямъ низкаго званія, если не богатъ; будь, напротивъ, заявленъ въ безчестныхъ правилахъ, и объявя капиталъ, онъ получаетъ права, равняющія его дворянину, самымъ пріѣздомъ ко двору. По истинѣ гибельный соблазнъ гражданской добродѣтели, а безъ нея никакое государство не можетъ быть благополучнымъ.

Государь! Вы воспріяли скиптръ Россіи въ самыхъ затруднительнѣйшихъ обстоятельствахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько предстоитъ Вамъ предметовъ на путп къ истинной, неувядаемой славѣ, къ немерцающему безсмертію! Воскресите для Россіи въ особѣ своей благодушнаго Генриха IV, котораго желаніе видѣть въ Воскресный день курицу въ супѣ каждаго крестьянина пребудетъ прочнѣйшимъ памятникомъ въ сердцахъ позднѣйшаго потомства. Великій Генрихъ принялъ Францію въ бѣдственнѣйшемъ положеніи, но, пожелавъ видѣть ее счастливою, избралъ честнаго Сюлли, и въ десять лѣтъ все измѣнило свой видъ. Вамъ подобно предстоитъ: даровавъ духовенству нравственное образованіе, подкрѣпить упавшее и 24 лѣтнимъ займомъ въ конецъ разоренное дворянство, воскресить коммерцію и промышленность незыблемыми уставами; водворить правосудіе учрежденіемъ лучшаго судопроизводства, преобразовать города введеніемъ гражданскихъ правъ, подобныхъ другимъ государствамъ, дать другое для всѣхъ состояній, постепенное просвѣщеніе юношеству; улучшить состояніе земледѣльцевъ; уничтожить унизительную для націи продажу людей (о легкомъ къ сему средствѣ я имѣлъ счастіе представлять покойному Государю), воскресить флотъ; поощрить къ мореплаванію частныхъ людей, къ чему призываютъ Гаити и Америка. Но мнѣ ли исчислить всѣ отрасли государственнаго блага, которыя отъ Васъ должны произойти, процвѣсть и дать плодъ?

Августѣйшій Монархъ! Въ послѣднемъ порывѣ любви къ Отечеству, дерзнулъ я, не желая уподобиться Евангельскому рабу, сокрывшему талантъ свой въ землю, представить Вашему Величеству все то, что̀ мнѣ, по бытности моей при дѣлахъ и по обращенію въ среднемъ

состояніи, извѣстно относительно настоящаго положенія Россіи, которую я имѣлъ случаи видѣть отъ Камчатки до Польши, отъ Петербурга до Астрахани. Я исполнилъ сіе, сколь то растерзанное горестію сердце и необходимость писать прямо на бѣло мнѣ дозволили. Имѣвъ счастіе прочитать благость во взорахъ Вашихъ, я скорблю объ одномъ, что Вы, Государь, не сердцевидецъ. О если бы Вы изволили видѣть, какими чувствами исполнена душа моя: можетъ быть удостоили бы меня Вашимъ состраданіемъ. Но да совершится воля неисповѣдимаго въ путяхъ Своихъ Провидѣнія!

Съ благоговѣніемъ повергаюсь къ священнымъ стопамъ Вашимъ.

Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества баронъ Владиміръ Ивановъ сынъ Штейнгель, отставной подполковникъ, заключенный въ Петропавловской крѣпости.

Генваря 11 дня 1826.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО *).

Жизнь въ отставкѣ (1839—1842).

Вотъ въ краткихъ словахъ какъ мы провели здѣсь время до сихъ поръ.

Прибывъ сюда въ Маѣ мѣсяцѣ 1839 года, мы уже застали нужду въ народѣ отъ дурнаго урожая 1838 г.; постоянныя засухи лишали насъ надеждъ на урожай 1839 года, слухи о семъ до насъ доходили еще на пути слѣдованія нашего. Народъ встрѣтилъ насъ на берегу рѣки у моста. Мы вошли прежде въ церковь, гдѣ отслужили молебенъ, и оттуда пошли въ маленькій домикъ нашъ, который я кое-какъ отдѣлалъ къ пріѣзду; ибо до того въ немъ не было средства жить (окна, двери не затворялись, крыша, потолокъ и стѣны протекали отъ дождей, по поламъ нельзя было ходить, мебели не было ни одного стула, ни стола). Домикъ былъ отдѣланъ довольно чисто къ пріѣзду нашему, но тѣснота была чрезвычайная: всего пять маленькихъ комнатъ, въ коихъ мы кое-какъ вмѣстились и перезимовали на 1840-й годъ. Я учредилъ кабинетъ свой во флигелѣ. Въ такомъ видѣ находились и находятся еще теперь, послѣ небольшихъ исправленій, всѣ заведенія хозяйственныя, требующія большихъ поправокъ, и слѣдственно расходовъ, которыхъ я однако не смогу еще положить на нихъ, потому что доходы всѣ обращаются на постройку новаго дома, поглощающаго большія издержки.

Скудная жатва, показавшаяся на поляхъ, страшила уже поселянъ, какъ пожаръ въ селѣ поразилъ всѣхъ ужасомъ. Это случилось ночью въ концѣ Іюля мѣсяца, когда весь народъ былъ въ полѣ. Надобно было выстроится къ осени, переселить нѣсколько дворовъ оскудѣвшихъ еще до того отъ бѣдности и лѣни, а всего болѣе поддержать упадшій духъ въ народѣ. Я купилъ лѣсу, возилъ его въ самую рабочую пору, и удалось мнѣ къ осени выстроить 33 двора, что̀ сопряжено однако

*) См. выше, стр. 23.

было съ чувствительнымъ урономъ въ доходахъ моихъ и въ состояніи крестьянъ, пострадавшихъ отъ огня. Я выбралъ нѣсколько семействъ самыхъ малонадежныхъ къ исправленію, перенесъ ихъ ближе къ полямъ и снабдилъ лошадьми и орудіями для работъ. Мѣсто, гдѣ я поселилъ ихъ, представляло большія выгоды въ томъ отношеніи, что имъ не надобно было далеко ѣздить на работу, какъ здѣшнимъ, у коихъ поля въ 8 верстахъ отъ селенія. Но тамъ не было воды. Первыя усилія мои для добыванія оной были тщетны: вода въ колодцахъ не показывалась; но мы, наконецъ, нашли ее. Я еще усилилъ воду построеніемъ плотины, и поселеніе сбылось. Оставалось сдѣлать важнѣйшее— устроить надзоръ: ибо народъ, переселенный въ новую деревню, названную мною Пружинскими Колодцами, былъ преданъ лѣни и предпочиталъ жить подаяніями. Тутъ нужно было настоящее терпѣніе, и подвигъ сей до сихъ поръ стоитъ еще большихъ заботъ, но, кажется, будетъ имѣть успѣхъ.

Едва успѣли нѣсколько укрыть погорѣлыхъ въ новыхъ домахъ, какъ скотскій падежъ истребилъ въ нѣсколько дней почти всѣхъ коровъ въ селѣ. Лѣто было жаркое, все въ поляхъ засохло, и къ тому присоединился смрадъ, распространившійся въ воздухѣ отъ множества падали, которую небрежно зарывали.

Настала зима, зима холодная и безъ снѣга. Мы уже страшились лишиться семянъ, брошенныхъ въ землю осенью, и не имѣли продовольствія на зиму. Народъ голодалъ. Надобно было выдавать хлѣбъ въ пособіе. Толпы крестьянъ наполняли ежедневно контору съ требованіями своими; раздача производилась небольшими долями, чтобы была возможность продовольствовать ихъ до новой жатвы: ибо крестьяне не соображаютъ будущихъ надобностей своихъ съ настоящими средствами.

Жена моя, неопытная въ обхожденіи съ крестьянами и руководимая однимъ влеченіемъ сердца своего, допускала сперва крестьянокъ къ себѣ для выслушанія ихъ жалобъ и сама стала раздавать имъ печеный хлѣбъ ежедневно. Мѣра сія поощрила всѣхъ лѣнивыхъ, такъ что толпа народа не выходила изъ передней, и наконецъ до такой степени дошла наглость ихъ, что они совершенно предупредили входъ въ домъ, собирались иногда до 50-ти человѣкъ, въ числѣ коихъ много было такихъ, коимъ въ тоже время выдавали въ семейства муку изъ конторы. Сходбища сіи продолжались почти цѣлый годъ и прекратились только тогда, когда жена увидѣла, что пособія, даваемыя ею, служили болѣе къ баловству крестьянъ и поощренію лѣнивыхъ, чѣмъ къ ихъ собственной пользѣ.

Въ теченіе сей зимы насъ посѣтило новое бѣдствіе: лошади, главное орудіе крестьянъ, стали дохнуть; падежъ продолжался съ полгода и совершенно лишилъ насъ силъ къ работѣ. Многія семейства обѣдняли до крайности, такъ что они не только не въ состояніи выходить на господскую работу, но не могутъ даже обрабатывать и собственныхъ полей. Съ началомъ весны 1840 года появилась горячка, и послѣ того распространилась цынготная болѣзнь, отъ которой погибло много народа. Трудно было дать людямъ пособіе, по нерадѣнію ихъ даже въ пріемѣ лекарствъ. Я учредилъ два временныхъ лазарета, въ копхъ съ пользою лѣчилъ больныхъ, и поставилъ на ноги людей изнеможенныхъ до крайности болѣзнью. Въ домѣ же я раздавалъ воду окисленную купоросною кислотою для питья, и средство сіе пособило тѣмъ, которые его употребляли. Съ появленіемъ хорошей погоды болѣзни стали исчезать послѣ большихъ опустошеній, сдѣланныхъ въ отчинѣ. Изнуренные, тощіе люди, на полуживыхъ лошадяхъ выходили въ поле, гдѣ нужно было обращать болѣе вниманія на ихъ собственныя работы, чѣмъ на мои; не менѣе того небольшая часть крестьянскихъ полей осталась незасѣянною. Въ сей годъ яровые хлѣба вышли отличные, но озимые вышли очень дурны. Принимая осторожности, чтобы крестьяне не размотали скуднаго урожая ржи своей, я приказалъ собирать по возможности долги и симъ способомъ обсѣялъ на осень поля тѣхъ, у которыхъ ничего не родилось.

Одно изъ занятій по имѣнію, обратившее въ особенности вниманіе мое, было правильное раздѣленіе полей; ибо они были очень спутаны и даже разрабатывались безъ настоящей извѣстности. Я имѣлъ нѣсколько успѣха въ семъ дѣлѣ, которое однакоже не могъ кончить по случаю размежеванія черезполосностей съ сосѣдями, начавшагося осенью и до сихъ поръ не оконченнаго, какъ по неблагонамѣренности посредника, такъ всего болѣе по безпечности и неисполнительности самихъ сосѣдей.....

21 Августа (1840) батюшка скончался...

3 Апрѣля 1841.

Въ бытность мою въ Москвѣ я увидѣлся послѣ 25 лѣтъ съ Натальею Николаевною, бывшею Мордвиновою, нынѣ за Львовымъ. Казалось, что мужъ ея будто избѣгалъ сначала свиданія со мною. Насъ познакомило желаніе, которое онъ изъявилъ купить Рязанское имѣніе Вѣры Паленъ, которое находится въ моемъ управленіи. Онъ не купилъ его, но былъ у меня, что̀ и меня вызвало къ нему. Въ первый день я не видалъ жены его, которая, какъ онъ говорилъ мнѣ, ушиблась нечаяннымъ паденіямъ объ уголъ камина; но она, какъ послѣ мнѣ сказала, видѣла меня, когда я по лѣстницѣ спускался. Въ другое посѣ-

щеніе мое я съ нею видѣлся. Всѣ пріемы ея, черты лица, все тутъ было и напоминало ее въ образѣ молодыхъ лѣтъ ея. Въ сихъ сотрясеніяхъ повѣряется неизмѣримость и мгновенность времени, таинственность нашихъ душевныхъ влеченій. Я мало имѣлъ случая съ нею говорить, потому что мужъ ея не переставалъ занимать меня разговоромъ... Оба были очень привѣтливы ко мнѣ, а она въ особенности просила меня навѣщать ихъ всегда, когда случай мнѣ на то предстанетъ. Оба они оставили во мнѣ пріятное впечатлѣніе по искренности ихъ обхожденія и по благонамѣренности, составляющей отличительную черту въ поступкахъ и жизни ихъ.

Львовъ мизантропъ, но въ существѣ человѣкъ хорошій. Пріятны для меня были часы проведенные въ обществѣ ихъ; я съ удовольствіемъ слушалъ сужденія ихъ о деревенской жизни и благосостояніи крестьянъ, коимъ они посвятили многіе годы своей жизни. Нелюдимость Львова была, какъ замѣтно, слѣдствіемъ слишкомъ горячаго сердца его, не соотвѣтствовавшаго равнодушію и безпечности людей, съ коими онъ встрѣчался и былъ въ сношеніяхъ. Рѣчи его льются свободно, когда онъ выражаетъ красоты природы, прельщающія его, или когда предметомъ ихъ бываетъ нищета и скудность человѣческаго рода, коему онъ пламенно желаетъ пособить. Оба одушевлены простою и чистою вѣрою и не заблудились въ безполезныхъ мудрованіяхъ. Словомъ, люди хорошіе и заслуживающіе всякаго уваженія и любви.

Въ бытность мою въ Москвѣ, братъ Александръ уговаривалъ меня съѣздить въ Петербургъ подъ предлогомъ свиданья по дѣламъ раздѣла съ братьями, а въ сущности для того, чтобъ показать себя въ столицѣ и испытать расположеніе Государя для вступленія въ службу. Ему ли было мнѣ совѣтовать сіе? Онъ первый одабривалъ намѣреніе мое оставить службу. И на чемъ основалъ онъ предложеніе свое? Прошедшимъ лѣтомъ, когда завязались военныя дѣйствія между Англичанами и Египтянами въ Сиріи, предвидѣлась возможность, что и наши войска пойдутъ въ Турцію. Орловъ однажды въ разговорѣ спросилъ брата Михайлу, вступлю ли я опять въ службу. Михайло отвѣчалъ, что онъ того не зналъ, но слышалъ, что я буду служить, если меня на службу зачислятъ. Михайло пересказалъ это Валентину *), а Валентинъ Александру, когда онъ проводилъ съ нимъ лѣто. Разговоръ сей былъ такъ малозначущъ, или такъ мало на него обратили вниманія, что его довели до меня черезъ 8-мь мѣсяцевъ, и Александръ хотѣлъ, чтобы, основываясь на немъ, я поѣхалъ въ столицу искать службы и тѣмъ подвергнуть себя новымъ посрамленіямъ!..

*) Князю Валентину Михайловичу Шаховскому (на сестрѣ котораго былъ женатъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ). П. Б.

17 Іюля (1841).

Около 20 числа прошедшаго Іюня мѣсяца жена заболѣла и какъ болѣзнь усиливалась, то я послалъ за лекаремъ. Обратился же я по сему случаю къ Тергукасову, года полтора тому купившему помѣстье у Вадковскаго и поселившемуся въ немъ, верстахъ въ 40 отсюда. Этотъ Тергукасовъ сынъ Армянскаго священника въ Тифлисѣ. Въ 1818 году, когда я учился у Шегриманова по-турецки, онъ былъ у него въ ученіи лекарскомъ, какъ онъ теперь говоритъ, и занимался Латинскимъ языкомъ. Я его въ то время зналъ за слугу, онъ одѣвался довольно бѣдно, звали его просто Соломономъ; а должность его, сколько я могъ видѣть, состояла тогда въ набиваніи трубокъ и подаваніи чаю. Впрочемъ онъ, можетъ быть, находился по восточнымъ обычаямъ въ ученіи, какъ у насъ отдаютъ къ хозяевамъ мальчиковъ для обученія мастерству, при чемъ они обыкновенно первые года занимаютъ должность служекъ. Около 1820 года Шегримановъ просилъ у меня рекомендательнаго письма для Соломона въ Москву, куда онъ хотѣлъ ѣхать для слушанія курса медицины въ университетѣ; я ему тогда далъ письмо къ покойному отцу моему и потерялъ его нѣсколько лѣтъ изъ виду. Онъ воротился послѣ того въ Грузію съ званіемъ доктора медицины и опредѣлился уѣзднымъ лекаремъ въ Гори, гдѣ пользовался между жителями хорошимъ именемъ. Въ 1829 году, зимою, когда Лазы обложили Ахалцыхъ, уже намъ принадлежавшій, я былъ посланъ изъ Тифлиса съ войскомъ для освобожденія крѣпости, и какъ я въ Гори сформировалъ тогда подвижной госпиталь и не имѣлъ лекаря къ сему госпиталю, то взялъ Тергукасова въ сію должность. Экспедиція сія скоро кончилась, и Тергукасовъ возвратился въ Гори, не имѣвъ случая оказать какого либо отличія кромѣ своей готовности и усердія.

По заслугамъ ли своимъ или другимъ качествамъ, Тергукасовъ попалъ въ довѣренность къ генералу Панкратьеву, правившему нѣкоторое время дѣлами въ Грузіи послѣ отъѣзда Паскевича, былъ съ нимъ неразлученъ въ поѣздкахъ его и пріѣзжалъ съ Панкратьевымъ въ 1832 году въ Петербургъ, гдѣ я съ нимъ видѣлся. Оттуда онъ ѣздилъ въ Варшаву и, возвратившись въ Грузію, достигъ также довѣренности главно-управляющаго барона Розена, съ коимъ онъ въ Москву пріѣхалъ; женился на Калустовой, родственницѣ богатаго Армянина Лазарева, имѣющей хорошее состояніе.

Тергукасовъ поспѣшилъ по первому приглашенію моему пріѣхать и сталъ пользовать жену. Онъ, казалось, радъ былъ видѣть меня и говорилъ, что давно уже собирался пріѣхать; но за какими-то причинами все откладывалъ поѣздку свою. Можетъ-быть, что, помня прежнія сношенія наши, онъ опасался встрѣтить пріемъ не соотвѣтствец-

ный нынѣшнему состоянію его. Впрочемъ онъ показалъ теперь много усердія и оставилъ даже больнаго ребенка своего. Тергукасовъ на спросъ мой объяснилъ, что нажилъ себѣ еще капиталъ въ Грузіи отъ торговли, коею занимался братъ его, съ которымъ онъ былъ въ долѣ. Онъ принялся лѣчить и какъ послѣ оказалось, съ успѣхомъ, не щадя вниманія своего, не спалъ двѣ или три ночи сряду.

Итакъ лѣто сіе было опять тяжелое для меня, какъ по разстройству въ хозяйствѣ произведенномъ болѣзнью жены, такъ и по болѣзнямъ господствующимъ въ народѣ отъ постоянныхъ жаровъ, которыя можно уподобить только жарамъ въ Персіи. Появились кровавые поносы во множествѣ, желчныя горячки, такъ что недостаетъ до сихъ поръ людей для уборки хлѣбовъ.

Въ началѣ сего мѣсяца пріѣхалъ къ намъ неожиданно Захаръ *), который, будучи въ Орлѣ, узналъ изъ письма моего къ Долгорукову о болѣзни сестры своей. Онъ провелъ у насъ два дня.

Въ ночи съ 15-го на 16-е Іюля, имѣлъ я сонъ, который оставилъ во мнѣ впечатлѣніе, почему и записываю его:

Я былъ въ Порховѣ, куда пріѣхалъ и Наслѣдникъ Престола, сдѣлавшійся Императоромъ по случаю кончины Государя. Онъ принялъ меня очень ласково и привѣтливо, и съ сожалѣніемъ объявилъ мнѣ, что по завѣщанію отца его, долженъ былъ разжаловать меня на 16 лѣтъ въ солдаты, за участіе въ убіеніи въ Порховѣ одного жителя, когда я еще полкомъ командовалъ; совѣтовалъ мнѣ впрочемъ успокоиться, говоря, что онъ изъ 16 лѣтъ сдѣлаетъ 6 лѣтъ, и въ эти 6 лѣтъ зачтетъ прошедшіе уже три года. Я отвѣчалъ, что готовъ служить ему и солдатомъ 16 лѣтъ, если только служба моя можетъ быть для него полезна, но что я не знаю за собою подобной вины, что командовалъ полкомъ въ Грузіи. «У тебя одинъ солдатъ», продолжалъ Наслѣдникъ дружески, «былъ посланъ для покупки устрицъ, поссорился съ продавцемъ, подрался съ нимъ и убилъ его, а ты дѣло это скрылъ, почему покойный Государь и обвиняетъ тебя». Я объяснилъ, что никогда ничего подобнаго не было, и мнѣніе мое, что вѣрно сіе случилось съ кѣмъ-либо другимъ, а на меня взвели сіе дѣло по ошибкѣ въ именахъ.— «Такъ слѣдствіе показало, но если ты имѣешь оправданіе, то подай записку вотъ ему», сказалъ молодой Императоръ, показывая на какого-то генерала съ нимъ пріѣхавшаго. Меня назначили служить въ артиллеріи, бомбардиромъ, и я спросилъ Наслѣдника, куда и когда мнѣ отправиться къ новой должности? Но онъ отвѣчалъ, чтобъ я не тревожился, и что онъ назначитъ мнѣ остаться въ Порховской пожарной командѣ, гдѣ мнѣ будетъ гораздо легче, чѣмъ во фронтѣ служить.

15-го числа я перешелъ въ свой новой кабинетъ; много потѣшило меня новое житье мое, пріобрѣтенное многими трудами и терпѣніемъ, и я до сихъ поръ вполнѣ наслаждаюсь симъ удовольствіемъ.

*) Чернышовъ, бывшій Декабристъ. П. Б.

29 Марта 1842.

Въ Москвѣ носились слухи о намѣреніи Государя назначить меня въ Грузію главнокомандующимъ на мѣсто Головина, у коего дѣла шли дурно и который самъ просилъ увольненія отъ своей должности. Слухи сіи такъ укоренились, что дня черезъ три по пріѣздѣ моемъ явились ко мнѣ Николай и Матвѣй Матвѣевичи Муравьевы, изъ коихъ послѣдній просилъ даже у меня должности въ Грузіи, потому что онъ находился за ранами въ безсрочномъ отпуску и числился на службѣ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку... Оба они недавно женились, и женились внезапно. Меньшой взялъ за себя Викулину... до свадьбы его Викулинъ умеръ, и завязался между сыновьями его и мачихою ихъ процессъ, что́ и составляло предметъ разговоровъ всего околодка...

Около половины Генваря мѣсяца я отправился къ брату въ Долголяды. Александръ ожидалъ меня съ дружбою и тщился сколько можно болѣе выразить радость свою всѣми угожденіями, какія онъ въ силахъ былъ оказать; онъ желалъ присоединить къ тому и сколько можно было болѣе блеску: выставилъ пушки свои передъ воротами и открылъ пальбу изъ нихъ, при въѣздѣ моемъ на дворъ. Комнаты были всѣ освѣщены съ роскошью. Многолюдное семейство его, состоящее изъ Шаховскихъ, приняло меня также привѣтливо.

Я занялъ тотъ же кабинетъ въ которомъ останавливался, когда пріѣзжалъ къ покойному отцу. Домъ былъ полонъ народа, обмеблированъ заново и по устройству своему представлялъ возможныя выгоды для жильцовъ, просторъ, теплота, чистота воздуха и проч., и они вполнѣ наслаждались сими удобствами. Но я всегда опасался, чтобы Александръ не завлекся украшеніемъ сего зданія, построеннаго княземъ Урусовымъ, у коего было 4.000 душъ крестьянъ, по несоотвѣтствующаго ограниченнымъ средствамъ, копми располагалъ братъ Александръ.

Жизнь свою проводилъ онъ пріятно среди Шаховскихъ, тщательно угождавшихъ ему; въ домѣ его много дружбы, согласія, и слѣдственно счастія; въ семъ отношеніи онъ надѣленъ лучше многихъ.

Незадолго до пріѣзда моего въ Долголяды Александръ получилъ письмо изъ Петербурга отъ брата Михаила, увѣдомлявшаго его, что дѣло его, по коему онъ былъ уволенъ отъ должности губернатора въ городѣ Архангельскѣ, принимало хорошій оборотъ, и что онъ могъ надѣяться получить вознагражденіе за претерпѣнное имъ напрасно, почему и совѣтовалъ ему самому пріѣхать въ Петербургъ. Александръ обѣщался ѣхать и, какъ можно было предвидѣть, что графъ Орловъ при свиданіи съ нимъ заговоритъ обо мнѣ, то я поручилъ ему, нигдѣ и никому не упоминая первому обо мнѣ, въ случаѣ какого либо

спроса, отвѣчать, что я считалъ себя въ невозможности вступить въ службу, пока будутъ существовать доходящіе до меня слухи, что я вышелъ въ отставку будто по личному неудовольствію на Государя, что ложность сихъ слуховъ должна быть ощутительна самимъ распускающимъ ихъ: ибо имъ же самимъ извѣстно, что, по удаленіи меня отъ командованія корпусомъ, я три мѣсяца жилъ въ Кіевѣ, занимаясь своею контрольною коммиссіею, коей я былъ главноуправляющимъ въ ожиданіи того, что́ угодно будетъ Государю мнѣ поручить, и что я тогда только оставилъ службу, когда увидѣлъ, что ожиданія тщетны и что приличіе требовало самовольнаго удаленія моего изъ службы до полученія другаго намека. Нынѣ распущенные о семъ обстоятельствѣ ложные слухи ясно доказывали, что враги мои не умолкли и что они въ такомъ видѣ представляютъ Государю о моемъ расположеніи духа, почему я не могу покуситься на такой скользкій шагъ, какъ вступленіе въ службу, безъ удостовѣренія, что появленіе мое не будетъ противно Государю, при чемъ я просилъ брата остеречься, чтобы не обязать меня какою либо неосторожностью въ словахъ къ вступленію въ службу и искательству у людей, съ коими бы не желалъ я имѣть дѣла; ибо мнѣ дома хорошо, я ничего не ищу, и если буду когда либо служить, то одному Государю, а потому и не имѣлъ надобности домогаться чьего либо инаго покровительства.

Пробывши два дня у брата, я возвратился въ Москву, а онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Когда въ прошедшемъ году я отказался отъ наслѣдства, оставшагося послѣ покойнаго батюшки, братья просили меня принять библіотеку его и инструменты. Я согласился принять ее не прежде какъ тогда, когда раздѣлъ имѣнія между ними совершенно кончится и когда каждый получитъ свою часть, и по полученіи увѣдомленія, что они все дѣло сіе кончили, я благодарилъ ихъ за сдѣланный мнѣ подарокъ. Александръ, въ рукахъ коего сіи вещи находились, велѣлъ уложить ихъ въ ящики и отправилъ въ домъ Екатерины Ѳеодоровны Муравьевой, въ ожиданіи моего о нихъ распоряженія, она же отправила вещи сіи въ Сокольники, въ свой загородный домъ. Ящики были уложены б[illegible]щанія и частію разбились, такъ что изъ нихъ книги посыпались, и надобно было ихъ снова перекладывать, что́ и было сдѣлано въ домѣ Екатерины Ѳеодоровны.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Москву я послалъ за ящиками; ихъ привезли, но числомъ меньше того, какъ показано было въ накладной, доставленной ко мнѣ Александромъ. Я разложилъ книги, и всего отдѣленія Французскихъ романовъ, которое было довольно полно у покойнаго батюшки, не доставало. Всѣ разысканія и спросы ни къ

чему не повели, и мнѣ удалось только открыть, что дворецкій Екатерины Ѳеодоровны, принимая ящики, далъ росписку въ томъ количествѣ какое мнѣ сдалъ, т. е. двумя ящиками меньше, чѣмъ въ накладной, и росписка сія была оставлена братомъ безъ вниманія, почему я могу заключить, что все отдѣленіе книгъ сихъ, романовъ Французскихъ, было кѣмъ либо отобрано, тѣмъ болѣе, что изъ нихъ ни одного тома разрозненнаго сочиненія въ собраніи моемъ не находилось, тогда какъ всѣ Русскіе романы были на лицо. Инструменты же скорѣе наброшены, чѣмъ уложены: у физическихъ всѣ стекла побиты, прочіе поломаны; при томъ же самые нужные и лучшіе для съемки плановъ инструменты были подѣлены братьями между собою, что́ они конечно были въ правѣ сдѣлать. . . .

Съ помощью приглашеннаго мною книгопродавца Готье, я составилъ книгамъ каталогъ, пополнилъ покупкою разрозненныя сочиненія и уложилъ все опять въ ящики, что́ мнѣ стоило около 700 рубл., и симъ средствомъ я получилъ богатую библіотеку, состоящую почти изъ 3500 томовъ, для присоединенія оной къ своей прежней библіотекѣ, а около 1500 книгъ старыхъ ни къ чему негодныхъ и разрозненныхъ оставилъ въ Москвѣ для продажи, которая однакоже не удается.

Изъ инструментовъ отобралъ я нѣсколько лучшихъ и отдалъ ихъ въ починку, съ уплатою за нихъ тѣми, которыя мнѣ менѣе были нужны, но до сихъ поръ еще не получилъ ихъ.

Село Архангельское, 2-го Апрѣля (1842).

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, я не упустилъ изъ виду навѣстить Алексѣя Петровича Ермолова, два раза я у него былъ и не заставалъ его дома; онъ послѣ того пріѣхалъ ко мнѣ и, просидѣвъ у меня часа два утра, просилъ меня назначить день и мѣсто, гдѣ бы намъ провести вмѣстѣ вечеръ, чтобы потолковать о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Я назначилъ домъ Петра Николаевича Ермолова, гдѣ мы и собрались: Алексѣй Петровичъ, я, Петръ Николаевичъ и Во[illegible]въ. Мы провели вмѣстѣ весь вечеръ и часть ночи и перебрали всѣ предметы, которые насъ могли занимать, въ особенности же говорили о Грузіи и о дурномъ состоянія, въ коемъ нынѣ дѣла находятся. Изъ оборота мыслей Алексѣя Петровича казалось мнѣ, что онъ бы не отказался принять вновь начальство въ томъ краѣ, еслибъ ему оное предложили. Я нашелъ его посвѣжѣвшимъ и душевно и тѣлесно противъ прежняго состоянія его; онъ веселѣе прежняго, и хотя ему случается иногда подшутить надъ какою либо неосновательною мѣрою, предпринятою правительствомъ или, лучше сказать, правитель-

ственными лицами, но въ рѣчахъ его не замѣтно того озлобленія, которое прежде выказывалось

Въ бытность мою въ Москвѣ я навѣстилъ раза четыре Львовыхъ, у коихъ пріятно проводилъ время; былъ также раза два у княгини Мещерской и почти ежедневно у Екатерины Ѳедоровны Муравьевой. Остальную часть времени проводилъ я въ занятіяхъ по дѣламъ управляемыхъ мною имѣній съ Опекунскимъ Совѣтомъ. . . .

Въ бытность мою въ Пустотинѣ пріѣзжалъ ко мнѣ тамошній сосѣдъ царевичъ Имеретинскій Дадіанъ. Онъ нѣкогда служилъ въ Преображенскомъ полку, и когда въ 1822 году было возмущеніе въ Имеретіи, то онъ, находясь тогда въ отпуску, принялъ участіе въ томъ бунтѣ, былъ взятъ въ плѣнъ, судимъ и переведенъ за наказаніе въ одинъ изъ гарнизонныхъ баталіоновъ Сибирскихъ, гдѣ пробылъ пять лѣтъ, былъ прощенъ и уволенъ въ отставку; по отставкѣ онъ женился на дочери графини Паленъ, вдовы Павла Петровича, и поселился въ Рязанской губерніи: человѣкъ простой и по видимому показался мнѣ хорошимъ. Выѣхавъ изъ Пустотина, я по дорогѣ заѣхалъ къ нему въ село его, Кипчаково, гдѣ и ночевалъ....

Село Архангельское, 5-го Апрѣля.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ я получилъ отъ брата Александра изъ Петербурга письмо, коимъ онъ увѣдомилъ меня, что, при свиданіи его съ графомъ Орловымъ, Орловъ спросилъ его первый обо мнѣ, и когда Александръ сказалъ ему, что я занимаюсь хозяйствомъ, то Орловъ изъявилъ сожалѣніе свое о случившемся, на что̀ братъ отвѣчалъ, что меня въ семъ дѣлѣ болѣе всего огорчаетъ распущенный слухъ, что я оставилъ службу будто по личному неудовольствію на Государя, ибо никогда такая мысль мнѣ и въ голову не приходила.

— «Его только что хотѣли назначить военнымъ губернаторомъ въ Кіевѣ», сказалъ Орловъ, «или главноуправляющимъ на Кавказѣ или въ Грузіи (на которое мѣсто изъ двухъ, Александръ не хорошо замѣтилъ): ибо, продолжалъ Орловъ, онъ въ состояніи поправить тамошнія дѣла, о чемъ я тогда еще говорилъ вашему батюшкѣ; прямо же мнѣ о томъ говорить брату вашему не приходилось, чтобы не уронить достоинства самого Государя».

Странныя сужденія! Можно ли уронить достоинство Государя изъявленіемъ желанія его, которое есть приказаніе подданному; и прилично ли Государю сообщаться такимъ образомъ съ подданнымъ?

Александръ отвѣчалъ, что я самъ бы вступилъ въ службу, еслибъ имѣлъ въ виду поручительство въ благорасположеніи ко мнѣ Государя.

— «Знаю, что въ томъ не онъ виновенъ, сказалъ Орловъ, а виноваты Чернышовы: ибо Государь говорилъ о томъ Кругликовой, а она не передала словъ его брату вашему, безъ чего все бы уладилось. Вы знаете, что военный министръ ѣдетъ въ Грузію; скажите брату вашему, чтобы онъ, по знакомству съ министромъ, посѣтилъ его въ проѣздъ его черезъ Москву».

Разговоръ ихъ прекратился въ тотъ день пріѣздомъ къ Орлову нѣкоторыхъ лицъ, при коихъ нельзя было продолжать онаго.

Черезъ нѣсколько дней братъ былъ опять у графа Орлова и сказалъ ему, что онъ получилъ извѣстіе о выѣздѣ моемъ изъ Москвы, и потому невозможно мнѣ было болѣе видѣться съ военнымъ министромъ въ Москвѣ. «Министръ поѣдетъ черезъ Воронежъ», сказалъ Орловъ; «не можетъ ли братъ вашъ къ тому времени съѣздить въ Воронежъ, чтобы тамъ повидаться съ нимъ?» И Орловъ затѣмъ отозвался недосугомъ, почему и разговоръ ихъ опять прекратился.

Тутъ братъ вручилъ ему запечатанное отъ себя письмо (отъ 6 Февраля 1842), въ коемъ онъ объяснялъ положеніе дѣла и образъ мыслей моихъ. Орловъ пробѣжалъ письмо съ поспѣшностью и, положивъ его на столъ, сказалъ, что послѣ прочитаетъ оное.

Село Архангельское, 6 Апрѣля.

Быть у военнаго министра въ проѣздъ его чрезъ Москву, или отыскивать его въ Воронежѣ — предложенія, на которыя я бы могъ согласиться. Письмо, поданное графу Орлову братомъ, служило къ тому, чтобы Орловъ не перетолковалъ иначе объясненія, которое они имѣли на мой счетъ; мѣра эта во всякомъ случаѣ не могла повредить дѣлу. Я нахожу однакоже, что братъ хотя и правильно объяснилъ мой образъ мыслей, но выраженія, употребленныя имъ въ письмѣ семъ, слишкомъ усилены, т-е. слишкомъ много прилагательныхъ, которыя какъ будто свидѣтельствуютъ о нѣкоторой степени искательности съ моей стороны и безъ пользы растягиваютъ самое содержаніе письма. Впрочемъ, если Орловъ въ числѣ людей, повредившихъ мнѣ и моихъ гонителей, то онъ можетъ, и не показывая письма Александра Государю, перетолковать по своему весь смыслъ разговора ихъ и представить образъ мыслей моихъ въ томъ видѣ, какъ ему захочется.

Вотъ продолженіе сихъ сношеній, какъ меня о томъ увѣдомилъ Александръ уже по возвращеніи его къ себѣ въ деревню. Онъ былъ передъ выѣздомъ своимъ изъ Петербурга у графа Орлова, и какъ разговоръ ихъ обратился на мой счетъ, то Орловъ сказалъ, что письмо сіе косвенное, а потому и не можетъ онъ пустить оное въ ходъ. При семъ братъ замѣчаетъ, что оно было показано.

Александръ отвѣчалъ, что, я вѣдь и не желалъ ничего, не прошу ничего инаго какъ только того, чтобъ быть оправданнымъ во мнѣніи Государя.

— «И такъ я могу сказать, продолжалъ Орловъ, «что я получилъ косвенныя извѣстія, по коимъ братъ вашъ готовъ служить, коль скоро въ немъ будетъ надобность».— «Совершенно такъ», отвѣчалъ Александръ, «братъ мой всегда готовъ служить отечеству своему и Государю, коль скоро ему о томъ дадутъ знать».

Спмъ и кончилось. Казалось бы, что мнѣ послѣ того должно ожидать вызова; но какъ разгадать скрытныя мысли Орлова и кто поручится, что онъ въ тайнѣ не питаетъ на меня неудовольствія за славу, косй онъ черезъ меня лишился въ экспедиціи 1833 года въ Турціи? Ибо ему недостаточно было почестей, коими онъ былъ одаренъ: ему нужна была молва народная и память въ потомствѣ.

И такъ дѣло по прежнему. Я остаюсь мирнымъ жителемъ деревни и пользуюсь благами, дарованными мнѣ Богомъ въ уединеніи, доставшемся на мою долю....

Послѣ отъѣзда гостей, мы принялись за прежній родъ жизни,— занятія по хозяйству, воспитаніе дѣтей и чтеніе. Дѣятельность моя годъ отъ году исчезаетъ; съ прискорбіемъ убѣждаясь въ томъ ежедневно, я сталъ дѣлать надъ собою усилія и замѣчаю въ себѣ успѣхъ: ибо началъ болѣе прежняго заниматься, что̀ имѣетъ прямое дѣйствіе и на мои физическія силы, склоняющіяся (можетъ быть и вѣроятно отъ бездѣйствія) къ упадку.

Меня посѣтили въ прошедшемъ мѣсяцѣ Суботинъ и Тергукасовъ, люди, коихъ знакомство мнѣ пріятно. Люблю прямоту души ихъ, основательность и съ удовольствіемъ вижу дружеское расположеніе ихъ ко мнѣ.

Да поддержутся во мнѣ силы одолѣть губительное бездѣйствіе, поразившее меня въ послѣдніе года, бездѣйствіе, утруждающее благосостояніе мое какъ тѣлесное, такъ и душевное и имѣющее сильное вліяніе на благосостояніе всего моего семейства.

9 Апрѣля, село Архангельское.

Вчера приступилъ я къ составленію новаго каталога своей библіотеки, которая усилится книгами библіотеки покойнаго отца, сюда уже привезенными, но еще не разобранными. Трудъ сей довольно продолжительный, и для того я прежде составилъ проектъ раздѣленія сочиненій на раздѣлы по содержанію ихъ, что̀ довольно мудрено, по смѣси предметовъ, заключающихся въ одномъ сочиненіи и потому что, располагая книги сколько можно приближеннѣе къ порядку содержа-

щихся въ нихъ предметовъ, не надобно упускать изъ виду удобство для отысканія ихъ по названіямъ. Для дѣла сего призвалъ я къ себѣ въ помощь Понсета, подпоручика конно-піонернаго эскадрона, квартирующаго въ селѣ Патріаршемъ, и мы утвердили вчера порядокъ статей, въ коемъ книги должны быть поставлены, повѣривъ наперед названія книгъ во всѣхъ имѣющихся у меня каталогахъ библіотеки, каждое порознь, противъ сдѣланнаго проекта, измѣняя статьи и переставливая порядокъ ихъ по мѣрѣ встрѣчающейся надобности.

Село Архангельское, 10-го.

Новое бѣдствіе постигло въ нынѣшнемъ году несчастную отчизну нашу, коей бѣдные крестьяне изнемогаютъ подъ бременемъ несчастій, удручающихъ ихъ уже три года сряду. Цынготная болѣзнь, посѣтившая насъ весною 1840 года, снова появилась нынѣшнею весною и въ степени еще сильнѣе прошедшей: болѣе 100 человѣкъ ей заражены и смертность усиливается. Въ 1840 году поражала она только старыхъ, малыхъ и слабыхъ, нынѣ гибнутъ отъ нея и молодые люди въ цвѣтѣ лѣтъ. Пособія дѣлаемыя мною больнымъ недостаточны и не могутъ имѣть настоящаго дѣйствія по безпечности и небрежности самихъ крестьянъ, которые не возмутъ труда продолжать постоянно пріемы лѣкарства, а напротивъ того недовольны, если они не выздоравливаютъ немедленно послѣ перваго пріема, сами же не потрудятся добыть чесноку или хрѣну: средства вѣрныя и предохранительныя, когда ихъ постоянно употребляютъ. Средства сіи раздаются мною самымъ бѣднымъ, какъ равно и настойка березовыхъ листьевъ на винѣ, мазь на березовыхъ листахъ, кислоты; но никогда нельзя поручиться за точное исполненіе предписаннаго больному. Кислыя воды, составляемыя мною на соляной кислотѣ, раздавались по бутылкѣ въ день на каждаго больнаго; средство сіе испытанное мною самимъ изъ лучшихъ, когда его постоянно употребляютъ; но крестьяне, получивши первую бутылку, не приходятъ за другой изъ лѣни или съ намѣреніемъ удержать у себя стекло или сосудъ имъ данный.

Въ 1840 году болѣзнь сія исчезла съ появленіемъ хорошей погоды и зелени на лугахъ и въ лѣсахъ, народъ собиралъ травы и употреблялъ ихъ въ варево. Сего и нынѣ ожидаю; но между тѣмъ погода стоитъ сырая, и больные не выздоравливаютъ.

Болѣзнь сія свирѣпствуетъ не только у насъ, но и во всѣхъ окрестностяхъ, даже въ богатыхъ казенныхъ селеніяхъ, производя въ домахъ страшныя опустошенія. У насъ въ Мартѣ мѣсяцѣ умерло 28 душъ; говорятъ, что въ одномъ изъ окрестныхъ казенныхъ селеній жители 7 домовъ вымерли до послѣдняго.

Главныя причины появленія сей болѣзни, заключаются повидимому въ недостаткѣ овощей, ибо въ прошедшемъ году, отъ постоянно продолжавшейся засухи, всѣ яровые хлѣба и произведенія огородныя совершенно пропали, крестьянинъ же не имѣетъ въ правилахъ добывать себѣ покупкою даже самыхъ необходимыхъ предметовъ жизни, а потому довольствовался всю зиму однимъ хлѣбомъ.

Село Архангельское, 11.

Я обошелъ вчера нѣсколько домовъ, въ коихъ народъ страждетъ цынготною болѣзнею. Разговаривая со взрослыми людьми, я не могъ добиться никакого сужденія или мнѣнія на счетъ причины сей болѣзни. Отвѣты самыхъ разговорчивыхъ изъ нихъ были уклончивы; но я болѣе узналъ отъ 10-лѣтнихъ ребятъ, коихъ въ одномъ домѣ лежало четыре брата больныхъ. Они мнѣ жаловались на то, что во всю зиму не ѣли ничего теплаго, а питались однимъ хлѣбомъ, который имъ уже надоѣлъ. Причина по сему должна заключаться въ недостаткѣ овощей и яровыхъ произведеній и въ безпечности самихъ хозяевъ, не заботящихся о благосостояніи домовъ своихъ; ибо сами больные ребята просили матерей варить имъ хотя тюрю, чтобы имѣть какую либо теплую похлебку.

Село Архангельское, 13.

Вчера роздалъ я купленныхъ лошадей крестьянамъ, и при семъ случаѣ объяснилъ имъ, сколько они должны содѣйствовать трудами своими предпринимаемымъ мною мѣрамъ для улучшенія состоянія ихъ. Хотя они и сильно упали духомъ, но не могу сказать, чтобъ я въ нихъ нашелъ какое либо закоренѣлое упрямство; уныніе велико между ними: смертность въ народѣ не прекращается.

Мая 8-го.

Мнѣ предстояла надобность быть въ Воронежѣ какъ для того, чтобы отдать губернатору Ховену визитъ, который онъ мнѣ сдѣлалъ, такъ и для того, чтобы переговорить съ нимъ о дѣлахъ нашего чрезполоснаго межеванія, по коимъ посредникъ нашъ Бехтѣевъ, вмѣсто того чтобы соглашать, болѣе ссоритъ сосѣдей.

26 числа прошедшаго Апрѣля мѣсяца я выѣхалъ отсюда и ночевалъ въ селеніи Хлѣвномъ, а 27 пріѣхалъ въ Воронежъ, гдѣ остановился въ заѣзжемъ домѣ Воронаева, близъ монастыря. Часа два послѣ пріѣзда, я поѣхалъ къ Ховену; его не было дома, онъ выѣхалъ въ тотъ вечеръ за городъ и долженъ былъ скоро возвратиться. Я познакомился съ его женою, и едва возвратился домой, какъ Ховенъ пріѣхалъ за мной и просилъ меня убѣдительно переѣхать къ нему на квартиру. Я отправился къ нему и помѣстился у него въ домѣ.

Ховена всего болѣе занимало въ то время дѣло, возродившееся у него съ военными, которые, стоя на квартирахъ по уѣздамъ и городамъ, дѣлали безпорядки и обижали жителей. Такъ какъ Ховенъ человѣкъ прямой души, то онъ прежде старался всячески прекратить ссоры сіи, въ коихъ военные были виновны; наконецъ въ случаяхъ важнѣйшихъ, гдѣ онъ находился уже въ необходимости довести до свѣдѣнія Государя о поступкахъ войскъ, онъ оказалъ снисхожденіе къ начальникамъ войскъ и по просьбамъ ихъ остановилъ донесеніе свое. Но начальникъ драгунской дивизіи генералъ-лейтенантъ Гербель, движимый иными правилами чѣмъ Ховенъ, воспользовался симъ снисхожденіемъ и, въ надеждѣ выиграть время, послалъ отъ себя по командѣ донесеніе о послѣднемъ случившемся происшествіи, въ коемъ драгуны были совершенно виноваты, изобразивъ случай сей какъ бунтъ со стороны жителей Воронежа.

Немедленно послѣдовалъ по волѣ Государя спросъ у Ховена, за чѣмъ онъ утаилъ о такомъ важномъ обстоятельствѣ. Тогда Ховенъ, вынужденный уже объяснить истину, донесъ своему министру о всѣхъ безпорядкахъ дѣлаемыхъ военными, что̀ и побудило Государя послать генералъ-адъютанта Исленьева для изслѣдованія сего дѣла, по коему военные найдены совершенно виновными. Гербель былъ уже уволенъ въ отпускъ, когда я пріѣхалъ въ Воронежъ, а на мѣсто его назначенъ баронъ Корфъ, который однакоже еще не прибылъ.

Исленьевъ находился на слѣдствіи въ южной части губерніи, когда я былъ въ Воронежѣ. Онъ долженъ былъ возвратиться къ 1 числу Мая мѣсяца и вскорѣ затѣмъ ѣхать обратно въ Петербургъ, почему Ховенъ просилъ меня дождаться его, говоря, что Исленьевъ хотѣлъ заѣхать ко мнѣ въ деревню, потому что имѣлъ до меня дѣло, а именно, хотѣлъ по порученію Государя узнать, расположенъ ли я вступить въ службу, если меня пригласятъ. Поводомъ къ сему служило малонадежное положеніе дѣлъ на Кавказѣ.

Головинъ, главнокомандующій въ семъ краѣ, былъ въ явной ссорѣ съ Граббе, начальникомъ Кавказской линіи. Ссора сія сопровождалась другими несогласіями между начальниками, отъ чего, при значительномъ увеличеніи числа войскъ, дѣла̀ шли дурно, и горцы до такой степени усилились, что они смѣло нападали на наши укрѣпленія, брали ихъ приступомъ, снабдили себя артиллеріею отъ насъ и съ помощью перебѣгающихъ къ нимъ Поляковъ, сформировали у себя до 8000 почти регулярнаго войска, наводящаго страхъ на наши полки, разоряли станицы у насъ на линіи, дѣлали вторженія въ самые города и держали насъ въ совершенной осадѣ.

Такое состояніе дѣлъ тѣмъ болѣе устрашало правительство наше, что горцы, до сихъ поръ разъединенные мѣстоположеніемъ, различіемъ обычаевъ и языковъ, нынѣ соединились подъ общее правленіе одного изъ своихъ единоземцевъ, т. е. горца Шамиля, человѣка, видно, смѣлаго и умѣющаго владѣть народомъ: ибо онъ взялъ надъ всѣми горцами полную власть и умѣлъ покорить себѣ независимый духъ сихъ людей до такой степени, что онъ собираетъ изъ нихъ войско, налагаетъ взысканіе на виновныхъ или ослушныхъ и имѣетъ казну, составленную изъ собираемыхъ съ горцевъ денежныхъ повинностей, имъ же наложенныхъ.

Первыя неудачи нашихъ войскъ въ томъ краю послѣдовали при экспедиціяхъ, которыя предпринялъ къ нимъ Паскевичъ, по окончаніи Турецкой войны, когда онъ разогналъ всѣхъ людей, посредствомъ коихъ онъ пріобрѣлъ столь блистательные успѣхи въ той войнѣ и, окруживъ себя людьми, себѣ подобными, надѣялся пріобрѣсти себѣ новую славу покореніемъ горскихъ народовъ. Онъ тогда ошибся въ разсчетахъ своихъ. Одна неудача слѣдовала за другой неудачею, и къ счастью Паскевича, отозвали его вскорѣ послѣ смерти Дибича для командованія арміею въ Польскую войну. Но начало разстройства въ дѣлахъ нашихъ было уже имъ положено; оно увеличилось еще ошибочными мѣрами, предпринятыми высшимъ правительствомъ нашимъ, личными видами людей, коихъ употребляли въ дѣлахъ Кавказскаго края и, наконецъ, участіемъ, которое было постоянно предоставлено Паскевичу во всѣхъ распоряженіяхъ по тому краю: ибо ему пересылались на мнѣнія важнѣйшія донесенія главноуправляющихъ Грузіи, и онъ поражалъ всѣ дѣйствія ихъ, коль скоро ему казалось только, что они не согласовались съ его образомъ мыслей, или обнаруживали поступки людей имъ поддерживаемыхъ.

Отъ сихъ причинъ послѣдовало разстройство дѣлъ нашихъ на Кавказѣ до такой степени, что правительство затрудняется уже мѣрами, которыя надобно взять, чтобъ ихъ поправить: ибо всѣ начальники тамъ между собою перессорились, войска, какъ слышно, упали духомъ и не дерутся, а горцы день ото дня усиливаются, такъ что даже опасаются совершеннаго отпаденія той страны изъ подъ владычества Россіи.

Нынѣшній главноуправляющій въ томъ краѣ генералъ Головинъ, назначенный по избранію Паскевича, находится въ открытой враждѣ съ Граббе, который командуетъ на Кавказской линіи. Головинъ, говорятъ, человѣкъ слабый, нерѣшительный и неспособный къ сему званію; но слухи сіи о немъ распущены генераломъ ***, который

недавно былъ въ Петербургѣ и, повидимому, жаловался на своего начальника, на мѣсто коего онъ желаетъ быть возведеннымъ.

По разстройству въ дѣлахъ Кавказа, посланъ туда недавно военный министръ, но для того ли, чтобы за удаленіемъ его лучше изслѣдовать дѣла министерства его, въ коемъ происходятъ большіе безпорядки, или для того, чтобы направить дѣла Кавказа, сіе неизвѣстно. Первое, кажется, вѣроятнѣе; ибо нельзя думать, чтобы Государь полагалъ Чернышова способнымъ что-либо исправить.

Если, какъ вѣроятно, мнѣ предназначается одно изъ сихъ двухъ мѣстъ, Кавказъ или Грузія, то, конечно, нельзя нынѣ принять ни одно изъ нихъ. Мѣсто въ Грузіи даетъ болѣе способовъ дѣйствовать въ томъ краю съ пользою; но въ теперешнее время, когда дѣла доведены до такой крайности, нельзя безъ страха принять на себя такую обязанность, коль скоро въ дѣлахъ Кавказа поперечатъ и распоряженіями изъ Петербурга, и мнѣніями Паскевича, когда вся власть главноуправляющаго поражена кознями и всѣ пружины правленія ослабли. Подавно затруднительно возстановленіе дѣлъ на линіи, которыя находятся подъ гнетомъ двухъ силъ: одной изъ Грузіи, а другой изъ столицы.

Я воспользовался сею поѣздкою въ Воронежъ, чтобы подать Ховену двѣ записки по дѣламъ размежеванія чрезполосностей съ сосѣдями, въ коихъ Бехтѣевъ, посредникъ нашъ, дѣлаетъ только запутанности и вмѣсто того, чтобъ мирить владѣльцевъ, производитъ между ними несогласія черезъ лживыя наущенія. Я подалъ записки сіи въ надеждѣ, что Ховенъ, какъ человѣкъ благонамѣренный и дѣятельный, подвинетъ дѣла сіи и положитъ имъ конецъ. Ховенъ въ самомъ дѣлѣ принялъ записки мои съ истиннымъ желаніемъ услужить мнѣ; но я тотчасъ увидѣлъ, что изъ того ничего не будетъ, ибо онъ самъ не вникаетъ, или не умѣетъ вникнуть, или не можетъ вникнуть въ дѣла, потому что слишкомъ отвлеченъ единою мыслію его занимающею—искорененія злоупотребленій, о коихъ онъ только и говоритъ, всѣхъ подозрѣвая и принимая самыя ошибочныя мѣры для открытія ихъ. И такъ губернаторъ, при всей благонамѣренности своей, не принесетъ той пользы, которую бы можно было отъ него ожидать. И окружающіе его чиновники замѣтили въ немъ слабость сію; они занимаютъ его разговоромъ о взяткахъ, принимаемыхъ чиновниками на слѣдствіяхъ, содержатъ его въ дѣятельной праздности, если такъ можно выразиться, а между тѣмъ дѣла обработываются какъ имъ нужно. Я въ самомъ дѣлѣ не замѣтилъ, чтобы Ховенъ много занимался дѣлами, а видѣлъ его все время въ движеніи, перебѣгающимъ изъ одной комнаты въ другую, бранящимся на всѣхъ пронзительнымъ голо-

сомъ,который раздается попеременно во всѣхъ концахъ дома, и подписывающимъ въ разное время дня бумаги, которыя къ нему отовсюду приносятъ. При мнѣ секретарь его, въ полной увѣренности, что Ховенъ не вникаетъ въ дѣло, докладывалъ ему по одному изъ моихъ дѣлъ, показывая статью изъ Свода Законовъ, никакъ не подходящую къ дѣлу, тогда какъ онъ зналъ, что Ховенъ желалъ мнѣ сдѣлать пріятное. Нашъ посредникъ Бехтѣевъ человѣкъ вздорливый, но умный и имѣющій связи во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ губерніи, слишкомъ увѣренъ въ предпринимаемыхъ имъ дѣлахъ и смѣется надъ безкорыстною добронамѣренностью Ховена, которому никогда не удастся обнаруживать его поступки.

Недавно проѣзжалъ черезъ Задонскъ въ Грузію начальникъ Штаба Кавказскаго корпуса генералъ-маіоръ Коцебу, который остановился на короткое время въ Задонскѣ у конно-піонернаго полковника Каульбарса, гдѣ онъ засталъ Бехтѣева. Бехтѣевъ, не зная, что Коцебу друженъ съ Ховеномъ, сказалъ ему, что губернаторъ управляемъ двумя чиновниками при немъ находящимися, и какимъ-то лекаремъ, что́ Коцебу и передалъ Ховену. Дня черезъ два явился Бехтѣевъ къ Ховену. «Какъ», сказалъ онъ ему, «вы сказывали Коцебу, что я руководимъ двумя чиновниками и лекаремъ?» Бехтѣевъ сталъ оттоваривать. «Да Коцебу не солжетъ», продолжалъ Ховенъ, «и потому увѣренъ я совершенно, что вы это говорили. Хорошо! Вы бы должны, г. Бехтѣевъ, мнѣ о томъ прямо въ глаза сказать, еслибы вы что-либо подобнаго замѣтили, и тогда бы я вамъ за это былъ очень благодаренъ и сталъ бы наблюдать за собою, а за глазами говорить такимъ образомъ не годится».

Многіе изъ тѣхъ, которые видѣли дѣйствія губернатора, не знавши благородныхъ свойствъ души его, могли бы и повѣрить Бехтѣеву, хотя губернаторъ не довѣряетъ ни одному изъ чиновниковъ его окружающихъ. Но Ховенъ такъ скоръ въ своихъ рѣшеніяхъ, что симъ пользуются многіе, и первый принесшій жалобу, хотя бъ онъ самъ былъ виноватъ, получаетъ немедленно изустное удовлетвореніе, что́ нерѣдко бываетъ сопряжено съ напрасною обидою обвиняемаго, или несправедливымъ оправданіемъ виновнаго.

Я также былъ у преосвященнаго Антонія, коего просилъ о производствѣ дьячка села нашего въ діаконы. Былъ я у него два раза по сему дѣлу, которое онъ обѣщался исполнить по желанію моему. Антоній человѣкъ замѣчательный по своей хитрости. Онъ родомъ Малороссіянинъ, что́ замѣтно изъ выговора его; онъ былъ нѣкогда ректоромъ Кіевской Духовной Академіи и, поступивъ на Воронежское епископство, умѣлъ пріобрѣсть себѣ покровительство Государя, такъ что

когда онъ, года два тому назадъ, просплъ по болѣзни увольненія отъ должности, то Государь прислалъ ему Александровскую ленту съ просьбою остаться на своемъ мѣстѣ.

Антоній просилъ недавно къ себѣ назначенія викарія въ помощники. Ему прислали викаріемъ человѣка весьма порядочнаго; но хитрый старикъ скоро замѣтилъ, что викарій сей слишкомъ усилится, почему и ходатайствовалъ снова о перемѣнѣ сего викарія другимъ, по его назначенію, въ чемъ его также удовлетворили. «Я просилъ», сказалъ онъ мнѣ, «Государя о подкрѣпленіи меня назначеніемъ викарія, потому что чувствовалъ себя уже слишкомъ слабымъ въ здоровьи. Прошеніе мое было доложено Государю графомъ Протасовымъ въ самое то время, какъ Лифляндскій епископъ *) былъ уволенъ отъ должности (это случилось впослѣдствіи безпокойствъ, которыя оказались въ томъ краю, въ коихъ его обвиняютъ). Рижскаго епископа немедленно назначили ко мнѣ въ викаріи, и онъ поспѣшилъ пріѣхать въ Воронежъ и вступилъ въ должность. Я вскорѣ увидѣлъ отличныя достоинства его и писалъ къ благодѣтелю своему Государю, сколько я признателенъ ему за скорое доставленіе просимаго мною подкрѣпленія; но что епископъ такъ отличенъ по достоинствамъ своимъ, что приличнѣе мнѣ быть у него викаріемъ, чѣмъ ему у меня, и его немедленно назначили епархіальнымъ въ Вологду,а на его мѣсто утвердили представленнаго мною въ викаріи Ельпидифора, бывшаго ректора Воронежской семинаріи». Нельзя не сознаться, что дѣлу сему данъ Антоніемъ весьма искусный оборотъ: онъ предвидѣлъ, что присланный ему въ помощь викарій возметъ слишкомъ много власти въ правленіи, и поспѣшилъ его замѣнить другимъ, въ чемъ онъ и успѣлъ. «Теперь», продолжалъ Антоній,» я спокоенъ: мнѣ нѣтъ надобности ѣздить по епархіи, что я не въ состояніи дѣлать по слабости здоровья моего, и управляю дѣлами, оставаясь дома, что́ нахожу гораздо удобнѣе; ибо въ поѣздкахъ сихъ по епархіи нельзя ничего порядочно самому осмотрѣть въ короткія посѣщенія, на которыя намъ едва достаетъ времени, и время проходитъ болѣе въ церемоніалахъ, встрѣчахъ и пріемахъ, отъ чего дѣла впередъ не подвигаются».

Преосвященнаго Антонія разумѣютъ вездѣ за весьма хорошаго человѣка; надобно полагать, что онъ таковъ и есть. Впрочемъ, въ разговорахъ и сношеніяхъ съ нимъ замѣтна еще только ловкость, или то что́ называется хитростію, свойственною Малороссіянамъ. Онъ со всѣми весьма обходителенъ, принимаетъ и выслушиваетъ людей всякаго званія и состоянія, помогаетъ бѣднымъ, и по наружнымъ дѣйствіямъ его нельзя ни въ чемъ опорочить. Разговаривая со мною, раз-

*) Славный Иринархъ. П. Б.

сказалъ онъ мнѣ объ одномъ случаѣ, выставляемомъ имъ, видно, какъ чудо, произведенное святымъ Митрофаномъ.

«Нѣсколько времени тому назадъ», сказалъ онъ, «одинъ живописецъ видѣлъ во снѣ св. Митрофана и съ позволенія моего написалъ образъ его по вдохновенію. Недавно приходила ко мнѣ одна бѣдная женщина, которая принесла старинный портретъ св. Митрофана, найденный ею, какъ она говорила, въ своей кухнѣ, гдѣ онъ издавна находился. Она предложила мнѣ портретъ сей изъ усердія и хотѣла принять присягу въ справедливости своего показанія. Я уволилъ ее отъ присяги и, сличивъ портретъ сей съ образомъ живописца, нашелъ ихъ между собою совершенно схожими». Съ тѣмъ вмѣстѣ повелъ меня Антоній въ залу, гдѣ у него оба изображенія были поставлены рядомъ; сходство въ самомъ дѣлѣ было разительное.

Хотя меня Ховенъ и просилъ дождаться возвращенія изъ уѣздовъ въ Воронежъ Исленьева для свиданія съ нимъ, но я торопился возвратиться домой, а потому и выѣхалъ 29 числа передъ вечеромъ въ Землянскъ для свиданія съ Вульфертомъ, квартирующимъ тамъ со своею батарей.

Я пріѣхалъ въ Землянскъ въ полночь, остановился на постояломъ дворѣ и на другой день обѣдалъ у Вульферта. Радость его видѣть меня неописуема. Онъ мнѣ преданъ безъ лести. Я нашелъ въ немъ большія перемѣны какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи; онъ постарѣлъ, жалуется на болѣзнь, нѣсколько обрюзгъ. Думы же его обременены тревожными мыслями; онъ чѣмъ-то недоволенъ, рѣчи его неспокойны; словомъ, онъ казался мнѣ какъ бы въ ипохондріи. Жаль мнѣ было видѣть моего Вульферта въ такомъ положеніи.

Въ тотъ же день 30 числа пріѣхалъ я къ Николаю Матвѣевичу Муравьеву. Онъ, кажется, разстроенъ въ дѣлахъ своихъ женитьбою. Жена его бѣдна и не имѣетъ ничего привлекательнаго. Надобно думать, что онъ ошибся въ разсчетахъ своихъ, и что онъ полагалъ взять какое либо состояніе, которое однакоже едвали оказалось. При томъ же на попеченіи у него теперь остался братъ его Матвѣй, молодой офицеръ, который также женился въ прошедшемъ году.

Переночевавъ у Муравьева, я отправился съ нимъ на другой день обѣдать къ отставному генералу Лукѣ Алексѣевичу Денисьеву. Уже два раза видѣлся я съ этою особою, пользующеюся хорошимъ именемъ во всемъ околодкѣ. Старикъ сей по видимому былъ нѣкогда пламенный служивый. Онъ уменъ, привѣтливъ и сохранилъ воинскій духъ, свойственный его природнымъ склонностямъ или привычкамъ отъ долговременной службы. Говорятъ, что онъ много и бѣднымъ помо-

галъ. При всѣхъ хорошихъ качествахъ сихъ, замѣтна въ немъ большая доля хитрости, но непредосудительной; ее можно скорѣе назвать большою осторожностью, которая, можетъ быть, сдѣлалась ему свойственною при многоразвитыхъ сношеніяхъ, въ которыхъ онъ находился съ людьми и начальниками своими въ теченіе долголѣтняго своего поприща. Во всякомъ случаѣ человѣкъ сей занимателенъ и заслуживаетъ уваженія.

Я былъ у Денисьева еще прошедшею осенью. Въ новый годъ онъ пріѣзжалъ ко мнѣ, но не засталъ меня дома. Съ нимъ пріѣзжалъ тогда Савельевъ, помѣщикъ сосѣдняго Денисьеву села Аксизова. Надобно было и этотъ визитъ отдать. Я заѣхалъ въ Аксизово; ихъ два брата, изъ коихъ одинъ въ то время былъ въ отъѣздѣ въ Москвѣ. Тотъ, котораго я дома засталъ, человѣкъ образованнаго обхожденія, но я не замѣтилъ ничего особеннаго въ разговорѣ его. Посидѣвъ съ часъ, я поѣхалъ въ Задонскъ, куда прибылъ ввечеру и тамъ почевалъ.

2 числа я съѣздилъ еще къ нашему предводителю дворянства Кожину, который живетъ въ 7 верстахъ отъ города. Богатый человѣкъ... нынѣ занимается отдѣлкою огромнаго дома своего и употребилъ уже 80. т. рублей на внутреннія украшенія и мебели: сумасшедшее дѣло, тѣмъ болѣе, что онъ не сроденъ по привычкамъ своимъ къ такой пышности. Піонерный полковникъ Каульбарсъ, который втравилъ Кожина въ сіи странныя издержки, смѣется надъ нимъ; а Кожинъ самъ дивится богатому убранству комнатъ, коими онъ никогда не будетъ умѣть пользоваться.

Навѣстивъ въ Задонскѣ еще кое-какихъ знакомыхъ, коимъ я долженъ былъ визиты, я возвратился 2-го Мая домой.

4-го числа, по возвращеніи съ прогулки, нашелъ я у себя на столѣ присланное съ нарочнымъ письмо отъ Ховена, которымъ онъ увѣдомлялъ меня, что Исленьевъ получилъ эстафету, послѣ чего ему нельзя было ко мнѣ заѣхать, потому что онъ спѣшилъ возвратиться въ Петербургъ; но какъ онъ долженъ былъ 5-го числа проѣзжать черезъ Задонскъ, гдѣ онъ можетъ быть и переночуетъ съ 5-го на 6-е число, то Ховенъ убѣдительно просилъ меня съѣздить въ Задонскъ, дабы переговорить съ Исленьевымъ, который имѣлъ надобность со мною повидаться.

Ясно было видно изъ письма Ховена, что эстафеты никакой не было: ибо, еслибъ Исленьевъ получилъ эстафету для ускоренія его возвращенія, то бы онъ не располагалъ ночевать въ Задонскѣ. Видно было, что онъ имѣлъ какое либо порученіе до меня касающееся и счелъ обязанностію своею ѣхать къ Исленьеву, до коего лично я никакого дѣла не имѣлъ, но къ лицу, имѣющему повидимому порученіе

отъ Государя. Я не хотѣлъ дать кому либо причины, а паче всего самому себѣ повода обвинить себя въ какомъ либо неумѣренномъ поступкѣ, противномъ воли Государя.

5-го числа отправился я въ Задонскъ, куда пріѣхалъ въ два часа пополудни. Исленьева еще не было; я ожидалъ на квартирѣ Иванова, у коего остановился. Прождавъ Исленьева до 11 часовъ вечера, наконецъ я легъ спать, поручивъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ могъ остановиться, чтобъ мнѣ дали знать о его пріѣздѣ.

Исленьевъ пріѣхалъ въ Задонскъ въ два часа утра; въ 4 меня увѣдомили о пріѣздѣ его, и я немедленно къ нему отправился. Когда я жилъ въ Петербургѣ, я всякій день видѣлся съ Исленьевымъ, на разводѣ или во дворцѣ, но едва-ли размѣнялъ съ нимъ нѣсколько словъ, и потому нельзя назвать насъ знакомыми. Онъ командовалъ гвардейскою дивизіею, а теперь уволенъ отъ сей должности и состоитъ только въ званіи генералъ-адъютанта при лицѣ Государя. Ховенъ увѣрялъ меня, что онъ нынѣ въ большой довѣренности у Государя. Исленьевъ принялъ меня съ неловкимъ видомъ стараго знакомаго и лицемѣрнаго участія. Когда мы сѣли, «скажите» началъ онъ, «какъ это все несчастливо случилось!»

— «Правда, что несчастливо», отвѣчалъ я, «но на сіе была воля Божія, и я, покоряясь ей, перемѣнилъ уже прежнія привычки свои, предался другому роду занятій и совершенно обратился къ сельскому хозяйству. Вы желали меня видѣть, какъ мнѣ Ховенъ писалъ, и я пріѣхалъ для того болѣе, что много было сплетенъ на мой счетъ»... «Много сплетень!» прервалъ онъ. «Сплетни эти всему причиною».— «Не о тѣхъ сплетняхъ хочу я говорить», прервалъ я въ свою очередь, по коимъ я долженъ былъ выдти въ отставку: я тѣхъ и знать не хочу, не хочу знать и ябедниковъ. Зачѣмъ я возьму на себя трудъ разыскивать зло, ими же сдѣланное? Они будутъ виновны, а я за ними слѣдить! Нѣтъ, мнѣ до нихъ дѣла никакого нѣтъ; а я говорю о слухахъ, которые были распущены мнѣ во вредъ, будто Государь уже послѣ отставки приглашалъ меня идти опять въ службу, но что я отказалъ ему, что я будто вышелъ въ отставку въ порывѣ неудовольствія на Государя, о чемъ и теперь еще слышу, а потому и полагаю, что враги мои не умолкли и стараются поддержать въ мнѣніи Государя ложное понятіе о моемъ образѣ мыслей».

— «Скажите мнѣ, не имѣете ли что̀ передать?»..

— «Ничего, кромѣ того, что я бы весьма счастливъ былъ, еслибъ Государь зналъ настоящій образъ мыслей моихъ. Болѣе сего я ничего не ищу, живу покойно, мнѣ хорошо, и я еще теперь пользуюсь милостями Государя: ибо въ эти несчастные три года живу арендами,

жалованными мнѣ Государемъ, безъ коихъ бы я терпѣлъ недостатокъ. Никогда приглашеній никакихъ я не получалъ отъ Государя на вступленіе въ службу; да и не шло бы Государю приглашать меня: я состою въ его волѣ. Что же касается до подачи мною прошенія въ отставку, то всякій, кто захочетъ только обратить на сіе обстоятельство вниманіе, увидитъ, что сказанное о мнѣ несправедливо. Когда я лишился командованія корпусомъ, я переѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ занимался прилежно счетною коммиссіею, мнѣ порученною, какъ всякою обязанностію, и провелъ въ сихъ занятіяхъ три мѣсяца. Когда же я увидѣлъ, что меня ни къ какой другой должности не назначаютъ и что подходило уже время, послѣ котораго не принимаются болѣе прошенія въ отставку, я подалъ свое прошеніе, въ той увѣренности, что мнѣ не надлежало ожидать дальнѣйшаго намека, и потому что самый аксельбантъ, который я носилъ—званіе генералъ-адъютанта, не препятствовалъ званію контролёра, въ которое я былъ облеченъ. Словомъ, служить и даже быть генералъ-адъютантомъ безъ царской довѣренности считалъ я неумѣстнымъ».

— «Да нельзя ли все это какъ нибудь перемѣнить?» спросилъ Исленьевъ. «Ну еслибы вамъ предложили вступить въ службу, согласились-ли бы вы?»

— «Вотъ письмо, отвѣчалъ я, которое я по сему дѣлу писалъ четыре года тому назадъ къ покойному отцу моему, желавшему меня видѣть въ службѣ». Я вынулъ изъ кармана и прочиталъ ему письмо сіе, которое заключалось въ слѣдующихъ словахъ: *Ничего искать не буду, а волю царскую исполню съ совѣстливостью; что Богъ велитъ, тому и быть.* Исленьевъ какъ-будто не понялъ письма сего, и я продолжалъ: «Все отъ воли Государя зависитъ; онъ мнѣ былъ и есть судья. Я принялъ гнѣвъ его съ покорностью, удалился изъ службы, но остался вѣрноподданнымъ Его Величества и во всякое время готовъ опять въ службу, если сіе ему угодно. Стоитъ только Государю зачислить меня на службу приказомъ по арміи, и я опять буду служить съ прежнимъ усердіемъ».

Тутъ Исленьевъ обратился вдругъ ко мнѣ съ поспѣшностію: «Какъ, по арміи? Вы желаете поступить на службу съ зачисленіемъ по арміи?»

— «Приказомъ по арміи, или по войскамъ», отвѣчалъ я. «Какъ и какимъ званіемъ мнѣ поступить на службу, зависитъ отъ одного Государя; мнѣ же неумѣстно дѣлать какія либо условія съ Его Величествомъ, когда я вступаю въ службу. Государь меня зачислитъ, какъ и гдѣ ему угодно, хоть батальоннымъ командиромъ. Званіе мое будетъ зависить отъ великодушія Государя, на которое я полагаюсь».

— «Не пріимите за лесть то, что̀ скажу вамъ, Николай Николаевичъ. У насъ большая нужда въ генералахъ теперь. Ваши военныя достоинства извѣстны, дѣла въ Грузіи идутъ дурно; вотъ теперь и военный министръ туда поѣхалъ. Что́, еслибъ васъ назначили въ Грузію?» потомъ одумавшись нѣсколько—«на Кавказъ», сказалъ онъ. «Дѣла тамъ дурно идутъ; вы же можете тамъ оказать важныя услуги и Государю, и отечеству».

Колебаніе Исленьева между Грузіею и Кавказомъ дало мнѣ поводъ усумниться. Мнѣ не хотѣлось бы на Кавказѣ быть, чтобы не попасться въ омутъ несогласій и распрей, раздѣляющихъ тамъ начальство на партіи; не хотѣлось поступить на мѣсто, въ которомъ отъ меня бы всего ожидали и гдѣ бы я имѣлъ руки связанными. Но я видѣлъ, что Исленьевъ не тотъ былъ человѣкъ, коему бы все сіе можно было объяснить.

— «Если я буду на службѣ», отвѣчалъ я, «то лично объясню Государю мнѣніе мое на счетъ сношеній, въ коихъ тамъ начальство находится».

— «Баронъ Розенъ тамъ начальствовалъ, сказалъ Исленьевъ, «и дурно кончилъ».—«Баронъ Розенъ», отвѣчалъ я, «былъ почтенный человѣкъ, который зналъ край и хорошо имъ правилъ; дай Богъ всякому другому на его мѣстѣ также управиться».

— «Не правда ли», сказалъ Исленьевъ, «какой былъ почтенный человѣкъ баронъ Розенъ? Я его тридцать лѣтъ какъ знаю; его несчастье, что Государь пріѣхалъ въ Грузію въ его командованіе; случись это въ командованіе Паскевича или Ермолова, тоже самое бъ было. У меня дядя служилъ на линіи при Екатеринѣ; онъ говорилъ, что войска въ томъ краю всегда занимались постройками и работами, отвлекающими ихъ отъ строевой службы, что это неизбѣжно въ томъ краю; а помните манёвры?»

— «Помню».

— «Вѣдь тогда Государь былъ недоволенъ».

— «Не замѣтилъ», отвѣчалъ я; «напротивъ того, Государь былъ очень милостивъ ко мнѣ, при всѣхъ благодарилъ меня».

— «Знаете ли, Николай Николаевичъ, вѣдь васъ полагали принадлежащимъ къ оппозиціи?»

Можно было разсмѣяться при такихъ рѣчахъ. Исленьевъ самъ не зналъ, что́ это за оппозиція, смѣшивалъ ее вѣрно съ конституціею, вольнодумствомъ, формасонствомъ, и туда же относилъ вѣроятно и манёвры 1835 года, въ коихъ я имѣлъ успѣхъ. Но тутъ надобно было скрыть впечатлѣніе, которое произвелъ на меня такой отзывъ. Не знаю, отъ него-ли онъ произошелъ, или былъ послѣдствіемъ какихъ либо указаній изъ Петербурга.

— «Это мое несчастіе», отвѣчалъ я, «что обо мнѣ существуетъ такое мнѣніе; впрочемъ сказанными вами словами повѣряется слышанное мною уже однажды».

— «Когда, гдѣ?» спросилъ Исленьевъ, «не въ Вознесенскѣ ли?»

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, «это случай, который мнѣ только извѣстенъ». Я вспомнилъ сказанное мнѣ Государемъ въ Николаевѣ въ кабинетѣ: «Я вамъ покажу, что я вашъ Государь» — рѣчи, о которыхъ мнѣ, можетъ быть, удастся когда либо спросить Государя.

Тутъ поговорилъ онъ нѣсколько о цвѣтущемъ состояніи, въ коемъ онъ находилъ Воронежскую губернію въ сравненіи съ прочими имъ видѣнными, съ Тульскою въ особенности, и восхищался богатствомъ и благоустройствомъ сельской земледѣльческой промышленности нашей губерніи. Я говорилъ ему, сколько она пострадала отъ трехъ годовъ неурожая; но онъ не находилъ сего, и вѣроятно въ такомъ видѣ передастъ и въ Петербургъ ошибочныя понятія свои. И въ самомъ дѣлѣ, что́ могутъ видѣть и о чемъ могутъ судить темные люди сіи, никогда не выѣзжавшіе изъ столицъ, проскакавшіе по большимъ дорогамъ и проспавшіе большую часть пути, ими сдѣланнаго? Что́ они знаютъ о богатствѣ края, о земледѣліи? А между тѣмъ мнѣнія ихъ будутъ служить руководствомъ правящимъ въ столицѣ властямъ.

Потомъ, помолчавъ нѣсколько, Исленьевъ спросилъ меня, не поѣду ли я въ Петербургъ?

«Нѣтъ», отвѣчалъ я. «Зачѣмъ я поѣду, не зная, какъ буду принятъ Государемъ? Идетъ-ли мнѣ бросить семейство свое, имѣніе, коимъ занимаюсь и отъ устройства коего зависитъ все будущее благосостояніе семейства моего, лишиться выгодъ, которыхъ ожидаю отъ пожертвованій, мною уже сдѣланныхъ въ семъ имѣніи, для того, чтобы ѣхать на невѣрное и рисковать всего лишиться?»

На это Исленьевъ промолчалъ; и такъ какъ я видѣлъ, что ему болѣе ничего не оставалось говорить мнѣ, то всталъ и простился съ нимъ. Онъ изъявилъ мнѣ надежды и желаніе свое видѣть меня съ нимъ опять на одномъ поприщѣ службы.

Того-же 6 числа возвратился я домой.

Изъ всего разговора сего съ Исленьевымъ можно было заключить, что онъ получилъ какое либо порученіе отъ Государя касательно меня; но прямо ли онъ получилъ оное отъ Государя, или отъ кого либо изъ приближенныхъ, того я не могъ различить настоящимъ образомъ.

Могло случиться, что Исленьевъ и болѣе сказалъ, чѣмъ ему было поручено. Напримѣръ, можно ли полагать, чтобы ему велѣно было

спросить меня, пойду ли я въ службу, если меня пригласятъ? Но если ему сіе именно было приказано, то спросъ сей есть ничто иное какъ самое приглашеніе, и другаго ожидать едва ли можно и должно.

Дальнѣйшихъ объясненій съ Исленьевымъ мнѣ не приличествовало имѣть, и я даже долженъ опасаться, чтобы онъ не пересказалъ иначе и ко вреду моему то, что̀ онъ отъ меня слышалъ. Можетъ также быть, что порученіе, ему данное, есть слѣдствіе письма, которое братъ Александръ вручилъ графу Орлову, и едва ли не сказывалъ мнѣ губернаторъ, что Исленьевъ о сихъ дѣлахъ передастъ Орлову. Въ такомъ случаѣ ничего не выйдетъ изъ того добраго.

Такъ какъ губернаторъ хотѣлъ по пути своему въ Петербургъ заѣхать ко мнѣ и просилъ меня еще въ Воронежѣ зазвать къ себѣ на то время Тергукасова, то я посылалъ къ нему нарочнаго съ приглашеніемъ пріѣхать ко мнѣ. Тергукасовъ пріѣхалъ 9 Мая и пробылъ 10 число въ ожиданіи Ховена. 11-го Ховенъ пріѣхалъ къ обѣду. Я ему разсказалъ весь разговоръ мой съ Исленьевымъ. Онъ увѣрялъ меня, что колебаніе, замѣченное мною въ Исленьевѣ при упоминаніи о Кавказѣ и Грузіи, происходило не отъ чего иначе какъ отъ того, что Исленьевъ не зналъ настоящаго различія между сими управленіями, и что такъ какъ занимающій ту сторону корпусъ войскъ называется Кавказскимъ, то боялся сказать менѣе, упомянувъ о Грузіи. Какъ бы то ни было, я просилъ Ховена за симъ дѣломъ въ Петербургѣ слѣдить и коль скоро бы онъ только замѣтилъ, что меня хотятъ коснуться и назначить на Кавказъ, а не въ Грузію, то бы онъ всѣми путями ему возможными обнаружилъ бы на сей счетъ мой образъ мыслей. Я поручилъ ему свидѣтельствовать мое почтеніе графу Орлову, такъ какъ и Орловъ вспомнилъ обо мнѣ, когда онъ въ прошедшемъ году былъ въ Воронежѣ, и говорилъ-бы съ Орловымъ о моемъ вступленіи въ службу только въ такомъ случаѣ, если онъ самъ о томъ заговоритъ. Ховенъ располагалъ возвратиться черезъ мѣсяцъ и хотѣлъ на обратномъ пути заѣхать опять ко мнѣ; онъ выѣхалъ отъ меня къ Тергукасову 11 же числа.

И такъ я теперь остаюсь въ ожиданіи того, что̀ случится со мною. «Ничего не ищу, но волю Государя исполню съ совѣстливостію». Выраженіе сіе, помѣщенное въ письмѣ моемъ къ покойному отцу, останется неизмѣннымъ. Не буду винить себя, если новыя неудовольствія будутъ сопровождать меня на поприщѣ, на которомъ могу опять очутиться. И если я, покинувъ уединеніе мое, долженъ буду опять пострадать, то приму сіе какъ наказаніе, опредѣленное мнѣ Богомъ.

На дняхъ получилъ я еще два пригласительныхъ въ службу письма: одно отъ Сакена, другое отъ брата Михаила, съ коимъ я уже

близъ 10 лѣтъ не имѣлъ никакой переписки. Странно, что все сіе въ одно время стекается ко мнѣ какъ бы для того, чтобы поколебать меня; но я не чувствую себя даже склоннымъ измѣнить принятымъ мною правиламъ и буду ожидать рѣшенія участи своей, нисколько не двигаясь для достиженія чего либо; вмѣстѣ съ тѣмъ не измѣню обязанностямъ своимъ въ отношеніи къ Государю и Отечеству, если только меня найдутъ полезнымъ.

Третьяго дня навѣстилъ насъ новый гость, Аксизовской, дальній сосѣдъ Савельевъ, у котораго я на дняхъ былъ...

21-го жена выѣхала съ тремя старшими дочерями въ Тагинъ для свиданія съ братомъ Захаромъ. Я находилъ справедливымъ допустить эту поѣздку для развлеченія ея послѣ трехъ лѣтъ пребыванія безвыѣздно въ деревнѣ.

23-го я также пустился въ путь, чтобы навѣстить нѣкоторыхъ сосѣдей и побывать на Лебедянской конной ярмаркѣ, гдѣ располагалъ купить лошадей, и оставилъ дома одну меньшую дочь свою Сонюшку. Прежде заѣхалъ я къ Суботину, коего не засталъ однакоже дома. Отобѣдавъ тамъ съ племянницею его, я поѣхалъ въ Красную Пальну, къ Вадковскому. Онъ просваталъ нынѣ дочь свою за флигель-адъютанта полковника К....на... Въ проѣздъ Государя черезъ Грузію, послѣ смотра моего въ 1837 году, К....нъ, пріятель Дадіана, зятя барона Розена, далъ себя дружески принять имъ и сдѣлалъ тѣ донесенія, которыя имѣли послѣдствіемъ несчастіе Дадіана и сверженіе барона Розена. Нынѣ онъ опять поѣхалъ въ Грузію. Вадковскій не объяснилъ мнѣ опредѣлительно, какого рода онъ имѣетъ тамъ порученіе, чего онъ впрочемъ и самъ, можетъ быть, не знаетъ обстоятельно; но онъ сказалъ мнѣ, что К....нъ самъ говорилъ ему, что путешествіе военнаго министра въ Грузію есть ни что иное, какъ пышное шествіе похоронъ его, при коемъ онъ К....нъ держалъ одну изъ кистей балдахина. И такъ надобно полагать, что К....нъ и въ семъ случаѣ имѣетъ какое-либо тайное порученіе одного рода съ тѣмъ, которое ему было дано въ 1837 году. Со времени сей помолвки Вадковскій, доселѣ всегда недовольный правительствомъ, перемѣнилъ рѣчи свои: онъ болѣе не жалуется, напротивъ кажется какъ будто готовымъ идти К....ну въ сотрудники.

Вадковскій, по несоразмѣрной съ доходами жизни своей, какъ слышно, въ долгахъ и еще ищетъ занять денегъ, встрѣчая нужду для совершенія съ пышностью свадьбы дочери своей въ наступающемъ Августѣ мѣсяцѣ.

Отъ Вадковскаго поѣхалъ я къ Тергукасову, у коего и остался ночевать. Тутъ въ пріятельской бесѣдѣ отдохнулъ я отъ душевнаго стѣ-

сненія, въ коемъ я провелъ часа три у Вадковскаго. Ховенъ провелъ почти цѣлый день у Тергукасова въ проѣздъ свой въ Петербургъ, и располагалъ, по настоящемъ дознаніи дѣла моего въ столицѣ, предотвратить, черезъ знакомыхъ своихъ, всякій злой умыселъ, который бы могъ замѣтить въ отношеніи меня отъ людей неблагонамѣренныхъ.

24-го выѣхалъ я отъ Тергукасова въ Лебедянь, разстояніе около 50 верстъ. Дорогой заѣхалъ я въ село Красное къ отставному флота лейтенанту Петру Васильевичу Наумову, съ которымъ я познакомился въ прошедшемъ году у Суботина и который съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ у меня былъ: хорошій человѣкъ, но крайне тяжелый, какъ по молчаливости своей, такъ и по привычкѣ засиживается въ гостяхъ, нисколько не щадя времени хозяина. При томъ-же онъ отъ природы сильно заикается, и дабы лучше объясняться, когда послѣ долгаго молчанія начинаетъ говорить, объясняется такъ медленно и съ такимъ трудомъ, что недостаетъ никакого терпѣнія его выслушивать.

Я остановился кормить лошадей въ селѣ Троекуровѣ, что́ въ 10 верстахъ отъ Лебедяни. Въ селѣ семъ живетъ съ давнихъ временъ затворникъ Иларіонъ *), старшкъ совершенно предавшійся молитвѣ и пользующійся въ окрестностяхъ особеннымъ уваженіемъ какъ по строгости жизни, коей онъ предался, такъ и по духу пророчества въ немъ признаваемому. Ему построена келья, на дворѣ церковномъ, помѣщикомъ Троекурова Раевскимъ, который содержитъ его и приставилъ къ нему послушника.

Не хотѣлось мнѣ проѣхать черезъ Троекурово, не увидѣвъ затворника, и такъ какъ мнѣ довелось тутъ лошадей кормить, то я воспользовался свободнымъ временемъ, чтобъ его навѣстить. Послушникъ, въ одеждѣ почти такой же, какъ носятъ обыкновенно люди духовнаго званія, замѣтя, что я иду къ кельѣ, нагналъ меня у дверей въ сѣни и спросилъ что́ мнѣ надобно.—«Видѣть отца Илларіона», отвѣчалъ я. «Какъ о васъ доложить?»—«Помѣщикъ Задонскаго уѣзда Муравьевъ. Приметъ ли меня отецъ Иларіонъ?—«Не знаю, сейчасъ доложу», и такъ какъ двери въ сѣни были заперты изнутри, то онъ перескочилъ черезъ довольно высокую каменную стѣну, которая примыкала къ сѣнямъ съ лѣвой стороны, отворилъ изнутри сѣни, впустилъ на крыльцо, гдѣ я дожидался, и, подошедши къ дверямъ кельи, сталъ призывать отшельника обыкновеннымъ призывомъ, употребляемымъ въ монашествѣ: «Господи Іисусе Христе, помилуй насъ». Онъ скоро возвратился ко мнѣ, прося меня войти.

---

*) Сынъ казеннаго крестьянина Раненбургскаго уѣзда, села Зенкина. (См. въ 1-й книжкѣ „Душеполезнаго Чтенія“ 1895 г. статью о немъ Е. Поселянина). П. Б.

Когда двери въ келью отворились, я увидѣлъ небольшую комнату, чисто убранную; въ правой сторонѣ комнаты была дверь, ведущая вѣроятно въ спальню, а въ лѣвой сторонѣ въ переднемъ углу стояли образа, передъ которыми молился затворникъ съ земными поклонами. Такъ какъ онъ былъ обращенъ ко мнѣ почти спиною, то мнѣ нельзя было видѣть лица. Онъ средняго роста, волоса его сѣдые, распущены по плечамъ, одѣтъ онъ въ бѣломъ чистомъ балахонѣ, безъ всякихъ причудъ, сложенія худаго; движенія его при поклонахъ въ землю гибки, правильны, легки и безъ малѣйшаго шума. Я простоялъ съ полминуты въ дверяхъ, смотря на его моленье. Тишина была мертвая. Такъ какъ естественно имѣть нѣкоторое предубѣжденіе къ состояніямъ и занятіямъ людей, выходящимъ изъ обыкновеннаго круга дѣйствій нашихъ, то мнѣ и пришло на мысль, что послѣдніе поклоны сіи недоконченной молитвы могли быть послѣдствіемъ розмысла—сдѣлать впечатлѣніе на меня при первомъ взглядѣ на него, и тѣмъ болѣе возбудить любопытство мое, что лице его было отъ меня скрыто. Но я охотно сознаюсь, что мысль сія ошибочна; ибо человѣкъ сей въ полномъ смыслѣ слова удалился отъ свѣта и предался повидимому уединенію и молитвѣ вполнѣ; едва ли онъ заботится о томъ, что̀ люди о немъ говорятъ.

Отшельникъ, обернувшись ко мнѣ, спросилъ, что̀ мнѣ угодно. Я отвѣчалъ, что, проѣзжая черезъ Троекурово въ Лебедянь, зашелъ къ нему единственно для засвидѣтельствованія моего почтенія и испрошенія благословенія его.« Чѣмъ вы торгуете?» спросилъ онъ.--«Ничѣмъ отвѣчалъ я. «Я помѣщикъ Задонскаго уѣзда,» ѣду въ Лебедянь лошадей купить, и до васъ не имѣлъ другаго дѣла какъ сказанное.»—«Ну, благодарю,» отвѣчалъ отшельникъ, «вотъ вамъ просфира за то», и подалъ мнѣ просфиру, у него на столѣ находившуюся. «Знаете вы Александру Николаевну Голдобину?» спросилъ онъ.—«Знаю», сказалъ я, «и всякій разъ, какъ видаюсь съ нею, мы говоримъ о васъ.»

Голдобина-жительница Задонска, дѣвица въ нѣкоторыхъ уже лѣтахъ, со всякими ужимками и претензіями, отъ природы неглупая, но несносная въ обхожденіи: то она величается богатствомъ родителей своихъ и происхожденіемъ, то жалуется на бѣдность, и все это съ такимъ лицемѣріемъ, что на нее смотрѣть противно; говорятъ, что она въ чести у отшельника; не знаю, правда ли это, только она много говоритъ о немъ. «Ну прощайте», сказалъ мнѣ старикъ.—«Благословите,» сказалъ я, показавъ руку. Онъ положилъ мнѣ на руку свою, которую я поцѣловалъ и вышелъ.

Взглядъ его проницателенъ, выраженіе умное; на устахъ же какая-то улыбка и, какъ кажется, непритворная. Улыбка сія не возрождается у него при разговорѣ, но какъ бы сродилась съ выраженіемъ

лица и остается постоянно на устахъ его, говоритъ ли онъ, или слушаетъ. Наружность его пріятная и вселяетъ уваженіе. Говорятъ, что онъ нѣкогда былъ священникомъ въ какомъ-то приходѣ, разстриженъ или уволенъ изъ духовнаго званія за какой-то проступокъ, что онъ нѣсколько времени жилъ въ лѣсу, гдѣ его отыскивали посредствомъ земской полиціи и нашли въ сообществѣ съ пѣтухомъ и змѣею. Такова о немъ народная молва. Теперь онъ уже болѣе 20 лѣтъ живетъ въ Троекуровѣ и записался мѣщаниномъ въ Лебедянѣ, какъ я послѣ свиданія съ нимъ узналъ. Многіе имѣютъ къ нему вѣру; другіе обращаютъ болѣе вниманіе на незаконность приписываемой ему святости, потому что онъ не принадлежитъ къ духовному званію, полагая святость только въ однихъ монахахъ. Я того же мнѣнія, что человѣкъ сей имѣетъ отъ природы или вдохновенія расположеніе къ уединенію, созерцательности и молитвѣ, что онъ чуждъ свѣтскихъ предразсудковъ; готовъ думать, что онъ не есть поборникъ чиновнаго духовенства. Трудно съ нимъ вступить въ разговоры, потому что онъ убѣгаетъ ихъ, и вѣроятно рѣшился онъ на всегда схоронить въ душѣ своей и скрыть отъ людей настоящій образъ мыслей своихъ на сей счетъ, дабы не возбудить ихъ противъ общественнаго устройства и самому жить въ спокойствіи. Впрочемъ мнѣніе, основанное на такомъ кратковременномъ свиданіи, легко можетъ быть ошибочно. Нельзя не вспомнить при подобныхъ встрѣчахъ дервишей, людей умныхъ, строгой жизни, набожныхъ, но чуждыхъ предразсудкамъ и въ душѣ не терпящихъ угнетающаго сословія.

24-же числа пріѣхалъ я въ Лебедянь и въ тотъ же вечеръ пошелъ смотрѣть на конную лошадей. И на другой день ходилъ я смотрѣть ихъ, былъ и на дворахъ, гдѣ останавливаются конскіе промышленники, но ничего не купилъ, потому что не чувствовалъ себя въ силахъ имѣть дѣло и спорить съ роями искусныхъ барышниковъ, всю жизнь промышляющихъ торгомъ лошадей, имѣя въ виду, всѣ безъ исключенія, пріобрѣсти единственно обманомъ покупщиковъ.

Жаль видѣть красивое животное въ рукахъ этихъ людей, не дающихъ имъ ни на минуту отдыха, чтобы выставить статьи или скрыть пороки. Рѣдко себѣ можно встрѣтить такое собраніе красивыхъ лошадей какъ въ Лебедянѣ, и такое сборище записныхъ и заявленныхъ проворныхъ плутовъ какъ эти барышники, съ коими надобно непремѣнно дѣло имѣть, ибо почти всѣ лошади у нихъ перекуплены и продаются уже изъ другихъ или третьихъ рукъ.

25 возвратился я домой и съ особеннымъ удовольствіемъ увидѣлъ оставленнаго мною ребенка и кабинетъ свой, къ коему привыкъ такъ,

что трудно мнѣ будетъ съ нимъ разставаться, если по какимъ либо обстоятельствамъ придется мнѣ оставить здѣшнее мѣстопребываніе.

Въ Лебедянѣ познакомился я случайно съ однимъ изъ дальнихъ сосѣдей нашихъ Стаховичемъ, который недавно овдовѣлъ. Тергукасовъ былъ друженъ съ этимъ домомъ и хорошо отзывался о немъ. Стаховичъ мнѣ показался точно добрымъ и хорошимъ человѣкомъ, какъ его въ окрестности разумѣютъ...

4-го Іюня возвратилась изъ Тагина жена съ дѣтьми. Въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ ко мнѣ Н. П. Воейковъ, съ коимъ я пріятно провелъ три дня; 8-го поутру онъ уѣхалъ.

15-го пріѣхалъ сюда губернаторъ Ховенъ на обратномъ пути своемъ изъ Петербурга въ Воронежъ. Онъ былъ весьма хорошо принятъ Государемъ и получилъ значительныя денежныя награжденія. По дѣлу о вступленіи моемъ въ службу онъ со многими разговаривалъ въ Петербургѣ. Государь довольный тѣмъ, что́ слышалъ отъ Исленьева о разговорѣ его со мною, хотѣлъ съ Ховеномъ лично переговорить обо мнѣ, однако не сдѣлалъ сего. Между тѣмъ Орловъ нѣсколько разъ заводилъ о семъ предметѣ рѣчь съ Ховеномъ и черезъ него совѣтовалъ мнѣ написать письмо къ Государю въ собственныя руки, коимъ бы я изъявилъ желаніе поступить снова на службу съ предоставленіемъ участи своей въ полное распоряженіе Его Величества. По словамъ Ховена, многіе желаютъ появленія моего на поприщѣ службы, подавая мнѣ надежды, что я буду принятъ хорошо и получу назначеніе въ Грузію; но между тѣмъ сему благосклонному пріему не имѣется никакого поручительства, ибо Ховенъ ни отъ кого не слышалъ, чтобы вступленіе мое было угодно Государю.

Одинъ только человѣкъ былъ противнаго мнѣнія, именно флигель-адъютантъ полковникъ Ливенъ, который на разводѣ сказалъ Ховену, что коль скоро уже Государю извѣстна моя готовность, то отнюдь не слѣдуетъ мнѣ самому проситься, а ожидать рѣшенія. Голосъ сей былъ благороднаго человѣка.

Ховенъ привезъ мнѣ длинное письмо отъ брата Михайла, который совѣтовалъ мнѣ тоже, что́ Орловъ и Ховенъ, но положительно не бралъ на себя никакой совѣстливой отвѣтственности за сей совѣтъ; ибо онъ самъ не предвидѣлъ никакого поручительства, чтобы со мною не поступили такъ, какъ опасаюсь, т. е. не оставили бы жить въ Петербургѣ безъ должности. Онъ по вѣроятностямъ излагалъ свой образъ мыслей на счетъ сего дѣла, думая, что худшее, могущее со мною случиться, будетъ то, что, зачисля меня на службу, оставятъ на короткое только время въ столицѣ безъ должности и потомъ назначатъ въ Грузію. Я не удивлялся, что братъ Михаило такъ судилъ о семъ дѣлѣ, ибо онъ

давно уже не видѣлъ меня и не знаетъ моего образа мыслей; но меня удивило то, что онъ въ концѣ письма своего прибавилъ положительный совѣтъ писать къ Государю и положиться на графа Орлова, говоря, что мнѣ должно смириться передъ царемъ: выраженіе странное и приличествующее только мятежному духу; но его во мнѣ никогда не бывало.

Я располагалъ уже ѣхать въ Воронежъ въ Августѣ, когда тамъ будетъ Государь на смотру драгунской дивизіи, гдѣ всего вѣрнѣе будетъ мнѣ объясниться съ Государемъ лично, а не черезъ посредниковъ, послѣ чего мнѣ уже останется самому рѣшить, вступать ли мнѣ въ службу или нѣтъ. Ховенъ передалъ сіе мнѣніе мое и Орлову и братьямъ Михайлѣ и Александру, которые въ это время находились въ Петербургѣ, и хотя они находили сіе средство хорошимъ, но предпочитали первое, т. е. написать письмо въ собственныя руки Государю.

Со слѣдующею почтою получилъ я также письмо отъ брата Александра, возвратившагося уже въ деревню свою подъ Москвою. Онъ тоже убѣждаетъ вступить въ службу и пользоваться настоящимъ случаемъ.

По соображеніи всѣхъ сихъ обстоятельствъ я рѣшился на слѣдующее:

1) Не слѣдовать совѣтамъ другихъ, а собственному своему побужденію, а изъ переписокъ съ братьями прибавлять только къ свѣдѣніямъ уже у меня имѣющимся о состояніи сего дѣла.

2) Самому не торопиться въ дѣйствіяхъ своихъ, а выигрывать время, имѣя постоянно въ виду отзывъ Ливена, выразившійся изъ благороднаго участія ко мнѣ.

3) Дождаться письма Исленьева, который, по словамъ Ховена, располагалъ ко мнѣ писать.

4) Тогда, не взирая на легкомысліе Исленьева, съ нимъ только объясняться по сему дѣлу, такъ какъ онъ положилъ ему начало, а съ другими лицами сноситься лишь въ такомъ случаѣ, еслибъ они сами вступили по сему предмету со мною въ переписку.

5) Брату Михайлѣ, писавшему ко мнѣ подъ вліяніемъ графа Орлова, отвѣчать, если можно будетъ, послѣ письма ожидаемаго мною отъ Исленьева; если же Исленьевъ ко мнѣ не написалъ бы, то ограничиться увѣдомленіемъ о избираемомъ мною пути свидѣться съ Государемъ въ Воронежѣ.

6) Наконецъ, помышлять въ самомъ дѣлѣ о поѣздкѣ къ тому времени въ Воронежъ, еслибы между тѣмъ не встрѣтились какія либо новыя обстоятельства, могущія измѣнить ходъ сего дѣла.

Путь сей мнѣ въ самомъ дѣлѣ кажется вѣрнѣйшимъ, чтобы не

упрекнуть себѣ, еслибы меня заманили въ службу единственно для того, чтобы поступить со мною какъ съ А. П. Ермоловымъ, т. е., чтобы оправдать себя въ общемъ мнѣніи, а на мнѣ выместить то, что я уклонился. Такъ могутъ, по крайней мѣрѣ, поступить царедворцы, коихъ теперешнее равнодушіе ко мнѣ опять обратится въ зависть, коль скоро я буду имѣть успѣхъ въ службѣ и пріобрѣту расположеніе Государя. Сдѣлаю должное, а что за симъ послѣдуетъ, въ томъ виновенъ не буду; и потому искать ничего не расположенъ и не буду.

7-го числа былъ у меня проѣздомъ съ Кавказа въ степную Русь бывшій начальникъ 14-го пѣхотной дивизіи 5-го корпуса, генералъ-лейтенантъ Ширманъ съ женою своею и адъютантомъ Соболевскимъ. Мнѣ пріятно было видѣть сей знакъ памяти стараго сослуживца моего. Занимательно для меня также было слышать извѣстіе о состояніи дѣлъ на Кавказѣ. Неудачи продолжаются для насъ, и повидимому причиною сему единственно начальники наши.

Такъ какъ я не получилъ письма отъ Исленьева, то на дняхъ писалъ къ брату Михайлѣ. Описывая только семейныя обстоятельства мои, я мимоходомъ упомянулъ о намѣреніи моемъ быть въ Воронежѣ ко времени пріѣзда туда Государя.

18 числа навѣстилъ меня Тергукасовъ со своимъ семействомъ; онъ пробылъ у меня вчерашній день, а сегодня уѣхалъ. Я разсказалъ ему всѣ подробности моего дѣла; онъ находилъ, что вѣжливость требовала, дабы я написалъ письмо къ графу Орлову просто съ выраженіемъ ему благодарности моей за принимаемое имъ участіе во мнѣ; ибо онъ нѣсколько разъ черезъ братьевъ и Ховена изъявлялъ мнѣ оное. Я нашелъ мнѣніе Тергукасова справедливымъ и послалъ ему вчера слѣдующее письмо:

„Милостивый государь графъ Алексѣй Ѳедоровичъ. Братья увѣдомили меня объ участіи, принимаемомъ вашимъ сіятельствомъ во мнѣ. Я не могъ быть равнодушнымъ къ симъ знакамъ доброжелательства вашего, и для меня лестно было видѣть, что вы сохранили ко мнѣ прежнее расположеніе ваше; оно было свѣжо въ мысляхъ моихъ въ теченіе почти совершившихся пяти лѣтъ уединенной жизни моей. Новый родъ занятій, коимъ я предался, украшался воспоминаніями о прошедшей службѣ моей, а продолжавшіяся неудачи по хозяйству покрывались до сихъ поръ милостями, коими Государь меня во время службы одарилъ.

„Нынѣшніе отзывы ваши въ соединеніи съ сохранившимъ въ памяти моей о прошедшемъ требуютъ выраженія признательности моей. Исполняя сей пріятный для меня долгъ, я остаюсь въ надеждѣ, что вы прочтете строки

сіи какъ душевное изліяніе чувствъ человѣка, всегда съ удовольствіемъ обращающагося къ воспоминаніямъ о начальствованіи и вниманіи вашемъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

19 Іюля 1842.
С. Скорняково.

Такъ какъ письмо сіе не заключаетъ никакого искательства, то я его отправилъ охотно и безъ всякаго опасенія подвергнуть дѣйствія мои чьимъ либо осужденіямъ, а всего болѣе моимъ собственнымъ.

Вчера же, послѣ отправленія письма сего, я узналъ черезъ Понсета, что драгунскую дивизію велѣно стянуть въ Курскъ, гдѣ Государь будетъ смотрѣть весь корпусъ въ сборѣ. Итакъ, поѣздка моя въ Воронежъ повидимому не состоится; между тѣмъ я приступилъ къ перешивкѣ мундировъ, которые стали очень узки.

На дняхъ былъ у меня Николай Матвѣевичъ Муравьевъ и сказывалъ мнѣ, что при выѣздѣ его изъ Воронежа онъ видѣлся съ губернаторомъ, который, отозвавъ его въ сторону, поручилъ сказать мнѣ, что военный министръ, въ обратный путь свой съ Кавказа черезъ Воронежъ, изъявилъ сожалѣніе свое, что не случилось мнѣ къ тому времени быть въ Воронежѣ, чтобы со мною повидаться.

Сейчасъ получилъ я отъ губернатора письмо, коимъ онъ увѣдомляетъ меня, что Государь измѣнилъ маршрутъ свой, не располагаетъ болѣе быть въ Воронежѣ, а проѣдетъ черезъ Орелъ въ Курскъ, а оттуда въ Варшаву, почему Ховенъ и совѣтуетъ мнѣ ѣхать въ Курскъ, чтобы тамъ представиться Государю; но я, не видя никакого поводу къ сему шагу, не располагаю исполнить совѣта сего. И въ самомъ дѣлѣ, я былъ бы поставленъ въ затрудненіе объяснить причину пріѣзда своего въ Курскъ. Обстоятельства не перемѣнились ни въ чемъ, а потому и мнѣ не для чего перемѣнять своихъ дѣйствій.

26-го я праздновалъ имянины жены, старшей дочери и день свадьбы моей. Роща и садъ были иллюминованы, была и музыка, всѣ повеселились вдоволь. Послѣ обѣда пріѣхалъ къ намъ братъ Андрей. Онъ привезъ мнѣ письмо отъ Михайлы, который увѣдомляетъ меня, что письмо мое графу Орлову было показано Государю. На словахъ же онъ мнѣ передалъ черезъ Андрея, что Государь остался доволенъ симъ письмомъ и сказалъ, что онъ зналъ меня за честнаго и благороднаго человѣка, но полагалъ меня мало свѣдущимъ по фронту.

Третьяго дня былъ у меня губернаторъ Ховенъ, который говорилъ, что слухъ носился, будто Государь совсѣмъ не будетъ на смотру въ Курскѣ, а пошлетъ туда на мѣсто себя Михаила Павловича.

И такъ повидимому дѣло мое о вступленіи въ службу остановилось. Слухи носятся, что дѣла на Кавказѣ въ самомъ дурномъ положеніи. Герштейцвейгъ, которому предлагали мѣсто Граббе, отказался, какъ и многіе другіе отказываются отъ занятія тамъ званія сего, имѣющаго упразднится, какъ говорятъ, вслѣдствіе собственной просьбы Граббе, который проситъ увольненія отъ своей должности.

Братъ Андрей оставался у меня до 18 Сентября. Пребываніе его было для меня пріятно; я давно не видался съ нимъ и принимаю въ немъ душевное участіе, какъ по безкорыстію, которое онъ показалъ при раздѣлѣ оставшагося послѣ смерти батюшки наслѣдства, такъ и по непріятному положенію, въ которое онъ поставленъ на службѣ; ибо онъ долженъ былъ оставить Сѵнодъ по неудовольствіямъ съ оберъ-прокуроромъ графомъ Протасовымъ. По собственнымъ словамъ Андрея, я могъ заключить, что неудовольствія сіи произошли отъ того, что онъ не несъ прямой службы, къ которой онъ никогда не былъ приготовленъ, а занимался единственно своими сочиненіями и покровительствованіемъ разнымъ духовнымъ особамъ вопреки видовъ свѣтскаго начальства, овладѣвшаго всѣмъ духовнымъ правленіемъ. Сіе неминуемо должно было когда нибудь случиться; ибо праздная по службѣ жизнь Андрея не могла быть терпима, и хотя онъ оправдывается сочиненіями своими, коимъ онъ посвящалъ все свое время, называя сіе полезнымъ и поучительнымъ для соотечественниковъ своихъ вліяніемъ для поддержанія церкви, но сіе не могло быть принято въ уваженіе тамъ, гдѣ требуется простое исполненіе обязанностей отъ подчиненнаго. Онъ долженъ былъ заниматься своимъ дѣломъ въ свободное отъ службы время и не заблуждаться называніемъ службою того что́ ему приносило и денежныя выгоды, и славу между духовенствомъ, коего онъ былъ поборникомъ.

Къ несчастію Андрея, онъ мало терпѣлъ въ жизни, встрѣчалъ всегда и вездѣ до сихъ поръ снисходительность; а потому, доживши до 36-лѣтняго возраста, не умѣетъ принудить себя ни въ чемъ. Въ семъ отношеніи онъ до такой степени избалованъ, что малѣйшее обстоятельство, противудѣйствующее его столичнымъ привычкамъ, выводитъ его изъ терпѣнія, чрезъ что затрудняется и путь въ жизни его на каждомъ шагу. Къ тому еще одинокая жизнь, которую онъ вѣкъ свой проводилъ, дала ему привычки эгоизма: все должно гнуться предъ нимъ и исполнять желанія его вопреки всего и безъ вниманія къ удобству и спокойствію другихъ. Здѣсь мы старались угождать ему и вмѣстѣ часто смѣялись надъ его привычкою; онъ переносилъ шутки, иногда сердился, но постоянно дружеское обхожденіе наше съ нимъ оставило въ немъ пріятное впечатлѣніе.

20-го Сентября былъ я на свадьбѣ дочери Вадковскаго съ К.... . . . .нымъ. Онъ два раза говорилъ мнѣ, что онъ приложитъ все свое стараніе, чтобъ пользоваться добрымъ мнѣніемъ моимъ, какъ бы чувствуя, что скрытое поведеніе его въ отношеніи къ Дадіану извѣстно. Дадіанъ конечно заслужилъ претерпѣнное имъ, но К. . . . нъ былъ скрытымъ орудіемъ въ этомъ случаѣ и позорилъ стараго сослуживца своего изъ-за угла, а не открыто, какъ бы всякій обязанъ былъ сіе сдѣлать.

На дняхъ былъ у меня К. . . .нъ. Мы долго разговаривали о дѣлахъ Грузіи, и онъ на каждомъ шагу какъ бы желалъ оправдаться по слѣдствіямъ, которыя онъ производилъ въ Грузіи. Никакъ бы не думалъ я обвинять его въ сихъ дѣлахъ, ибо разумѣю, что онъ только исполнялъ возложенную на него обязанность; но когда онъ мнѣ между прочимъ сказалъ, что не можетъ по сей причинѣ искать службы въ Грузіи, гдѣ всѣхъ противъ себя возстановилъ, то я сталъ въ самомъ дѣлѣ думать, что онъ какими либо неумѣстными поступками преступилъ обязанности свои, къ удовлетворенію какихъ либо личностей. Вообще онъ мнѣ не понравился. Онъ долженъ быть отличный служивый; но я бы никакъ не поручился за чистоту его намѣреній и прямое самоотверженіе въ дѣйствіяхъ.

18-го Декабря я проводилъ жену съ тремя старшими дочерьми, отправившуюся въ Москву для свиданія съ сестрою ея Софьею Григорьевною, возвратившеюся изъ чужихъ краевъ въ недавнемъ времени. Жена желала также проѣхать въ Петербургъ; но я всячески отклонялъ ее отъ сей поѣздки.

ИЗЪ ДНЕВНИКА 1812 И 1813 ГОДОВЪ О МОСКОВСКОМЪ РАЗОРЕНІИ [1]).

Ростовъ. Декабря 7. 1812 г. Я пріѣхалъ въ Ярославль 5 числа по утру, нанялъ было на постояломъ дворѣ квартиру; но по усердному приглашенію тамошняго профессора физики, Александра Павловича Воинова» у него рѣшился ночевать. Въ этотъ день обѣдалъ я у другаго профессора Клименки, который и отдалъ мнѣ два письма отъ Ивана Михайловича, Варварскаго протопопа. Они заставили меня не плакать, а рыдать, и послѣ того всякой день льются изъ глазъ моихъ слезы о потерѣ дражайшей маменьки, которая рѣшилась пожертвовать собою для спасенія моего имущества. Въ Москвѣ буду и еще болѣе увѣрюсь въ этой ненаградимой потерѣ; при ней другія потери уже не столько терзаютъ мое сердце. Какія ужасныя испытанія угодно Всевышнему ниспослать на насъ! Покоримся съ благодушіемъ подъ крѣпкую руку Божію, насъ наказующую. Къ какимъ страшнымъ сценамъ долженъ я себя приготовить, приближаясь къ Москвѣ! Прошу Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ терпѣніе.—6 Декабря я былъ у обѣдни въ Спаскомъ монастырѣ и видѣлъ преосвященнаго Антонія, который служилъ литургію въ своей комнатной церкви. Оттуда съѣздилъ я къ имянинннику Николаю Абрамовичу Бартеневу и засталъ его; видѣлъ и Надежду Васильевну. Обѣдалъ я по приглашенію въ Демидовскомъ училищѣ у кассира Дружинина, а чай пилъ ввечеру у профессора Николаева. Всѣ они мнѣ рады. Сегодня поутру пилъ я чай у проф. Ханенко, облагодѣтельствованнаго нашимъ кумомъ Антонскимъ, у котораго онъ воспитывался и созрѣлъ въ наукахъ и которому одолженъ толь выгоднымъ для себя мѣстомъ. Сей Ханенко, по предписанію нашего попечителя [2], который теперь уже въ Москвѣ, ѣздилъ въ прошломъ мѣсяцѣ въ Москву, осмотрѣть университетъ и представить, въ какомъ состояніи

---

[1]) Дневникъ этотъ писанъ адъюнктомъ Московскаго университета, Петромъ Васильевичемъ Побѣдоносцевымъ, (1771†1843) по возвращеніи его въ Москву изъ села Бѣлькова, Костромской губерніи Солигаличскаго у., гдѣ онъ укрывался съ семействомъ у друга своего Павла Антоновича Шипова (отца извѣстныхъ впослѣдствіи братьевъ Шиповыхъ).

[2]) Павла Ивановича Кутузова. П. Б.

найдетъ тамошнихъ чиновниковъ. По осмотрѣ его оказалось, что библіотека и кабинетъ сдѣлались жертвою пламени; изъ послѣдняго очень немного успѣли вывезти. Какая потеря и чѣмъ вознаградить ее! Оставалось въ университетѣ 5000 рублей мѣдной монеты, и отыскалось только 900 рублей. Винятъ во многомъ Артемьева, нашего полицмейстера, который и при Французахъ жилъ въ Москвѣ и имѣлъ при себѣ 14 человѣкъ: могъ сберечь и ничего не сберегъ. Спаслись отъ пожару больница и каменной домикъ, гдѣ жилъ ректоръ Геймъ, потому что тутъ же жилъ нашъ проф. Стельцеръ, котораго почитаютъ подозрительнымъ. И Сущовъ находится подъ судомъ, потому что и онъ, какъ говорятъ, принималъ участіе въ злодѣйскомъ муниципалитетѣ, или внутреннемъ управленіи Москвою во время нашествія злодѣевъ. Время откроетъ, справедливо-ли это. Елена Мих. Перелогова, сказываютъ, въ Нижнемъ все закупала, ходила на рынокъ, а Тимофей Ивановичъ [1]) тамъ давалъ уроки. Видно, они и съ дѣтьми перебрались туда при казенныхъ ученикахъ и студентахъ, изъ коихъ весьма многіе пошли въ ополченіе. Качановскій съ женою въ Тамбовѣ, и домъ его уцѣлѣлъ. И Сокольскаго домъ спасенъ. Черепановъ при Институтахъ уѣхалъ въ Казань и тамъ учитъ дѣвицъ. Видно, и его семейство тамъ-же. Вѣроятно, туда же пустился и Цвѣтаевъ. Рейнгардъ съ женою умерли. Страховъ очень боленъ въ Нижнемъ; Мудровъ съ семействомъ тамъ-же и наживаетъ денежки, отправляя свою практику. Антонской въ дальней своей деревнѣ, и пансіонъ также сгорѣлъ. Снѣгиревъ, послѣ того, какъ злодѣи вышли изъ Москвы, явился туда въ самомъ жалкомъ положеніи: кучеръ его, на дорогѣ его ограбивъ, бѣжалъ; двѣ дѣвки скрылись, домъ сгорѣлъ; зарытое въ саду имѣніе разграблено; 2 сундука большіе съ книгами, отвезенные имъ въ Благородный пансіонъ на сохраненіе, сгорѣли. Для оказанія ему пособія о немъ писано къ министру. Сколько и мы вмѣстѣ съ другими претерпѣли потерь и еще, можетъ быть, претерпимъ! И я съ Божей помощію донесу Павлу Ивановичу о моихъ потеряхъ; можетъ быть, сколько нибудь и помогутъ намъ, если Богъ не совсѣмъ еще на насъ прогнѣвался.—Много и другихъ слышалъ я новостей, но теперь всего не приведу себѣ на память. Говорятъ о дальнѣйшихъ побѣдахъ надъ непріятелемъ и будто злодѣй, видя бѣду неминучу, отравилъ себя ядомъ. О, если бы это было справедливо! О, когда бы Господь совершенно умилосердился надъ нами конечнымъ разрушеніемъ вражеской силы и гибельнымъ паденіемъ Гальского Голіаѳа!

Изъ Ярославля до Москвы нанялъ я двухъ лошадокъ крестьянскихъ съ кибиткою за 27 рублей. Это очень недорого. За то въ

---

[1]) Т. И. Перелоговъ, извѣстный профессоръ математики. П. Б.

нашей повозкѣ должна сидѣть и старуха, жена мужичка, который меня везетъ, а она сойдетъ въ деревнѣ за Переславлемъ. Изъ Ярославля до Ростова доставили меня не-кормя; въ 6 часовъ съ половиной мы проѣхали 55 верстъ. Завтра Воскресенье; приведетъ-ли Богъ быть у ранней обѣдни въ Яковлевскомъ монастырѣ и приложиться къ мощамъ Димитрія Чудотворца? О типографіи сказываютъ, что матеріалы почти всѣ цѣлы, и бумаги сбережено довольно; главной корпусъ только поврежденъ. Теперь начальникомъ типографіи опредѣленъ Петръ Михайл. Дружининъ, директоръ губернской гимназіи. Невзоровъ, прежній начальникъ, отъ Французовъ былъ битъ, его бѣднаго видѣли почти въ одной рубашкѣ и безъ сапоговъ, и даже заставляли работать, а онъ еще такъ толстъ. Бѣдный страдалецъ! Живъ-ли то онъ? Злодѣи! Какъ они терзали беззащитныхъ людей! Но близко мщеніе небесное: скоро, скоро громы грянутъ, и память ихъ погибнетъ съ шумомъ.

8-го Декабря. Сегодня былъ я въ Яковлевскомъ монастырѣ у ранней обѣдни; послѣ прошелъ въ соборную церковь, отпѣлъ молебенъ, приложился къ мощамъ и принялъ благословеніе отъ гробоваго іеромонаха Амфилохія. Видѣлся я и съ Николаемъ Алексѣевичемъ, которой сказывалъ, что у него тысячъ на 50 сгорѣло въ Москвѣ, и между прочимъ расхищено въ его же домѣ сокрытое имѣніе Варвары Евгеньевны Кашкиной, монастырки. Они живутъ въ Ростовѣ, съ 12-го Сентября, и за двѣ комнаты съ прихожею платятъ по 30 руб. на мѣсяцъ.—Въ 9-мъ часу вечера пріѣхали мы въ Переславль и остановились на постояломъ дворѣ; тутъ разговорился я съ пріѣхавшимъ изъ Москвы купцомъ, которой говорилъ, что безъ ужаса нельзя и видѣть тамошнихъ развалинъ и опустошеній. А что-то я буду чувствовать, въѣхавши въ Москву и найду-ли родныхъ? Хотя бы у кого нибудь изъ нихъ уцѣлѣлъ домикъ, и то бы великое благодареніе Богу!

9-го Декабря. На разсвѣтѣ выѣхалъ я изъ Переславля. Остановясь въ полдни кормить лошадей, вошелъ я въ избу и увидѣлъ дѣвицу Познякову, которая училась въ Институтѣ. Съ нею тутъ были, еще двѣ сестры ея и маленькій братъ; и отецъ съ ними, а мать живетъ въ Орлѣ съ сыномъ. Они ѣдутъ въ Москву въ домъ актера Сандунова, гдѣ были бани: это мѣсто все уцѣлѣло. А нашъ Сандуновъ живетъ теперь въ Костромѣ. Его домъ сгорѣлъ до чиста. — На квартиру, гдѣ я остановился, пріѣхалъ ночевать возвращающійся изъ Москвы секретарь Дьячковъ, служившій въ Воспитательномъ Домѣ. Ужасно слушать, что̀ онъ о Москвѣ разсказываетъ. Но буди воля Божія! Да подкрѣпитъ Онъ меня въ горестяхъ, меня ожидающихъ послѣ завтра. Здѣсь разсказываютъ о погребеніи митрополита. Онъ

скончался 11-го Ноября, а погребенъ 16-го въ Субботу. Изъ Виѳаніи несли его священники для отпѣванія въ Лавру, а оттуда опять для погребенія въ Виѳанію монашествующіе подъ балдахиномъ. Въ Лаврѣ проповѣдь говорилъ тамошній ректоръ, и самъ рыдалъ и всѣ рыдали. Послѣ отпѣванія еще говорены были двѣ рѣчи самыя трогательныя двумя учеными монахами. По перенесеніи тѣла его въ Виѳанію двое студентовъ Богословія, Виѳанскихъ Платониковъ, говорили разговоръ въ стихахъ; когда же начали въ Виѳанской церкви опускать тѣло его въ могилу, то тамошній архимандритъ говорилъ еще рѣчь. Вѣроятно, все это будетъ напечатано. Здѣсь носится молва, будто, во время пребыванія злодѣя въ Москвѣ, Государь тайно изволилъ быть у митрополита для совѣтованія съ нимъ. Почтенный старецъ! Въ какое время онъ оставилъ свою паству! Когда Москва по Божію попущенію лишалась славы и красы своей, тогда и пастырь ея сдѣлался безгласенъ, бездыханенъ, неимущъ вида, ниже доброты! Россіянинъ, а болѣе житель разоренной столицы, оплакивая слѣды опустошенія Москвы, прольетъ горчайшія слезы, лишившись Московскаго пастыреначальника, незабвеннаго для христіанъ, пользовавшихся сладостнымъ его ученіемъ, а болѣе для духовенства, поставленнаго имъ на степень приличную священному сану. Вѣчная ему память!—Это пишу я на квартирѣ у Троицы, куда пріѣхалъ въ 7 часовъ вечера послѣ трудной поѣздки, ибо отъ метели едва извощикъ нашелъ дорогу въ темный вечеръ.

10-го Декабря. Встали до свѣту, и я зашелъ въ Лавру, но не засталъ уже заутрени и только сквозь стеклянную дверь помолился Чудотворцу Сергію, надъ мощами котораго горѣла лампада. Сказывали мнѣ, что вся Сергіевская ризница и сокровища увезены въ Вологду. Доѣхавши до Рахманова, по просьбѣ Ярославскаго профессора Ханенко, заѣхалъ я въ подмосковную деревню г. Антонскаго, и тутъ познакомился съ его племянникомъ Чернявскимъ. Онъ сказывалъ, что у Антонскаго сгорѣла библіотека, и серебро, въ саду зарытое, расхищено. Убытокъ его простирается до 60 тысячъ, если вѣрить племяннику. Въ 6 часу вечера, съ пролитіемъ слезъ, въѣхалъ я въ Москву и остановился на постояломъ дворѣ за заставою, въ бѣдной избенкѣ. Я пишу это, а подлѣ меня мужики ужинаютъ, ребяты визжатъ. Завтра на разсвѣтѣ готовится для меня зрѣлище ужасное, какихъ я не видывалъ. У Андріановскаго протопопа все сгорѣло, сказывалъ мнѣ хозяинъ; а у Филиповскаго и Троицкаго на Капелькахъ домы цѣлы.

Москва, 11-го Декабря. Въ 8 часовъ утра подъѣзжаю я къ дому Агея Алексѣевича Алексѣева и къ удовольствію моему нахожу его цѣлымъ.

Они приняли меня, какъ родные. Другую ночь у нихъ ночую. Отъ нихъ узналъ я, что мои родные въ Богоявленскомъ монастырѣ и что матушка моя жива (У нихъ же, то есть у Агея Алексѣевича, живетъ Климентовскій, что̀ близъ Варварскихъ воротъ, священникъ съ женою). Пріѣзжаю въ Богоявленскій монастырь и обнимаю со слезами сестрицу и дѣтей ея; потомъ приходитъ и Иванъ Михайловичъ съ своего пепелища, гдѣ внизу отстраиваютъ нѣсколько комнатъ. Посылаютъ сказать обо мнѣ и матушкѣ, которая была у Степаниды Степановны, жившей съ Павломъ Дмитричемъ Левашовымъ въ духовной типографіи *). Мы рыдали, увидясь другъ съ другомъ; она такъ исхудала, что почти не узнаешь ее. Во все несчастное время она жила въ Москвѣ, видѣла и терпѣла всѣ ужасы, видѣла, какъ грабили мои шубы и платье, и какъ въ домѣ сгорѣли мои книги—и ничего сберечь не могла! Ѳедора, гнусная наша баба, ея не послушалась и, не смотря на ея просьбы, ушла и безъ жалости ее покинула. Какая злодѣйка! Съ Ив. Михайловичемъ живетъ вмѣстѣ и Илья Мих.; хоть у него домы сгорѣли, но онъ успѣлъ все сберечь; даже продаетъ теперь вино и мадеру, которыя у него уцѣлѣли, и въ своемъ трактирѣ отстраиваетъ нижній этажъ. — Потомъ былъ я въ духовной типографіи у Павла Дмитр. Левашова; онъ занимаетъ хорошія комнаты и, кажется, все у него уцѣлѣло, кромѣ дома. И онъ во время Французовъ жилъ въ типографіи, отпустивъ своихъ въ деревню къ Перехватову, который довольствовалъ ихъ, какъ родныхъ. Пав. Дмитр. также вытерпѣлъ много горя, сберегъ между тѣмъ типографію, буквы, книги и бумагу, и за то награжденъ щедро: получилъ крестикъ, чинъ ассессора и 1.000 рублей.—Отъ него былъ я въ нашей Университетской типографіи; главный корпусъ сгорѣлъ, а рабочіе цѣлы. Тутъ я взялъ шесть нумеровъ вышедшихъ вновь газетъ. Оттуда ѣздилъ я въ Кудрино на свое пепелище; по печи и по колодцу только могъ узнать, гдѣ было наше жилье. Поплакалъ и помолился Богу на паперти. На церкви все желѣзо сворочено и согнуто. Ужасное опустошеніе: видны одни только печи да трубы, и то развалившіяся; индѣ висящее желѣзо, индѣ куча камней, индѣ развалившіяся стѣны. Грибоѣдовой дому и слѣдовъ нѣтъ. Домъ Посниковой, Раевской, сапожника Ильи Михайлыча—все чистое поле; только торчатъ трубы, да кирпичи растрескавшіеся. Ѣхалъ мимо дому Тверитинова; онъ уцѣлѣлъ, и всѣ строенія около пруда. Домъ Дмитрія Ивановича въ Бронной сгорѣлъ до-чиста; жаль, что я не видалъ его: сегодня поутру онъ съ Анною Ивановною отправился къ своему дядѣ въ Кіевъ.

*) Т. е. на Никольской. П. Д. Левашовъ служилъ товарищемъ директора Московской синодальной типографіи. Его донесеніе о пей Св. Синоду отъ 24 Октября 1812 г. напечатано въ книгѣ Н. Дубровина „Отечественная война“. Спб. 1882, стр. 279—287. П. Б.

12-го Декабря. Ночевалъ у Агея Алексѣевича. Въ 10 часовъ утра былъ я у попечителя, который почиталъ уже меня въ числѣ пропавшихъ безъ вѣсти, потому что я очень долго не являлся. Просилъ я его, не дастъ ли мнѣ гдѣ-нибудь квартирки. Онъ сказалъ, что надобно дождаться, когда изъ Нижняго пріѣдетъ ректоръ Геймъ и распорядитъ все, что́ можно.—Нынѣ былъ крестной ходъ около Бѣлаго города, и духовенство возвращалось изъ ходу въ Срѣтенской монастырь. Отъ Срѣтенскихъ воротъ до Никольскихъ все цѣло, и Лубянка; а въ городѣ все пылало и разрушалось. Рожественка также цѣла.—По вечеру былъ я на Петровкѣ, въ домѣ Рѣшетникова; тутъ нанимаетъ Глазуновъ съ семействомъ; онъ принялъ меня ласково и угостилъ. Домъ его на Пятницкой сгорѣлъ, и имѣніе, бывшее въ палаткѣ на колокольнѣ, расхищено, часть только осталась. Теперь онъ отдѣлываетъ лавки свои противъ Казанскаго собора; книги всѣ расхищены; осталось только въ Чудовомъ монастырѣ довольно книъ.

13-го Декабря. Ивану Мих. протопопу даютъ квартиру въ Златоустинскомъ монастырѣ. Отъ архіерея ему дано было 500 р. на раздачу бѣднымъ, и два другіе благочинные, получивъ по стольку, раздавали милостыню. Антонъ Никитичъ, купецъ, торговавшій въ гребенномъ ряду и оставшійся нищимъ съ большимъ семействомъ своимъ, получилъ 15 рублей отъ Ив. Мих.— Обѣдалъ въ Богоявленскомъ монастырѣ. Былъ и у Качеповскаго; его домъ цѣлехонекъ; у него жили во время несчастія и теперь живутъ его тесть и теща съ дѣтьми. Библіотека Качеповскаго вся цѣла. Оттуда былъ я у бывшаго нашего хозяина Якова Дмитріевича; онъ живетъ близъ Рожественскаго монастыря, гдѣ все уцѣлѣло въ домѣ тамошняго священника, ихъ родственника. И отецъ нашей попадьи тутъ-же; онъ всего лишился. А нашъ хозяинъ успѣлъ сберечь почти все: не одну ночь работалъ съ причетниками и зарывалъ въ церкви, и все осталось цѣло. А наше все погибло; матушка, сказываютъ, и своего ничего не сохранила. Слишкомъ жестоко мы наказаны. При воображеніи о малюткахъ сердце мое кровью обливается.

Москва, Декабря 15-го. У обѣдни былъ я въ Срѣтенскомъ монастырѣ; тутъ служилъ Симоновской архимандритъ, и послѣ обѣдни былъ благодарный молебенъ, и по всѣмъ церквамъ цѣлодневной звонъ, по случаю побѣдъ надъ непріятелемъ. Въ этомъ монастырѣ хранится и стоитъ подлѣ царскихъ дверей драгоцѣнный образъ Владимирской Богоматери, бывшій въ Успенскомъ соборѣ. Оттуда зашелъ я въ церковь Козмы и Даміана, гдѣ Иванъ Семеновичъ Похорскій священникомъ. У него теплую церковь сего дня освящали. Приходъ его весь выженъ, но онъ спасъ церковное и свое. Поѣхалъ я въ Воспитатель-

ный домъ къ тамошнему священнику. И онъ и другой священникъ Воспитательнаго дома едва не лишились мѣстъ своихъ за то, что они безъ позволенія начальства оставили свои мѣста. Государыня, бывъ о томъ увѣдомлена, прогнѣвалась, но послѣ изволила простить. Мѣста ихъ теперь почитаются самыми завиднѣйшими въ духовенствѣ; ибо у нихъ есть и жалованье, и теплая квартира. Все наказаніе, которому они подпали, состояло въ томъ, что лишили ихъ двухмѣсячнаго жалованья и отдали оное двумъ священникамъ, которые въ ихъ отсутствіе исправляли требы. Въ комнатахъ ихъ все цѣло, даже и мебель осталась неповрежденною.

Декабря 16. Поутру ѣздилъ я къ Рѣшетникову, содержателю типографіи, и онъ принялъ меня весьма радостно. Его домъ и типографія цѣлы. Оттуда зашелъ я въ приходскую церковь Рождества въ Столечникахъ; лишь только вступилъ туда, запахъ навозный поразилъ мое обоняніе; полъ весь черенъ, тутъ была у злодѣевъ конюшня; середина въ царскихъ дверяхъ выломана. Да и у тамошняго бѣднаго священника домъ, которой стоилъ ему болѣе 30 тысячъ и недавно былъ отстроенъ, весь выгорѣлъ.—Потомъ проѣхалъ въ Сущово къ Андрею Анисимовичу Сокольскому; домъ его цѣлехонекъ. Хозяина я не засталъ дома, а только жену его Любовь Григорьевну; она сказала, что онъ вчера уѣхалъ изъ Москвы въ Казань, по вызову отъ г. Цвѣтаева, давать уроки институткамъ; по этому видно, что Институты не скоро возвратятся въ Москву. Въ Екатерининскомъ Институтѣ слѣдовало бы быть выпуску въ будущемъ Февралѣ; но Государынѣ угодно отложить выпускъ еще на годъ. Сокольскій съ женою, во время несчастія, былъ не далѣе, какъ за 3 версты, и когда Французы туда пришли, то жена его и сестра ея чудеснымъ образомъ спаслись на верху подъ крышею и провели тамъ нѣсколько сутокъ; потомъ онъ просилъ Французскаго коменданта, и ему дали караулъ для провожденія въ Москву семейства его, и они жили уже при запасномъ дворцѣ, что́ у Красныхъ воротъ, и тамъ выдавали имъ муку. Въ Егорьевскомъ женскомъ монастырѣ, назадъ тому около двухъ недѣль, скончался священникъ, которой съ семействомъ своимъ оставался въ Москвѣ и при Французахъ; въ тотъ же самой день умерла и жена его, а чрезъ два дня и старшій сынъ ихъ. Остались въ живыхъ четверо бѣдныхъ малютокъ, которые должны идти по міру, если не подастъ имъ помощи какая нибудь благотворительная душа. Вотъ какія слѣдствія оставилъ по себѣ злодѣй непримиримый. Сказываютъ, что онъ уже въ Вѣнѣ, и войска у него осталось не болѣе 7 тысячъ; да и то едва ли возвратится туда, откуда пришло.

Декабря 17-го. Поутру былъ во второй разъ у попечителя и просилъ его о выдачѣ заслуженнаго мною жалованья. Онъ обѣщалъ приказать выдать, какъ скоро кассиръ Лазаревъ и ректоръ Геймъ пріѣдутъ изъ Нижняго, а ихъ ожидаютъ со дня на день. Отъ него идя, встрѣтился я съ священникомъ отъ Ильи Пророка на Воронцовскомъ полѣ. Онъ былъ богатъ, а теперь, ежели вѣрить ему, всего лишился. Въ церкви его похищены богатыя ризы и до 30 пудъ серебра. Теперь онъ нанимаетъ на Покровкѣ комнату и платитъ по 20 р. на мѣсяцъ.

18-го Декабря. Вздумалъ ходить по улицамъ, прошелъ по Вздвиженкѣ, мимо бывшаго театра и по Поварской: все позжено и разрушено; даже на этихъ улицахъ, какъ на необитаемыхъ, кое-гдѣ изрѣдка встрѣтится идущій или ѣдущій; а въ этихъ мѣстахъ всегда бывало множество народа. Какое превращеніе! Былъ опять въ Кудринѣ и зашелъ въ домъ Кашкина, гдѣ видѣлся съ дворецкимъ. Онъ сказывалъ, что ждутъ одного Николая Евгеньевича. Домъ ихъ весь цѣлъ, кладовыя только разграблены. Потомъ завернулъ я въ тотъ переулокъ, гдѣ жилъ Ѳедоръ Александровичъ Богдановъ; это мѣсто также уцѣлѣло. Нашелъ хозяина дома и хозяйку Вѣру Михаиловну и троихъ ихъ дѣточекъ. Они живы и здоровы. Бѣдные много имущества потеряли. Выѣхали 1-го Сентября на одной своей лошади, и то въ дрожкахъ, и не успѣли еще пріѣхать за имѣніемъ, которое безъ нихъ хотя людьми ихъ и зарыто было, но послѣ все злодѣями отыскано. Они жили въ Угличѣ и тамъ трепетали отъ приближенія непріятеля.

19-го Декабря. Пошелъ я навѣстить профессора Снѣгирева, которой живетъ недалеко отсюда въ Аптекарскомъ саду. Снѣгиревъ мнѣ сказывалъ, что Государю угодно, чтобы открытъ былъ Университетъ въ Ярославлѣ; однакожъ начальство наше скоро представитъ Его Величеству убѣдительныя причины, по коимъ должно быть сему главному училищу въ Москвѣ: 1) потому, что типографіи нельзя отдѣлить отъ Университета, а перевозить ее въ Ярославль было бы неудобно и сдѣлало бы большую остановку въ печатаніи газеты; 2) въ Ярославлѣ есть два большія училища, а въ Москвѣ не быть ни одному, хотя и на время, было бы странно. Надобно ожидать, какъ все это рѣшится. Какъ больница у насъ уцѣлѣла, то на первый случай въ верхнемъ этажѣ оной хотятъ открыть пять залъ, четыре для четырехъ профессорскихъ факультетовъ или отдѣленій, а пятую для правленія. Ректора и кассира все еще нѣтъ, и никому еще не выдано жалованья. Я слышалъ, что вчера открыты въ Москвѣ, въ домѣ главнокомандующаго на Тверской, Управа Благочинія, Губернское Правленіе и Казенная Па-

лата. Обѣдалъ я нынѣ у Павла Дмитріевича Левашова въ типографіи. И Василій Андріяновичъ, съ женою и съ двумя дѣтьми, при Французахъ, укрывался въ духовной типографіи. Жена его, Наталья Ивановна будучи почти на сносяхъ беременна, брала на руки дитя свое, выходила изъ типографіи, искала хлѣба или капусты на огородахъ, приносила что̀ могла, и питала свое семейство. Французы не трогали женщинъ съ дѣтьми. Съ геройскимъ терпѣніемъ она все перенесла и на нынѣшней недѣлѣ родила дочь Татьяну.

20-го Декабря. Всякій день узнаю снова о томъ, сколько страдала здѣсь матушка. Оставшись послѣдняя въ домѣ и вышедшая изъ него, когда онъ весь объятъ былъ пламенемъ, когда уже и юбка на ней загоралась, когда все почти съ нея сняли злодѣи, и даже серебряный крестъ съ шеи, она вошла въ нашу церковь и съ какими-то старухами укрывалась въ ней съ недѣлю; потомъ въ духовной типографіи, по приказанію Павла Дмитріевича, у тамошняго фактора жила съ мѣсяцъ и, чтобъ не выгнали ее и оттуда, чего ни дѣлала? Выметала соръ, выносила лахань и всякую нечистоту, и тутъ сколько разъ напоминали ей, что она имъ уже въ тягость. Впрочемъ она, успѣвши какъ-то въ изорванномъ на головѣ платкѣ сберечь десятирублевую ассигнацію, за все имъ платила. Пришедши нѣкогда къ церкви Василія Блаженнаго, отворяетъ двери, видитъ тамъ лошадей и пьяныхъ Французовъ, кои закричали на нее; бѣдная обмерла отъ ужаса и побѣжала назадъ. Чего она ни дѣлала для умилостивленія злодѣевъ, чтобы не били ее въ нашемъ домѣ, когда онъ еще былъ цѣлъ? И подчивала чаемъ, и становилась на колѣни, и обливалась слезами. Суди же теперь, каковы были ея страданія, и какова должна быть къ ней благодарность? Нѣкогда шла она по Никитской и поравнялась съ погребомъ Заикина; видитъ тутъ Французскихъ солдатъ, вынесшихъ изъ погреба ушатъ съ виноградным виномъ. Большимъ стаканомъ они пили вино. Одинъ изъ нихъ, увидѣвъ мимо шедшую матушку, подзываетъ ее къ себѣ, наливаетъ стаканъ и подаетъ ей. Нечего было дѣлать: она беретъ и отвѣдываетъ; но солдатъ грознымъ голосомъ велитъ ей пить все. Какъ ослушаться? Она все и выпила, и сказываетъ, что вино было пѣнистое и самое вкусное. Послѣ подошла она къ паперти Никитскаго монастыря и тутъ сѣла отдохнуть; въ туже минуту проѣзжаетъ верхомъ Французъ, останавливается противъ нея, кидаетъ къ ногамъ ея мѣшокъ съ мѣдными деньгами и знаками показываетъ, чтобъ она взяла это себѣ; она хотѣла поднять мѣшокъ и отдать въ монастырѣ какой нибудь старушкѣ на сохраненіе; въ туже минуту подъѣзжаетъ другой верховой, схватываетъ мѣ-

шокъ, и увозитъ.— По выходѣ Французовъ, когда пріѣхалъ старшій сынъ Ильи Михайловича, которому между прочимъ отъ сестрицы приказано было отыскать и матушку, она съ нимъ выѣхала изъ Москвы и остановясь за 80 верстъ отъ Москвы, дожидалась тутъ сестрицы, которая должна была ѣхать изъ Рязани; дождавшись, съ сестрицею она опять возвратилась въ Москву и съ того только времени почувствовала въ себѣ изнуреніе силъ и болѣзнь.

Ввечеру сего дня былъ я у Глазунова, купилъ у него два календаря: одинъ для Павла Антоновича, а другой для Анны Сергѣевны; третій онъ мнѣ подарилъ. Посылаю еще на сей же почтѣ для Катеньки и Поленьки 1) Священную Исторію съ вопросами; 2) Притчи Синтипа философа для чтенія; 3) Правила и Нравоучительныя мысли и 4) Oeuvres de Berquin, tom IV. Все это куплено на площади за дешевую цѣну. Книжныя лавки еще не открыты, тогда бы купилъ что нибудь и поважнѣе.

22 Декабря. Воскресенье. Былъ на освященіи храма Адріана и Наталіи. Освящали и служили обѣдню тамошній протопопъ Адріанъ Николаичъ, Рожественскаго монастыря священникъ, нашъ бывшій хозяинъ Яковъ Дмитричъ и еще двое. Бѣдный протопопъ, чувствуя потери свои и видя храмъ каменный безъ благолѣпія, плакалъ. По окончаніи службы вошелъ я въ холодную церковь. Вездѣ видны ужасные слѣды злодѣйскаго грабительства. Иконы лишены ризъ и лампадъ, кои всѣ въ этомъ богатомъ приходѣ были серебреныя; вызолоченные клиросы полуразрушенные валяются посреди церкви; амвонъ разбитъ, яма въ углу церкви, гдѣ скрыты были драгоцѣнности, раскопана. И каменное сердце тронулось бы, смотря на сіе зрѣлище.

30 Декабря. Понедѣльникъ. Былъ на Пречистенкѣ, въ домѣ Комбурлея, гдѣ нѣкогда мы обѣдывали у генерала Тучкова. Оттуда подъѣхалъ къ новому дому Тучкова. Этотъ домъ одинъ изъ окружающихъ его чудесно уцѣлѣлъ: сгорѣли только конюшни и сараи. Дворецкій, вмѣстѣ со мною подъѣхавшій къ воротамъ, сказываетъ мнѣ, что и самъ Алексѣй Алексѣевичъ *) сегодня пріѣхалъ. Обрадовавшись этому, вхожу въ верхнюю комнату. Тучковъ, увидѣвъ меня, также обрадовался, и мы обнялись и поговорили болѣе часу. Картины его вывезены и спасены; библіотека частію пострадала отъ расхищенія. Семейство его, жившее въ подмосковной, 15 Августа выѣхало въ Кашинъ, въ деревню матери его, за 180 верстъ отъ Москвы, гдѣ и теперь живетъ, а въ Февралѣ переѣдутъ въ подмосковную, 28 в. отъ Москвы, гдѣ разорено,

*) А. А. Тучковъ (1766 — 1853), отецъ бывшаго въ наши дни Московскаго генералъ-губернатора Павла Алексѣевича (†1864).

но домъ съ флигелями уцѣлѣлъ. Матушка Алексѣя Алексѣевича, лишившись двухъ сыновъ своихъ, храбрыхъ генераловъ, отъ слезъ лишилась зрѣнія. Теперь осталось сыновей у нея трое: Алексѣй Ал. старшій, другой—въ арміи генераломъ, третій—въ плѣну у злодѣевъ. Алексѣй Ал. чрезъ три дня поѣдетъ въ Тулу, а потомъ въ Петербургъ просить Государя, чтобы завѣщательную записку брата его, умершаго отъ ранъ, благоволилъ утвердить, въ чемъ и успѣть надѣется. Просилъ меня навѣщать его, предлагалъ занять безъ него ту комнату, гдѣ онъ теперь помѣщается, и сверхъ того къ веснѣ предлагалъ всему моему семейству флигель въ подмосковной. Какой онъ добрый человѣкъ!

1813. 15 Апрѣля. Вторникъ. Послѣ обѣдни у Спаса на Срѣтенкѣ прошелъ я въ Златоустовскій монастырь къ новому архимандриту, бывшему Алексѣю Ѳедоровичу. Говоря объ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ онъ былъ протопопомъ, онъ сказалъ, что въ немъ чудеснымъ образомъ многое уцѣлѣло. Часть ризницы была положена въ палатку, въ которую входъ былъ изъ собора; одна дверь въ нее была закладена камнемъ, а другая заперта замкомъ. Никто изъ грабителей не входилъ туда, даже и замокъ остался цѣлъ. Тутъ хранились и пожитки соборянъ. Во-первыхъ, надо приписать это особенному покровительству Божію; во вторыхъ, какъ въ этомъ соборѣ при злодѣяхъ стояло множество бочекъ съ простымъ виномъ, перевезенныхъ съ виннаго двора, то вѣроятно при дверяхъ стоялъ караулъ. Входили туда только тѣ, кому препоручено было брать извѣстное количество вина для раздачи войску, бывшему въ Кремлѣ. Сказываютъ, что, по выходѣ непріятелей, когда выпито было все вино, то его было въ соборѣ почти по колѣна. Сверхъ того чудеснымъ образомъ уцѣлѣлъ украшенный драгоцѣнными каменьями образъ царевича Димитрія, стоящій надъ его ракою. Въ алтарѣ уцѣлѣло также все траурное облаченіе изъ чернаго бархату для всѣхъ соборянъ. Онъ же разсказывалъ чудесное о мощахъ митроп. Іоны, почивающаго въ Успенскомъ соборѣ. Сіи мощи ничѣмъ не повреждены и совершенно цѣлы. Лѣвая ручка митр. Іоны прежде лежала на груди и была сжата, а когда послѣ непріятеля открыли мощи, то увидѣли, что она разогнута, и въ такомъ положеніи, въ какомъ мы держимъ руку, когда удерживаемъ и не допускаемъ до себя кого-нибудь. Вѣрно, святитель привелъ злодѣевъ въ ужасъ поднятіемъ руки своей

11-го Мая. Былъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Ворота его, и передніе и задніе, задѣланы бревнами и засыпаны землею, да передъ ними еще сдѣлана насыпь. Все это работали непріятели, которые въ

немъ хотѣли засѣсть и укрѣпиться. Ходятъ теперь въ боковые ворота; срывать насыпи посылаютъ, сказываютъ, плѣнныхъ Французовъ. Ихъ употребляютъ въ Москвѣ на всякую работу. И Кремль очищать отъ развалинъ они же будутъ. Церковь была заперта въ монастырѣ, какъ я вошелъ туда. Бывъ на паперти, я могъ сквозь рѣшетчатую дверь помолиться Смоленской Богоматери. Въ монастырѣ все цѣло, какъ было и прежде; нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ, что тутъ стоялъ трехтысячный непріятельскій корпусъ. Отъ священника я слышалъ, что непріятели, бывшіе въ монастырѣ, не смѣли ничего грабить и обижать монахинь: ихъ генералъ, тутъ же жившій, строжайше наказывалъ тѣхъ, кто осмѣливался нанести оскорбленіе монахинямъ. Онѣ шили на непріятельскихъ солдатъ рубашки и прочее, и за все это платили имъ деньги и давали хлѣбъ. Хотя въ церковь солдаты и входили и хотя изъ нея лучшія сокровища были вывезены или спрятаны въ безопасныя мѣста, однакоже немало серебра еще оставалось, даже на престолѣ лежалъ серебряный крестъ въ 9 фунтовъ; все, какъ было прежде, осталось на своемъ мѣстѣ и ничего не пропало. Къ счастію тутъ стоялъ генералъ добрый, который при выходѣ изъ монастыря предувѣдомилъ священника, что по приказу Наполеона вездѣ положенъ порохъ и поставленъ огонь, чтобы монастырь превратить въ кучу камней. Монахини, узнавъ о томъ, успѣли свѣчи погасить и залить порохъ. А чтобы показать Наполеону, будто горитъ монастырь, этотъ генералъ велѣлъ зажечь нѣсколько домовъ къ нему прикосновенныхъ. Злодѣй однакожъ узналъ обманъ, и сказываютъ, велѣлъ разстрѣлять генерала. Этотъ генералъ, видно, былъ христіанинъ. Съ тамошнимъ протопопомъ онъ такъ подружился, что нерѣдко звалъ его къ себѣ на обѣдъ. (Сказываютъ, что они разговаривали на Латинскомъ языкѣ). Прощаясь съ нимъ, онъ подалъ ему руку и сказалъ: помолись обо мнѣ, батюшка, чтобы тамъ (указывая на небо) я не лишился награды. Черта великой души, напитанной христіанствомъ!

ЗАПИСКА А. В. НИКИТЕНКИ О НАПРАВЛЕНІИ ЖУРНАЛА „РУССКОЕ СЛОВО“.

11 Ноября 1861.

Два журнала въ періодической нашей литературѣ: «Современникъ» и «Русское Слово» должны обратить на себя особенное вниманіе правительства. «Русское Слово» идетъ по стопамъ «Современника». Это его идеалъ, образецъ; а главный изъ сотрудниковъ послѣдняго, Чернышевскій, для него есть величайшій, единственный умъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, который одинъ понимаетъ всѣ современныя и даже будущія потребности человѣчества и Россіи, и одинъ въ состояніи удовлетворить этимъ потребностямъ въ истинно-соціальномъ духѣ. «Русское Слово» впрочемъ заботится не столько о томъ, чтобы построить человѣческія общества по новой системѣ, сколько о томъ, чтобы разрушить всѣ нынѣ существующія системы. Разрушеніе есть его спеціальность. Оно разрушаетъ всѣ авторитеты власти, нравственности, вѣрованій, науки; да и самые принципы власти, нравственности, вѣрованій, науки для него не существуютъ. Матеріализмъ его главная, единственная доктрина. Изъ этого само собой уже проистекаетъ такое прекрасное, отрадное явленіе какъ анархія, или, лучше сказать, проистекаетъ невозможная анархія — политическая, нравственная, умственная, эстетическая. Конечно, не всѣ статьи написаны въ «Русскомъ Словѣ» въ такомъ духѣ, да это было бы и невозможно: никакого соціализма и матеріализма не стало бы на 12 такихъ толстыхъ томовъ. Болѣе всего означенныя идеи развиваются въ статьяхъ критическаго содержанія, которыми обыкновенно обозначаются у насъ цвѣтъ и физіономія журнала *).

Всѣ заключающіяся въ сдѣланныхъ мною выпискахъ мысли, до того нелѣпы, ребячливы, противны всѣмъ условіямъ человѣческой ло-

*) Далѣе А. В. Никитенко представляетъ на усмотрѣніе высшей власти выписки изъ книжекъ „Русскаго Слова“ 1861 года (за Май, стр. 9, 10, 11, 17, 43 и 78; за Іюнь, стр. 14, 21, 60, 65; за Сентябрь, стр. 4—6).

гики, опыта, многочисленнымъ свидѣтельствамъ исторіи и науки, до того отличаются надутымъ суесловіемъ, вздорнымъ тономъ, ухватками, забіячливостью, умничаньемъ и всезнаніемъ недоучившагося школьника, что онѣ скорѣе достойны смѣха, чѣмъ серіознаго вниманія и преслѣдованія. И дѣйствительно, ихъ слѣдовало бы предоставить собственной жалкой слѣпотѣ и невѣжеству или предать на жертву единственному достойному ихъ наказанію—возможности болѣе и болѣе изобличаться, смѣлѣе и смѣлѣе заявлять свою безсмысленность, что вѣрнѣе всякихъ мѣръ, краснорѣчивѣе всѣхъ опроверженій, должно бы погрузить ихъ въ ничтожество и сдѣлать совершенно безвредными. Авторы подобныхъ произведеній имѣютъ въ виду одну цѣль—пріобрѣтенія популярности (другой родъ пріобрѣтенія—деньги, само собою разумѣется), и конечно для нихъ не можетъ быть большей кары, какъ полное невниманіе, особенно со стороны тѣхъ, кого хотѣлось бы имъ дразнить своими школьническими проказами.

Но есть обстоятельства, заставляющія смотрѣть на эти вещи другими глазами. Большинство читающей публики нашей такъ мало еще развито и образовано, что оно не въ состояніи противиться обаянію печатнаго слова, которое всегда является въ нѣкотораго рода убранствѣ, ослѣпляющемъ слабое зрѣніе. Въ печати обыкновенно употребляются нѣкоторые литературные пріемы, нѣкоторыя реторическія прикрасы, термины, то ученые, то принятые людьми просвѣщенными и умными, фразы съ извѣстною долею фосфорическаго блеска, бойкости или изворотливости пера, такъ что большинство публики отуманивается всѣмъ этимъ и, какъ отъ пріема одуряющей снѣди или питья, чувствуетъ въ себѣ что-то нехорошее, но никакъ не въ состояніи воспротивиться вліянію прочитаннаго. Тутъ уже заключается положительный вредъ статей подобныхъ тѣмъ, какія печатаются въ «Русскомъ Словѣ». И однако, это еще не главное. Гораздо важнѣе этого тотъ вѣсъ и значеніе, какое пріобрѣтаютъ онѣ между юношами въ учебныхъ заведеніяхъ, въ университетахъ, въ старшихъ классахъ гимназій и даже въ военныхъ корпусахъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что настоящее молодое поколѣніе большею частію воспитывается на идеяхъ «Колокола», «Современника» и довершаетъ свое воспитаніе на идеяхъ «Русскаго Слова». Въ извѣстномъ возрастѣ, при извѣстной степени умственнаго возбужденія и развитости, умами овладѣваетъ родъ сладострастія мысли, не менѣе пылкаго и обаятельнаго, какъ и сладострастіе физическое. Юношество съ увлеченіемъ, со всѣмъ жаромъ своего возраста, предается легкой и соблазнительной игрѣ въ мечты, фантастическими грезами наэлектризованнаго воображенія, общественнымъ утопи-

ческимъ теоріямъ, къ которымъ и безъ того наклонны умы вѣка, которыя приходятъ къ намъ извнѣ готовыя, не заставляютъ ни трудиться, ни разсуждать и которыя, кромѣ того, что сами по себѣ пріятны, обѣщаютъ еще своимъ адептамъ титло геніальныхъ дѣятелей, популярность, славу. Соблазнъ становится, наконецъ, полнымъ, когда, съ предложеніемъ такой раздражающей умственной пищи, юношамъ толкуется о безграничной свободѣ человѣка вообще и юношества въ особенности, о преимуществахъ чувственныхъ удовольствій и интересовъ передъ всѣми нравственными, что не наука должна занимать учащихся въ школѣ, а такъ называемые *современные вопросы*; что всѣ люди, старшіе ихъ возрастомъ, саномъ или опытностью и знаніемъ, суть люди отсталые, неспособные ни къ какому прогрессу, чуть не идіоты и, слѣдовательно, не способны и не достойны не только руководить юношами, но и дѣйствовать вообще на какомъ бы то ни было умственномъ поприщѣ, литературномъ, ученомъ, государственномъ, и что за симъ единственная сила, опора и надежда общества—это они, юноши, предъ которыми, слѣдовательно, все должно умолкнуть и смириться. Казалось бы, нѣтъ никакой нравственной и логической возможности, чтобы подобныя идеи въ состояніи были произвести какое нибудь вліяніе надъ умами человѣческими, хотя бы это былъ умъ юноши. Къ сожалѣнію же, дѣло выходитъ иное. Таковъ духъ вѣка, таково настроеніе мыслей у многихъ. Таково грубое и непристойное прикосновеніе поверхностныхъ, серіозно не мыслившихъ и не учившихся умовъ къ великимъ, многотруднымъ, глубокимъ задачамъ человѣческой жизни и человѣческихъ обществъ; такова большею частью была незрѣлость умовъ, застигнутыхъ вдругъ наплывомъ важныхъ вопросовъ, важныхъ стремленій, которыхъ умы эти не умѣли даже или не дали себѣ времени ни обдумать, ни изучить основательно; такова вообще, съ прискорбіемъ должно сказать, въ значительной степени развившаяся у насъ деморализація, что вышеозначенныя тенденціи гораздо болѣе и къ гораздо большему числу молодыхъ умовъ имѣютъ доступъ, чѣмъ сколько слѣдовало бы ожидать по естественнымъ, психологическимъ и даже историческимъ законамъ.

Къ счастію, конечно, далеко не всѣ наши періодическія изданія идутъ путемъ «Русскаго Слова» или «Современника»; нѣкоторыя изъ нихъ даже вступаютъ въ полемику съ ними и стараются изобличить всю несостоятельность ихъ мнѣній. Къ сожалѣнію, эти изобличенія касаются болѣе литературной стороны критикуемыхъ ими статей, нежели ихъ духа и направленія. Впрочемъ, трудно и требовать другаго способа изобличеній отъ этихъ умѣренно-либеральныхъ журналовъ;

потому что, въ такомъ случаѣ, они должны бы поднять щекотливые вопросы о предметахъ священныхъ въ религіозномъ и нравственномъ или важныхъ въ политическомъ смыслѣ, а за это ихъ тотчасъ огласили бы доносчиками, обвинили бы въ булгаринизмѣ. Да и самой цензурѣ подобная полемика причинила бы новыя затрудненія: кромѣ щекотливости подвергать всеобщему состязанію предметы слишкомъ высокаго и важнаго значенія, ей пришлось бы допускать въ печати, такъ сказать, вдвойнѣ и во многихъ изданіяхъ то, что́ она не должна бы терпѣть ни разу ни въ одномъ.

Какъ бы то ни было, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что журналы «Современникъ» и «Русское Слово» производятъ у насъ весьма важное вліяніе на массу читающей публики, особенно публики молодой. Направленію, въ которомъ они издаются, должны быть положены преграды. Я полагаю необходимымъ сдѣлать отвѣтственнымъ редакторамъ ихъ *послѣднее строгое предостереженіе* и затѣмъ, если въ нихъ появятся статьи или мысли, подобныя находящимся въ представленной мною запискѣ, то представить Государю Императору о прекращеніи изданій. Но при этомъ я считаю тоже справедливымъ сдѣлать цензору «Русскаго Слова» строгій выговоръ: ибо онъ долженъ обращать вниманіе не на однѣ фразы разсматриваемыхъ имъ статей, но на духъ ихъ и направленіе, хотя и самыя фразы такого рода, какъ означенныя въ запискѣ, никакимъ образомъ не должны бы быть дозволены имъ къ печатанію. И если исключеніемъ фразъ нельзя ослабить вреднаго или непозволительнаго значенія цѣлой статьи, то онъ долженъ, ничѣмъ не стѣсняясь, подвергнуть всю ее запрещенію.

ПО ПОВОДУ ПАМЯТНЫХЪ ТЕТРАДЕЙ С. М. СУХОТИНА.

Изъ письма къ издателю „Русскаго Архива".

Въ № 7 „Русскаго Архива" за 1894 годъ, въ выдержкахъ изъ памятныхъ тетрадей С. М. Сухотина, на стр. 439, высказано, между прочимъ, мнѣніе о дѣятельности бывшаго Прибалтійскаго генералъ-губернатора князя Багратіона и приводятся свѣдѣнія, явно направленныя къ тому, чтобы выставить эту дѣятельность въ крайне невыгодномъ свѣтѣ, а самаго князя Багратіона выставить преслѣдователемъ Латышей за желаніе ихъ обучаться Русскому языку. Передавая слухъ о томъ, что въ 1871 г. представители Латышскаго населенія явились въ Петербургъ съ просьбою о введеніи Русскаго языка въ ихъ школахъ, но что Остзейскимъ баронамъ удалось сдѣлать такъ, что Латышей изъ Петербурга отослали обратно, даже не выслушавъ ихъ порядкомъ, С. М. Сухотинъ прибавляетъ, что тогдашній Балтійскій генералъ-губернаторъ князь Багратіонъ возбудилъ преслѣдованіе противъ тѣхъ Латышскихъ крестьянъ, которые являлись къ нему, какъ депутаты отъ волостей. съ прошеніями о введеніи Русскаго языка въ ихъ школахъ. Были будто бы посланы чиновники для изслѣдованія этихъ возмутительныхъ заявленій, и знакомцу С. М. Сухотина удалось прочесть рапортъ одного изъ этихъ слѣдователей, который начинался такимъ образомъ: „прибывъ въ такую-то волость, я имѣлъ счастіе напасть на слѣды зачинщиковъ" или „въ такой-то, волости мнѣ не удалось открыть зачинщиковъ".

Весь этотъ разсказъ, писанный С. М. Сухотинымъ въ ряду съ разными другими слухами и личными впечатлѣніями, безъ подкрѣпленія его ссылками на какіе либо источники или документы, или даже на личное знакомство свое съ положеніемъ дѣлъ въ Прибалтійскомъ краѣ, наконецъ, безъ указанія лицъ, отъ которыхъ онъ слышалъ передаваемое имъ, само собою разумѣется, не можетъ имѣть значеніе историческаго матеріала для оцѣнки дѣятельности князя Багратіона въ Прибалтійскомъ краѣ, и весьма вѣроятно, что и самъ авторъ не придавалъ своему разсказу такого значенія. Поэтому можно бы было отнестись къ словамъ С. М. Сухотина, какъ къ простому выраженію личнаго мнѣнія, если бы этотъ разсказъ не былъ перенесенъ изъ „Русскаго Архива" въ газеты (Новое Время 15, 27 Августа 1894 г.), гдѣ все приведенное передано какъ вполнѣ достовѣрное.

Въ продолженіи всего управленія Прибалтійскимъ краемъ князя Багратіона (съ конца 1870 г. по Январь 1876 г., время его кончины) я состоялъ въ числѣ его приближенныхъ и пользовавшихся его довѣріемъ чиновниковъ, и мнѣ были извѣстны не только всѣ его оффиціальныя распоряженія, но и секретная его переписка. Впрочемъ для того, чтобы знать о томъ что̀ передаетъ г. Сухотинъ, достаточно было простаго знакомства съ дѣлами канцеляріи генералъ-губернатора, такъ какъ такое разслѣдованіе, о которомъ говорится въ „тетрадяхъ" Сухотина, не могло ни для кого изъ служащихъ остаться тайною. Находясь все время при князѣ Багратіонѣ и за-

вѣдуя тѣмъ отдѣленіемъ его канцеляріи, гдѣ производились дѣла о введеніи Русскаго языка въ краѣ, я болѣе чѣмъ кто либо другой имѣю возможность положительно утверждать, что ни въ 1871 году, ни въ послѣдующіе годы пребыванія князя Багратіона въ Ригѣ ,*не было произведено по его поручснію ни одного разслѣдованія* по поводу прошеній Латышей о введеніи Русскаго языка въ ихъ школахъ. Вотъ почему представляется нѣсколько страннымъ, что знакомецъ г. Сухотина, со словъ котораго онъ передаетъ этотъ разсказъ, могъ видѣть рапорты чиновниковъ, когда, собственно говоря, для такихъ рапортовъ не было никакого повода. Что этотъ знакомецъ, своимъ разсказомъ введшій г. Сухотина въ заблужденіе, руководствовался своею фантазіею болѣе чѣмъ дѣйствительностью, видно и изъ того, что разсказъ этотъ записанъ Сухотинымъ 20 Февраля 1871 г., между тѣмъ какъ князь Багратіонъ вступилъ въ должность только въ Декабрѣ 1870 г., и трудно предположить, чтобы въ такое короткое время могло быть произведено и окончено разслѣдованіе, исходъ котораго сдѣлался бы извѣстенъ даже въ Москвѣ. Не нужно ли скорѣе предположить, что лицо, передававшее эти свѣдѣнія г. Сухотину, пожелало, въ подражаніе Ю. Ѳ. Самарину, выступить обличителемъ промаховъ и не-патріотической дѣятельности Русскихъ властей въ Прибалтійскомъ краѣ, упустивъ однако изъ виду, что главная сила Самарина заключалась именно въ полнѣйшей точности передаваемаго.

Очень можетъ быть, что разсказъ С. М. Сухотина основанъ на свѣдѣніяхъ, дошедшихъ до него о разслѣдованіи, дѣйствительно произведенномъ въ 1869 г. при генералъ-губернаторѣ П. П. Альбединскомъ, по поводу прошеній поданныхъ ему не Латышами, а Эстами Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) уѣзда, между прочимъ, и о введеніи у нихъ Русскаго языка въ школахъ, и онъ приписалъ это разслѣдованіе князю Багратіону. Но и въ этомъ случаѣ, кромѣ хронологической ошибки, г. Сухотинъ впадаетъ въ заблужденіе относительно характера этого разслѣдованія, направленнаго будто бы къ розысканію виновныхъ и зачинщиковъ. Подробное описаніе этого дѣла имѣется въ привѣскѣ къ IV выпуску „Окраинъ Россіи“, и въ немъ Ю. Ѳ. Самаринъ высказываетъ нѣсколько иной взглядъ, чѣмъ г. Сухотинъ.

Личное мнѣніе С. М. Сухотина о направленіи князя Багратіона я оставляю въ сторонѣ, признавая его нѣсколько преждевременнымъ, какъ высказанное всего черезъ мѣсяцъ послѣ вступленія князя Багратіона въ должность и не считая возможнымъ въ короткомъ письмѣ представить подробную и обстоятельную характеристику шестилѣтней дѣятельности этого генералъ-губернатора въ Прибалтійскомъ краѣ. Не могу однако не высказать искренняго убѣжденія, что основательное и добросовѣстное изученіе мѣропріятій и предположеній князя Багратіона навѣрно привело бы изслѣдователя къ совершенно иному о немъ мнѣнію, исключающему всякую возможность заподозрить его въ симпатіяхъ къ сепаратистическимъ стремленіямъ и въ принятіи мѣръ противъ насажденія Русской государственности и введенія Русскаго языка въ Прибалтійскомъ краѣ.

Бывшій чиновникъ особыхъ порученій при князѣ Багратіонѣ.

А. Манжосъ

Рига, 12 Декабря 1894 г.

НАБРОСКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ Д. Д. ОБОЛЕНСКАГО.

VI *)

Мѣстная предводительская служба моя, какъ предсѣдателя земскаго собранія, была не безъ значенія въ виду вопросовъ, надвигавшихся вслѣдствіе реформъ, слѣдовавшихъ одна за другой. Еще не успокоилось мѣстное общество послѣ 19 Февраля 1861 года, какъ появился уставъ о земствѣ, создавшій крупные мѣстные вопросы; затѣмъ освобожденіе крестьянъ въ Польшѣ, куда поѣхало много дѣятелей изъ Тульской губерніи за княземъ Черкаскимъ, а тутъ и судебная реформа съ широкою дѣятельностью мировыхъ судей.

Если мѣстная дѣятельность брала много времени, то еще болѣе у меня взяли его хлопоты въ Петербургѣ о нашей желѣзной дорогѣ. Явилось много соискателей и лицъ, желавшихъ взять концессію на эту дорогу. На деньги, собранныя земствами и городами (Ельцомъ, Воронежемъ, Задонскомъ) и добавивъ своихъ, я предпринялъ изысканія, которыя поручилъ одному изъ лучшихъ Русскихъ инженеровъ В. А. Титову. Не дождавшись министерскаго разрѣшенія, я началъ изысканія на свой страхъ и, слава Богу, окончилъ оныя безъ особыхъ столкновеній. Нигдѣ не мѣшали работамъ, такъ какъ всѣ радовались будущей желѣзной дорогѣ. Разъ только было замѣчено, что по пробиваемой нами линіи, впервыя въ тѣхъ мѣстахъ, по нашимъ знакамъ идетъ партія неизвѣстныхъ намъ инженеровъ; ясно, что она желала воспользоваться нашими трудами. Къ тому же В. А. Титовъ уже тогда, т. е. въ концѣ 60-тыхъ годовъ, стяжалъ себѣ славу отличнаго инженера, опытнаго въ изысканіяхъ. Сейчасъ же наши инженеры на смѣхъ набили кольевъ, наобумъ, къ огромному оврагу, и потомъ смѣялись надъ нашими конкурентами, которые дня три около этого оврага путались. Проектъ, сдѣланный Титовымъ, впослѣдствіи легъ основаніемъ линіи и для правительственной повѣрки.

Жизнь въ Петербургѣ и постоянные разъѣзды для осуществленія этого проекта были въ сущности и очень дороги, и утомительны. Со-

*) См. выше стр. 43.

искателей было много; но желательно было остановиться на компаніи солидной, и если возможно, Русской. Послѣднее было самое трудное, пбо Еврейскія компаніи были сильнѣе Русскихъ, и мои попытки составить солидную Русскую компанію не удавались. Зная, что у меня въ рукахъ лучшія изысканія этой линіи, и слышавъ вѣроятно о моихъ близкихъ отношеніяхъ съ графомъ Бобринскимъ, ко мнѣ являлись разные предприниматели, но неподходящіе; а главное, именно вслѣдствіе моихъ близкихъ отношеній къ Бобринскому, уже стоявшему во главѣ министерства, мнѣ неудобно было выступать концессіонеромъ; да, наконецъ, мнѣ было лишь около 25-ти лѣтъ,—возрастъ не довольно внушительный, чтобы выступать концессіонеромъ.

Необходимо было составлять компанію на постройку проектированной желѣзной дороги Русскую, которая бы позаботилась о мѣстныхъ выгодахъ и самую постройку исполнила бы на Русскіе средства и матеріалы. Какъ представитель подобной комбинаціи мнѣ казался самымъ подходящимъ человѣкомъ извѣстный въ Петербургѣ дѣятель конца 60-тыхъ годовъ Николай Ивановичъ Путиловъ, основатель Путиловскихъ заводовъ и піонеръ рельсопрокатнаго дѣла въ Россіи: его рельсы со стальными головками входили въ моду; самъ онъ, какъ бывшій морякъ и человѣкъ ума обширнаго, самородокъ чисто-Русскій, выбившійся самъ на дорогу, пользовался особымъ покровительствомъ Великаго Князя Константина Николаевича. Родомъ *Новгородецъ*, какъ онъ любилъ себя величать, Путиловъ былъ человѣкъ упрямый и настойчивый въ достиженіи намѣченной имъ цѣли. Человѣкъ очень предпріимчивый, съ широкими взглядами на коммерческія предпріятія, онъ, прежде чѣмъ о собственой выгодѣ, думалъ о пользѣ самаго предпріятія и главною цѣлью ставилъ поэтому отличное исполненіе самаго дѣла, не думая о себѣ, о личныхъ своихъ барышахъ. Поэтому большая часть прекрасно задуманныхъ имъ предпріятій исполнялась добросовѣстно и давала чудесные результаты, между тѣмъ какъ онъ самъ, выбиваясь изъ силъ, чтобы сдержать обѣщанное, несъ убытки и нуждался часто даже въ необходимомъ. Такъ было съ его Путиловскою ж. дорогою, съ блестящимъ проектомъ Петербургскаго порта, съ морскимъ каналомъ имъ задуманнымъ и проектированнымъ отъ Кронштадта въ Петербургъ, съ громадной поставкой ружей на Русскую армію въ то время, когда Военное Министерство не находило возможнымъ быстро перевооружить ее, т. е. армію, скорострѣльными ружьями. Мысли блестящія, полная готовность привести ихъ въ исполненіе, и вѣчный тормазъ въ видѣ Нѣмецкой, а того чаще, чиновничьей прицѣпки. Что могло быть выгоднѣе постройки Петербургскаго порта при морскомъ каналѣ, для избѣжанія перегрузки въ Кронштадтѣ, такъ какъ морскія суда

не могли доходить до Петербурга? При осуществленіи Петербургскаго порта вагоны изнутри Россіи могли бы по Путиловской ж. д. подойти къ порту и грузиться прямо на океаническіе пароходы. «Какой нибудь куль изъ Саратова грузится прямо на океаническій пароходъ! Вотъ чего я добьюсь», любилъ говаривать Путиловъ. Хотя человѣкъ умный, однако онъ имѣлъ свои слабости: онъ мнилъ, что если Петръ Великій «прорубилъ окно въ Европу», то онъ портомъ своимъ прорубитъ дверь, давъ свободный доступъ иностраннымъ кораблямъ въ самый Петербургъ, и тѣмъ самымъ достигнетъ огромныхъ сбереженій Русскимъ отправителямъ, коихъ щиплетъ и Калашниковская пристань, и двойная перегрузка, пока хлѣбъ достигаетъ Кронштадта. Но именно Калашниковцы въ лицѣ архимилліонера Овсянникова, если не совсѣмъ, то на половину слопали Путилова и не дали его порту осуществиться. А пылкое воображеніе Путилова видѣло, какъ на-яву, уже застроившуюся пустынную мѣстность около предполагаемаго порта, домá, пакгаузы, амбары, доки, цѣлыя улицы и площадь, на которой долженъ былъ красоваться со временемъ памятникъ или статуя Н. И. Путилова, основателя этого новаго пригорода. Все это возникло, но можно сказать на костяхъ Н. И. Путилова, и въ искаженномъ видѣ, а плодами его блестящихъ мыслей и проектовъ воспользовались другіе. Путилова иногда забавляло, что въ числѣ его довѣренныхъ и служащихъ были камергеры и камеръ-юнкеры, которые въ мундирахъ иногда по праздникамъ ждали его выхода.... Кто безъ слабостей?.. А въ тоже время, какъ несомнѣнно-умный человѣкъ, Путиловъ самъ подтрунивалъ надъ этимъ, и общество его составляли люди исключительно умные и даровитые; особенно послѣднихъ онъ поощрялъ, и при этомъ нисколько не стѣснялся, когда эти люди бывали въ опалѣ. А въ Петербургѣ вѣдь и это рѣдкость!

Собой Путиловъ былъ незраченъ, но при этомъ лицо его было чрезвычайно-выразительно, такъ что, не зная его и не говоривъ даже съ нимъ, но встрѣтивъ гдѣ-либо, непремѣнно скажешь про себя: «должно быть это очень умный человѣкъ». Роста средняго, хорошаго сложенія, Н. И. Путиловъ былъ человѣкъ очень живой. Глаза его, хотя и за очками, были весьма выразительными, и взглядъ ихъ глубокій, пронзительный. Лобъ высокій, выпуклый указывалъ на большой объемъ мозга и на хорошее развитіе большихъ полушарій. Рѣчь его, хотя и не быстрая, но была внушительная и убѣдительная.

У Путилова познакомился я съ молодымъ тогда еще моряком Н. М. Барановымъ, систему ружей котораго тогда Путиловъ предлагалъ выставить для арміи неимовѣрно быстро, въ случаѣ нужды (это было въ тревожное время Франко-Прусской войны), тогда какъ

казенные заводы крайне тихо работали ружья системы Крынка, вспослѣдствіи оказавшіяся ни къ чему негодными. Путиловъ предлагалъ тогда Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу приспособить и передѣлать свои заводы для изготовленія ружей. У него же познакомился я съ адмираломъ А. А. Поповымъ, изобрѣтателемъ поповокъ, съ М. Г. Черняевымъ, съ бывшимъ морскимъ министромъ Метлинымъ и многими другими моряками. Бывать у Путилова было интересно, особенно на его еженедѣльныхъ обѣдахъ, гдѣ собиралось много умныхъ людей. Обѣдали въ столовой, стѣны которой покрыты были сплошь портретами Русскихъ людей и дѣятелей, чѣмъ либо себя проявившихъ или ознаменовавшихъ свою жизнь чѣмъ нибудь необыкновеннымъ. До такихъ портретовъ Путиловъ былъ страстный охотникъ и имѣлъ сотни ихъ, рисованныхъ начиная отъ великихъ художниковъ Лампи, Боровиковскаго, Тропинина и кончая неизвѣстными мазилками. Портретная галлерея эта по количеству и разнообразію была замѣчательная. Вы встрѣчали въ ней, и Богдана Хмѣльницкаго, и Стеньку Разина, и Пугачева, и всѣхъ бывшихъ и современныхъ министровъ, а также ученыхъ, литераторовъ, художниковъ и т. п. Куда все это дѣвалось, не знаю; но много было интереснаго. Послѣобѣденные споры бывали очень оживленны, и я съ большимъ любопытствомъ слушалъ разсказы Черняева и его критику военной системы Милютина. Старикъ Метлинъ иногда вспоминалъ былое и какъ-то разъ разсказалъ намъ бывшій съ нимъ эпизодъ во дворцѣ въ царствованіе Николая I, когда онъ, Метлинъ, былъ еще молодымъ мичманомъ. Разговоръ шелъ о томъ, какъ легко пострадать невинно отъ самаго пустого случая. Вотъ что̀ намъ разсказалъ старый адмиралъ. «Я былъ въ числѣ приглашенныхъ на большомъ балѣ во дворцѣ, какъ офицеръ гвардейскаго экипажа. Проходя изъ залы, гдѣ танцовали, въ сосѣднюю, гдѣ былъ буфетъ, въ дверяхъ на меня наткнулся быстро шедшій камеръ-лакей съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ стояли блюдечки мороженаго. Камеръ-лакей такъ толкнулъ меня подносомъ, что бывшія на немъ блюдечки съ ложками упали, и онъ мороженымъ запачкалъ мнѣ мундиръ. Оправившись и отершись платкомъ, я пошелъ дальше и, увидавъ вдали идущаго Императора, вытянулся и, согласно тогдашней формѣ, повернулъ свой киверъ. Каковъ былъ мой ужасъ, когда изъ него въ эту минуту выпали на полъ двѣ серебряныя ложки! Онѣ попали въ киверъ при столкновеніи моемъ съ камеръ-лакеемъ, упавъ съ блюдечекъ съ мороженымъ. Я до сихъ поръ холодѣю при мысли, что̀ было бы со мною, если бы это случилось вблизи Государя. Вѣроятно все это объяснилось бы послѣ; но минута была ужасная, и я благодарилъ судьбу, что злополучныя ложки, попавшія нечаянно въ

киверъ, выпали не будучи замѣчены никѣмъ, кромѣ близкихъ мнѣ моряковъ, подтрунившихъ надо мной»....

Н. И. Путиловъ казался мнѣ именно тѣмъ энергичнымъ дѣятелемъ, который могъ бы осуществить задуманное мною дѣло, и одно время казалось, что успѣхъ уже былъ на нашей сторонѣ. Баронъ Андрей Ивановичъ Дельвигъ тоже сочувствовалъ постройкѣ нашей линіи (Воронежъ—Тула) на Русскія средства. Путиловъ хотѣлъ и рельсы, и вагоны, и весь подвижной составъ изготовить въ Россіи; но не суждено было Русскимъ людямъ тогда работать и зарабатывать деньги. Безграмотному Англійскому рабочему Юзу поспѣшили, по его просьбѣ, дать на Югѣ цѣлую концессію на постройку желѣзной дороги съ полной гарантіей правительства, да еще огромную премію на рельсы, сталь и желѣзо, которые онъ обѣщалъ выдѣлывать въ основанной имъ на Русскія деньги Юзовкѣ (барыши съ нея ушли и уходятъ въ Англію). Бывшій министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ не любилъ *этихъ Русскихъ*, и потому мы вскорѣ убѣдились, что съ Путиловымъ мы постройки нашей линіи не добьемся, да и Франко-Прусская война остановила временно всѣ финансовыя операціи въ Россіи.

Зимы эти, во время хлопотъ по ж.-дорожному дѣлу, мною проведенныя въ Петербургѣ, остались мнѣ весьма памятны. Я жилъ въ домѣ моего дяди Д. Г. Бибикова, когда-то Кіевскаго генералъ-губернатора, у моей двоюродной сестры, княгини Зои Дмитріевны Львовой, замужемъ за княземъ Евгеніемъ Львовымъ. Семью князей Львовыхъ я близко зналъ въ Москвѣ, гдѣ она пользовалась большимъ уваженіемъ. Не могу не сказать о ней нѣсколько словъ, такъ какъ стоялъ къ ней весьма близко. Старикъ, князь Александръ Дмитріевичъ былъ почтеннымъ старожиломъ Московскимъ, когда-то адъютантъ графа Закревскаго, женатый на княжнѣ Маріи Андреевнѣ Долгорукой, сестрѣ князей Николая, Ильи, Василія и Владимира Андреевичей Долгорукихъ, игравшихъ столь видную роль въ теченіе трехъ царствованій. Получивъ крупное наслѣдство отъ своей тетки Ярославовой, добрѣйшій князь А. Д. Львовъ съ супругою Маріею Андреевной имѣлъ открытый, гостепріимный домъ въ Москвѣ, въ который Москвичи считали особою честью быть принятыми; особенно поклонялись княгинѣ Маріи Андреевнѣ, которую отчасти и побаивались, такъ какъ она была представительницею высшей Московской аристократіи и не безъ причины пользовалась всеобщимъ уваженіемъ. Про нее перефразировали Фамусовское выраженіе и говорили вмѣсто Марія Алексѣевна «Ахъ, Боже мой, что будетъ говорить княгиня Марія Андревна!» Семейство князей Львовыхъ состояло изъ четырехъ сыновей: князей Евгенія, Дмитрія, Андрея, Василія и изъ семи красавицъ дочерей. Всѣ онѣ сдѣлали блестящія партіи. Съ

младшимъ, Василіемъ, я былъ товарищемъ по университету и потому часто посѣщалъ домъ кн. Львовыхъ. Княгиня Марія Андреевна строго держала въ рукахъ дѣтей, и другой воли, кромѣ ея, въ домѣ не было; за то дѣйствительно и воспитаніе получили они прекрасное. Но при своей строгости княгиня Марья Андреевна была очень доступна добру. Какъ-то, дорóгою изъ Тулы въ Москву, я съѣхался съ Новосильскимъ мировымъ посредникомъ Иванъ Ивановичемъ Писаревымъ, отцемъ знаменитаго Дмитрія Ивановича. Отъ него я узналъ, что Дмитрій Ивановичъ Писаревъ арестованъ, и что отецъ не можетъ добиться свиданія съ сыномъ. Пріѣхавъ въ Москву, я немедленно отправился къ княгинѣ Маріи Андреевнѣ, разсказалъ, въ чемъ дѣло, и немедленно же получилъ отъ нея письмо къ брату ея князю Василію Андреевичу Долгорукому, шефу жандармовъ, съ самымъ теплымъ заступничествомъ за Дмитрія Ивановича. Письмо это передалъ я старику Писареву, которому, какъ я послѣ узналъ, и удалось облегчить участь сына. Сыновья Львовы были всѣ на хорошей служебной дорогѣ; старшіе два, Евгеній и Дмитрій, были еще молодыми полковниками и флигель-адъютантами императора Александра II. Третій, Андрей, лихой молодой офицеръ конногвардейскаго полка, а Василій 23-хъ лѣтъ камеръ-юнкеръ; но участь ихъ была печальна, и вся семья, переѣхавъ въ Петербургъ въ концѣ 60-тыхъ годовъ, какъ-то разстроилась. Всѣ четыре сына умерли молодыми. Младшій, князь Василій, ѣздилъ съ сенаторомъ Клушинымъ на знаменитую Пермскую его ревизію, простудилъ голову и также кончилъ рановременно, какъ братья его Евгеній и Дмитрій. Князь Андрей умеръ, могу сказать, у меня на рукахъ именно въ эту зиму, когда я жилъ у его брата Евгенія въ Петербургѣ, въ Декабрѣ 1871 года, хлопоча о желѣзной нашей дорогѣ. Смерть князя Андрея Львова вызвала много комментаріевъ и пересудовъ. Въ это время въ конно-гвардейскомъ полку было страшное возбужденіе по поводу разныхъ неблагопріятныхъ слуховъ касательно полка, будто идетъ въ немъ сильная картежная игра, чего въ сущности не было. Зная почти всѣхъ офицеровъ полка, я постоянно бывалъ въ конно-гвардейскихъ казармахъ и чаще всего у князя Андрея Львова. Первымъ послѣдствіемъ возбужденія была дуэль конногвардейца Кобелева съ Преображенскимъ офицеромъ Булычевымъ, и молодой Кобелевъ былъ убитъ наповалъ. Предстояло еще нѣсколько дуэлей, такъ какъ офицеры коннаго полка, желая возстановить полковую честь, которую они считали затронутою, дѣлали одинъ вызовъ за другимъ, даже не военнымъ, коль скоро считали ихъ, хотя бы отчасти, виновниками распущенныхъ неблагопріятныхъ для полка слуховъ. Такъ одинъ молодой конногвардейскій офицеръ, родственникъ ми-

нистра народнаго просвѣщенія графа Толстого, вызвалъ его на дуэль, считая его разговоръ недовольно почтительнымъ въ отношеніи полка, и графу съ трудомъ удалось успокоить юношу и увѣрить его, что онъ гр. Толстой наилучшаго мнѣнія о конногвардейцахъ. Личное вмѣшательство императора Александра II положило конецъ всему этому дѣлу о дуэляхъ.

Въ самый разгаръ этихъ столкновеній князь Андрей Львовъ занемогъ тифомъ въ очень тяжелой формѣ его, заразившись въ избѣ лѣсника, у коего почевалъ послѣ охоты близъ Петербурга (семья лѣсника была больна тифомъ). Болѣзнь быстро и страшно развилась, сдѣлался перитонитъ и сильное кровотеченіе. Братъ больнаго князь Евгеній Львовъ и я ходили за нимъ поочереди. Многіе посѣщали больного или пріѣзжали узнавать о его здоровьѣ и при видѣ окровавленныхъ бинтовъ, которые мы выносили и мѣняли, приходили къ заключенію, что и князь Андрей вѣроятно стрѣлялся и раненъ. Но мнѣ, ходившему за больнымъ въ теченіе недѣли, постоянно видѣвшему его раздѣтаго, вполнѣ извѣстно, что онъ не былъ раненъ, а умиралъ отъ тифа, какъ опредѣлилъ тогда же лѣчившій его С. П. Боткинъ, съ которымъ я тамъ и познакомился. Умеръ князь Андрей молодцомъ, въ сознаніи, что умираетъ, и просилъ все перенести его въ эскадронъ, коимъ онъ командовалъ, желая умереть среди любимыхъ имъ людей. Сдѣлать этого нельзя было, и умеръ онъ съ молитвою «Отче нашъ» на устахъ, которую ему подсказывали стоявшіе тутъ друзья, такъ какъ онъ отъ слабости не могъ почти говорить. Полкъ, и друзья сердечно жалѣли 26 ти-лѣтняго браваго офицера, безвременно умершаго.

Князь Евгеній Львовъ, женатый на З. Д. Бибиковой, былъ весьма острый и отчасти безоглядный человѣкъ, но въ обществѣ крайне пріятный. Живя у него или вѣрнѣе у моей двоюродной сестры, я много слышалъ интереснаго отъ жившаго въ томъ же домѣ старика дяди Д. Г. Бибикова, о коемъ уже неразъ упоминалъ я въ моихъ Запискахъ. Князь же Евгеній много разсказывалъ про императора Александра II и князя Василія Андреевича Долгорукаго. Послѣдняго я, какъ человѣкъ свободнаго направленія 60-тыхъ годовъ, признаюсь, не переваривалъ, какъ шефа жандармовъ; но изъ разсказовъ князя Львова и другихъ личность кн. В. А. Долгорукаго выяснилась иначе и скорѣе мягкою и гуманною. На императора Александра II князь Василій Андреевичъ имѣлъ хорошее вліяніе, такъ что, когда на Императора находило сильное раздраженіе и онъ бывалъ крѣпко не въ духѣ, императрица Марія Александровна посылала за кн. Василіемъ Андреевичемъ, который являлся, своей мягкой поступью входилъ прямо въ кабинетъ Государя

и своимъ мягкимъ же голосомъ, но твердою рѣчью старика успокоивалъ молодого сравнительно съ нимъ Императора. Князь былъ скорѣе добрымъ и снисходительнымъ человѣкомъ и потому подавалъ поводъ ко многимъ анекдотамъ *незлобнаго характера*. Назначенный шефомъ жандармовъ и желая поднять это званіе, кн. Василій Андреевичъ на первый докладъ явился къ Александру II въ синемъ мундирѣ. Императоръ крайне удивился и спросилъ, какъ у него хватило храбрости надѣть синій мундиръ, столь недолюбливаемый въ обществѣ. Князь объяснилъ желаніемъ своимъ поднять жандармское званіе. «Я очень благодаренъ, сказалъ Государь, но не могъ не удивиться вашей храбрости».

Когда А. М. Унковскій съ Тверскими дворянами привезъ въ Петербургъ адресъ съ требованіемъ освобожденія крестьянъ, суда присяжныхъ и пр., его позвали къ князю В. А. Долгорукому, который принялъ его съ виду очень грозно и, не давъ сказать слова, началъ разносить, говоря, что Унковскій затѣялъ революцію и пр... Унковскій долго слушалъ и сказалъ лишь: «пожалуйста, просмотрите, князь, проектъ освобожденія». Долгорукій взялъ бумагу и прямо наткнулся на повинности крестьянъ – оброкъ. «Какъ оброкъ?», спросилъ онъ удивленно Унковскаго.—«Да конечно, мы проектируемъ семирублевый оброкъ съ души». Князь сразу перемѣнился. «Прекрасный проектъ, поспѣшилъ онъ сказать, у меня мужики платятъ только пять съ души!» И съ этой минуты онъ сдѣлался крайне любезенъ и привѣтливъ съ А. М. Унковскимъ. Послѣ Каракозовскаго выстрѣла кн. Долгорукій немедленно подалъ въ отставку, написавъ Государю письмо, что выстрѣлъ Каракозова лучшее доказательство негодности III-го Отдѣленія. Говорятъ, что въ письмѣ своемъ князь В. А. употребилъ фразу: «не вливайте вина новаго въ мѣхи старые», и указалъ на то, что, начавъ реформы, слѣдуетъ ихъ продолжать. Разсказывали еще, что послѣ Крымской кампаніи, во время которой кн. В. А. Долгорукій былъ военнымъ министромъ, онъ встрѣтился съ Наполеономъ въ Біарицѣ. Наполеонъ часто бесѣдовалъ съ кн. В. А., который ему довольно наивно разсказывалъ про нашу военную организацію времени кампаніи 1854—1855 г. Послѣ одного разговора Наполеонъ вскочилъ и, не утерпѣвъ, воскликнулъ: знай я это, я бы Сентъ-Арно повѣсилъ!!!

Про свою службу флигель-адъютантъ кн. Евгеній Львовъ разсказывалъ много интересныхъ эпизодовъ. Нѣкоторые изъ нихъ сохранились у меня въ памяти. Въ началѣ 60-тыхъ годовъ, когда императоръ Александръ II гостилъ въ Москвѣ часть лѣта, съ нимъ пріѣхали три флигель-адъютанта: кн. Е. А. Львовъ, М. П. Тучковъ (сынъ тогдашняго генерала-губернатора П. А. Тучкова) и кн. А. В. Долгорукій (сынъ

князя Василія Андреевича). Но Тучковъ заболѣлъ, а молодой князь Александръ Васильевичъ, страстный охотникъ до Цыганъ, попавъ въ излюбленные Московскіе таборы, застрялъ въ нихъ такъ, что князь Евгеній Львовъ очутился на безсмѣнномъ дежурствѣ въ Нескучномъ, гдѣ находился дворъ. Посланный имъ фельдъегеръ, съ приказаніемъ во что ни стало разыскать двоюроднаго его брата, нашелъ послѣдняго посреди поющаго хора въ самомъ веселомъ настроеніи духа. На приглашеніе прибыть на дежурство, чтобы смѣнить кн. Евгенія онъ написалъ на оторванномъ кускѣ синей толстой сахарной бумаги по-французски: «piап» а фельдъегерю сказалъ «скажи, не могу». Усталому отъ нѣсколькихъ дней дежурствъ князю Евгенію пришлось продолжать оное, и на его бѣду Государь пожелалъ передъ вечеромъ ѣхать въ Коломенское пить чай. Немедленно посланъ были фургонъ съ людьми для приготовленія, а вслѣдъ за ними выѣхали въ двухъ коляскахъ Государь, императрица Марія Александровна, великая княжна Марія Александровна съ фрейлиною княжною Долгорукою (впослѣдствіи замужемъ за генераломъ адъют. Альбединскимъ) и дежурный флигель-адъютанта князь Евг. Ал. Львовъ. Въ Коломенскомъ въ этотъ день былъ храмовой праздникъ и масса простонародья, при чемъ много подгулявшихъ. Такъ какъ тогда все было еще очень просто, охранъ не существовало, и никто изъ полиціи не былъ предупрежденъ, то на лицо оказался одинъ становой приставъ. Не успѣлъ Государь выйти изъ коляски, чтобы направиться къ церкви, какъ несмѣтная толпа народа бросилась къ нему; задніе ряды тѣснили переднихъ на столько, что они не могли остановиться. Государь съ семьею очутился въ сплошной толпѣ; а княжнѣ Долгорукой и князю Львову даже отдавили ноги. Великая княжна Марія Александровна, еще маленькая, испугалась и заплакала. Съ большими усиліями удалось становому и князю Львову пробить дорогу къ церкви, ибо народу слишкомъ хотѣлось видѣть поближе своего Освободителя. Когда Государь дошелъ до церкви, становой успѣлъ собрать нѣсколько сотскихъ и десятскихъ, образовать изъ нихъ двѣ шеренги, дабы отъ паперти дойти до экипажей, такъ какъ Государь прогнѣвался, и о чаепитіи не было уже рѣчи. По выходѣ изъ церкви, Государь ждалъ нѣкоторое время, чтобы подали экипажи, онъ замѣтилъ юнкера Александровскаго училища, который въ этой суматохѣ забылъ приложиться. Государь окончательно разсердился и приказалъ князю Львову взять у юнкера его билетъ и отправить въ училище подъ арестъ. Послѣ чего всѣ направились обратно въ Нескучное. Дорогою, князь Львовъ сидѣлъ противъ Императрицы въ коляскѣ. Ея Величество сказала ему: «смотрите, на что вы похожи»: и улыбнулась. Тутъ только онъ замѣ-

тилъ, что часть пуговицъ его мундира, и аксельбанты оторваны; все это случилось, когда онъ сдерживалъ натискъ толпы и расталкивалъ ее, чтобы дать дорогу Царской семьѣ. Пріѣхавъ въ Нескучное, Государь, крайне недовольный, послалъ его въ Москву прямо въ Александровское военное училище сообщить о проступкѣ юнкера и съ приказаніемъ оставить его на годъ въ классѣ. Оказался ученикъ выпускного класса, который черезъ нѣсколько дней долженъ былъ выйти, и при этомъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ. Начальство переполошилось, но въ тоже время объясняло князю Львову, что несомнѣнно юнкеръ просто растерялся и сдѣлалъ это не вслѣдствіе отсутствія дисциплины. Князь вернулся поздно въ Нескучное и конечно усталый. Его докладъ какъ будто еще больше прогнѣвилъ Государя, который выслушавъ отпустилъ его отдохнуть. Не успѣлъ онъ заснуть, какъ его вновь будятъ: въ Москвѣ пожаръ! Дѣлать нечего; сѣлъ онъ на дежурную тройку и поѣхалъ. Но близъ Серпуховскихъ воротъ, увидавъ, что зарево значительно уменьшалось, онъ велѣлъ повернуть обратно, полагая, что все кончилось благополучно. На утреннемъ рапортѣ князь доложилъ Государю, что ночью былъ пожаръ, кончившійся безъ особыхъ приключеній. Государь велѣлъ подать коляску и поѣхалъ вмѣстѣ со своимъ дежурнымъ флигель-адъютантомъ, съ тѣмъ же княземъ Львовымъ, въ Москву. При въѣздѣ въ столицу на Калужской ихъ встрѣтилъ генералъ-губернаторъ Тучковъ. Коляска остановилась и, подавая обыкновенный рапортъ, Тучковъ добавилъ, что ночью былъ пожаръ и, къ сожалѣнію, пять пожарныхъ убиты и ранены. Государь строго посмотрѣлъ на князя Львова. «Это служба на Кавказѣ, должно быть, пріучила тебя считать ни во что жизнь человѣческую», сказалъ ему онъ. Проѣзжая близъ Александровскаго училища, князь Львовъ позволилъ себѣ напомнить объ юношѣ, который сидитъ подъ арестомъ. Государь только еще больше нахмурился. Ѣдутъ дальше. Москва была уже довольно пуста. Государь закрылъ глаза и тихо проговорилъ: «Мнѣ покойный отецъ говорилъ, что когда его сердили, и онъ бывалъ не въ духѣ, то закрывалъ глаза, приказавъ сидящему съ нимъ сказать ему, когда встрѣтится что нибудь красивое, и тогда онъ открывалъ глаза, останавливалъ взглядъ на изящномъ предметѣ, и веселое расположеніе возвращалось. Попробую и я такъ.» Какъ на бѣду никто не встрѣчался, пока, наконецъ, черезъ нѣсколько улицъ, князю Львову удалось обратить вниманіе Государя на кого-то. Государь улыбнулся. Вернувшись въ Нескучное, Государь сказалъ князю Василію Андреевичу, чтобы тотъ передалъ племяннику своему Львову, что онъ имъ недоволенъ, такъ какъ онъ къ нему приставалъ съ прощеніемъ юнкера. Князь Василій Андреевичъ распекъ князя Львова; но юнкеръ былъ прощенъ, такъ какъ Императоръ отмѣнилъ свой строгій приказъ.

Князь Евг. Ал. Львовъ одно время состоялъ при кн. А. И. Барятинскомъ на Кавказѣ и, привезя однажды извѣстіе о побѣдѣ, былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ. На Кавказѣ онъ получилъ золотое оружіе. Возвращаясь къ его разсказамъ, я вспомнилъ довольно смѣшной.

Когда, покоривъ Кавказъ и плѣнивъ Шампля, князь Барятинскій вернулся въ Петербургъ тріумфаторомъ, между прочими чествованіями, Англійскій клубъ давалъ обѣдъ новому фельдмаршалу. На этомъ обѣдѣ присутствовалъ между прочими князь Иванъ Грузинскій, въ сущности царевичъ Грузинскій, потомокъ владѣтельныхъ князей Кавказа, извѣстный всему Петербургу бонъ-виванъ, веселый членъ Яхтъ-клуба, подъ именемъ *Царь-Иванъ*. Во время обѣда много было тостовъ и рѣчей, и вотъ сталъ говорить что-то въ родѣ похвальнаго слова князю Барятинскому извѣстный Н. И. Гречъ: и скучно и длинно! Его вдругъ перебиваетъ Царь-Иванъ и начинаетъ очень горячо, обращаясь къ кн. Барятинскому, говорить, что послѣдній побѣдилъ ихъ не силою Русскаго оружія, а собственно обаяніемъ своей личности, умомъ, великодушіемъ и правдою, и что въ силу всего этого къ нему князья и народности Кавказскія привязались... Неожиданно устраненный Гречъ, крайне недовольный, въ свою очередь перебиваетъ князя Грузинскаго: «да позвольте же мнѣ кончить»; но Царь-Иванъ его устраняетъ повелительнымъ жестомъ руки и на всю залу громко говоритъ: «тс....съ.., когда орлы говорятъ, чтобъ пчелы не жужжали!» При этомъ Царь-Иванъ выпрямился во весь ростъ и договорилъ свое привѣтствіе фельдмаршалу, окончательно сконфузивъ бѣднаго Греча. Сцена, говорятъ, была очень эффектна; особенно, если вспомнить оригинальную отчасти и театральную наружность князя Ивана Грузинскаго: его высокій лобъ, орлиный носъ и клинообразную бороду съ претензіей на испаньолку Наполеона III, и проч.

Князь Евгеній Львовъ держалъ открытый, блестящій домъ въ Петербургѣ, гдѣ гостепріимная хозяйка, жена его, княгиня Зоя Дмитріевна (нынѣ графиня Кассини), принимала весь Петербугскій beau-monde.

Мы иногда бывали съ княземъ Евгеніемъ вмѣстѣ у Путилова, гдѣ князь вступалъ въ горячіе споры съ М. Г. Черняевымъ, нападавшимъ на военную систему Милютина, князь же Львовъ, напротивъ, защищалъ ее. Онъ находился подъ обаяніемъ Милютина, при которомъ служилъ еще на Кавказѣ, гдѣ Д. А. Милютинъ былъ начальникомъ штаба у князя Барятинскаго, а А. И. Львовъ адъютантомъ сего послѣдняго.

VII.

Чѣмъ долѣе длились хлопоты по проведенію нашей желѣзной дороги, тѣмъ болѣе выяснялось, что Русской партіи и Путилову не получить концессіи на постройку нашей линіи, которая, измѣненная, исковерканная, получила наконецъ санкцію Министерста Финансовъ подъ именемъ Ряжско-Вяземской съ вѣтвью на Елецъ. Теперь назрѣвалъ уже вопросъ, кому строить ее? Къ Путилову М. Х. Рейтернъ положительно не благоволилъ, такъ что ему пришлось самому отказаться отъ желанія быть концессіонеромъ нашей линіи, и надо было приступать къ составленію другой компаніи. Сильныхъ, кромѣ Евреевъ, не было въ виду; къ тому же министръ финансовъ особенно благоволилъ къ нимъ, такъ какъ реализацію капиталовъ Евреи дѣлали удачнѣе и умнѣе нашихъ Русскихъ предпринимателей: акціи и облигаціи, реализированныя Евреями, рѣдко являлись на рынкѣ, не бывали въ предложеніи, тогда какъ реализированныя слабыми компаніями то и дѣло наводняли биржу. Конечно Еврейскія компаніи имѣли за собою всемірныхъ банкировъ, какъ Ротшильдовъ, Зульцбаха, Блейхредера, т. е. такихъ людей, кои годами могли держать въ своихъ портфеляхъ ту или другую бумагу, выжидая ея повышенія. Акціи желѣзно-дорожныя считались на столько выгодными (какъ и самое дѣло концессіи жел. дорогъ), что Еврейскими компаніями заявлялась иногда цѣна до нельзя дешевая на постройку дороги. Такъ А. М. Варшавскій, чтобы заручиться во первыхъ постройкою въ будущемъ, и во вторыхъ получить концессію Ряжско-Скопинскую, заявилъ небывало-дешевую цѣну, а именно около 35.000 рублей верста, такъ что явился вопросъ, выдержитъ ли предприниматель столь дешевую цѣну. Но А. М. Варшавскій объяснилъ, что онъ могъ взять такую дешевую цѣну въ виду помѣщенія Ряжско-Скопинскихъ акцій по 135 рублей вмѣсто ста. И дѣйствительно, извѣстный банкирскій домъ Зульцбаха во Франкфуртѣ реализировалъ акціи Ряжско-Скопинской ж. д. въ цѣну 135 р. за сто. Но тѣмъ А. М. Варшавскій обезпечилъ себѣ концессію на продолженіе постройки той дороги до Вязьмы съ вѣтвью на Елецъ, что было сдѣлано вскорѣ; то есть, когда онъ получилъ концессію на 40 верстъ, ему же дано было продолжать ее въ 600 верстъ. Но надо отдать ему справедливость рѣдко можно было встрѣтить людей болѣе деликатныхъ какъ А. М. Варшавскій и его компаніонъ А. І. Горвицъ. Зная, сколько я понесъ трудовъ, хлопотъ и расходовъ въ дѣлъ проведенія проекта, они пригласили къ участію въ постройкѣ меня, (какъ представителя мѣстныхъ интересовъ, т. е. предложили взять на себя часть этой постройки не какъ мы просили ее, т. е. Воронежско-Тульской, а уже Ряжско-Вяземской съ вѣтвью на Елецъ).

Время быстро текло съ моими желѣзнодорожными хлопотами въ Пе-

тербургѣ. Мои отлучки изъ уѣзда становились все чаще и чаще. Надо было иногда, не кончивъ дѣла въ Петербургѣ, ѣхать на съѣздъ по какому-нибудь экстренному дѣлу, ѣхать съ лишнимъ сто верстъ по ухабистой дорогѣ и затѣмъ усталому предсѣдательствовать. А иногда, наоборотъ, не кончивъ дѣла въ Ефремовѣ, я спѣшилъ въ Петербургъ. Все это становилось тягостно и, не смотря на горячее сочувствіе, мнѣ высказанное, не только на словахъ, но и въ адресѣ Ефремовскихъ дворянъ, я рѣшился оставить Ефремовское предводительство. Въ это время въ сосѣднемъ Епифанскомъ уѣздѣ, гдѣ я провелъ большую часть моего дѣтства и молодости, двѣ партіи (а именно: одна консервативная, имѣвшая во главѣ графа В. А. Бобринскаго и М. А. Римско-Корсакова, другая либеральная, насчитывавшая всѣ молодыя силы уѣзда, П. Ѳ. Самарина, Раевскихъ, Сафонова, Ладыженскаго и др.) никакъ не могли прійти къ соглашенію на счетъ выборныхъ мѣстъ въ уѣздѣ, и всѣ лица свободомыслящія въ уѣздѣ были забалотированы не только въ мировые судьи, но и въ гласные. Такъ какъ я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ обѣими партіями, то на мнѣ, можно сказать, онѣ помирились, и на Тульскихъ выборахъ въ Декабрѣ 1870 года меня выбрали въ Епифанскомъ уѣздѣ въ предводители всѣми бѣлыми шарами. Признаюсь, мнѣ было довольно тяжко разставаться съ Ефремовскимъ уѣздомъ, гдѣ у меня установились весьма добрыя и твердыя отношенія не только съ дворянствомъ, но и съ земствомъ, которое меня и послѣ ухода моего постоянно избирало своимъ гласнымъ; и хотя я послѣ этого еще три трехлѣтія, т. е. почти десять лѣтъ, служилъ предводителемъ въ Епифанскомъ уѣздѣ, но я не разъ жалѣлъ, что оставилъ Ефремовскій, гдѣ началъ службу и гдѣ могъ ее продолжать. Но, какъ я уже сказалъ, дальнія поѣздки меня затрудняли, а Епифань была подъ рукою, и въ уѣздѣ этомъ было много у меня родныхъ и пріятелей. Передъ самыми выборами я получилъ очень лестное и убѣдительное письмо отъ П. Ѳ. Самарина, положившее конецъ моимъ колебаніямъ, и я балотировался въ Епифанскіе предводители.

Выборы 1870 г. прошли быстро и весело. Мнѣ хотѣлось, уходя изъ Ефремова, что-нибудь сдѣлать еще для бѣдныхъ, и я упросилъ своего пріятеля Н. Г. Рубинштейна дать концертъ въ Тулѣ въ пользу ихъ. Онъ охотно согласился и пробылъ почти весь день въ Тулѣ. Къ тому же случайно съѣхался онъ въ Тулѣ со знаменитымъ скрипачемъ Лаубомъ, который въ свою очередь, уже изъ дружбы къ Рубинштейну, принялъ участіе въ концертѣ, мною задуманномъ. Концертъ вышелъ блестящій. Оба виртуоза были въ ударѣ; они какъ будто забыли о программѣ и играли подъ какимъ-то вдохновеніемъ, когда биткомъ набитая зала собранія (по случаю выборовъ) требовала повторенія какой либо

пьесы. Тульская зала дворянскаго собранія, вообще изящная, очень хороша въ акустическомъ отношеніи (по крайней мѣрѣ Рубинштейнъ это говорилъ), и концертъ этотъ произвелъ на всѣхъ слушателей чарующее впечатлѣніе. Слышавши на моемъ вѣку много разъ и братьевъ Рубинштейновъ, и другихъ первокласныхъ піанистовъ, смѣло могу сказать, что въ этотъ вечеръ игра Н. Г. Рубинштейна была выдающаяся, а старикъ Лаубъ своимъ сильнымъ смычкомъ очаровалъ многихъ стариковъ нашихъ, любителей скрипки. Рубинштейнъ игралъ съ рѣдкимъ увлеченіемъ; онъ придавалъ такую пѣвучесть своему инструменту, что невольно слушавшіе спрашивали: «неужели это фортепіано?» А слушала его не одна Тульская губернія, такъ какъ съѣхалось много лицъ и постороннихъ. Вечеромъ того дня у меня, вновь выбраннаго предводителя, ужинали Епифанскіе дворяне вмѣстѣ съ Рубинштейномъ, который былъ какъ-то особенно хорошо настроенъ. Пока Рубинштейнъ у меня былъ въ домѣ, пришелъ почтовый чиновникъ, который привелъ дочь свою и просилъ Рубинштейна послушать игру ея и рѣшить, обѣщаетъ ли она *что* въ будущемъ? Рубинштейнъ сейчасъ же согласился и посадилъ дрожавшую, сконфуженную дѣвочку за мое фортепіано. Испуганная дѣвочка вѣроятно очень плохо себя чувствовала въ присутствіи великаго маэстро, ибо ея пальцы путались и не извлекали никакихъ особенно пріятныхъ звуковъ изъ инструмента. Но Рубинштейнъ конечно принялъ это во вниманіе, ободрилъ отца и дочь, а послѣднюю, по соглашенію со мною, принялъ въ Московскую Консерваторію, и изъ нея вышла прекрасная піанистка. Года три тому назадъ я какъ-то получилъ билетъ на концертъ піанистки мнѣ совершенно неизвѣстной. Я поморщился, но поѣхалъ и къ удивленію своему узналъ, что это та самая, когда-то робкая дѣвочка, которую у меня въ домѣ Рубинштейнъ опредѣлилъ въ Консерваторію, которая теперь уже замужемъ и носитъ другую фамилію, вслѣдствіе чего я и не узналъ ея. Не узналъ я и игры ея: я слышалъ прекрасную піанистку, достойную вполнѣ своего славнаго учителя. Прошло много лѣтъ. Я какъ-то на станціи Московско-Курской желѣзной дороги въ Москвѣ встрѣтилъ Н. Г. Рубинштейна (онъ ѣхалъ въ Тулу, давать концертъ съ благотворительною для Туляковъ опять-таки цѣлію). Мы вмѣстѣ сѣли въ купе вагона и пріятельски бесѣдовали. Рубинштейнъ всю дорогу до Тулы лежалъ и жаловался на боль въ ногѣ; вообще ему не здоровилось. Съ поѣзда, приходившаго въ Тулу около 6 часовъ, онъ поѣхалъ въ Собраніе. Концертъ конечно былъ хорошъ; но Николай Григорьевичъ что-то хмурился, на немъ былъ отпечатокъ грусти. Онъ вспоминалъ прошлое и говорилъ: «А помнишь ли, какъ мы погуливали, ночи темныя просиживали?» Вернувшись въ

Москву, онъ почувствовалъ себя еще хуже, занемогъ, его увезли изъ Москвы, и больше мы его не слыхали. Вскорѣ привезли въ Москву останки его въ гробу... Если не ошибаюсь, послѣдній концертъ, послѣдняя игра его въ Россіи была въ Тулѣ. У него по возвращенію въ Москву еще хуже разболѣлась нога, и онъ боялся подойти къ фортепіано.

Я встрѣченъ былъ въ Епифанскомъ уѣздѣ, какъ Французы говорятъ, à bras ouverts. Городъ избралъ меня въ почетные граждане. Казалось, что тамъ и служба, и отношенія должны были быть легче и пріятнѣе, чѣмъ гдѣ либо.. Я по крайней мѣрѣ въ этомъ былъ убѣжденъ, и сперва въ самомъ дѣлѣ было похоже на то, что миръ и согласіе водворились въ нашемъ уѣздѣ. Не надо забывать, что послѣ сильно-либеральнаго теченія всегда бываетъ реакція. Это стало замѣтно и въ Тульской губерніи, на что обратилъ вниманіе и князь В. А. Черкасскій, такъ какъ всѣ дѣятели по крестьянскому вопросу были устранены на землевладѣльческихъ выборахъ отъ участія въ земствѣ. Въ одномъ письмѣ своемъ къ *** князь Черкасскій, описывая неудачу свою и своихъ единомышленниковъ въ Веневѣ въ 1871 году, говоритъ, что во всѣхъ уѣздахъ, *за исключеніемъ Епифанскаго*, это явленіе повторялось, т. е. прогрессивнаго направленія людей устраняли на землевладѣльческихъ выборахъ. Князь Черкасскій попалъ въ гласные уже при перебалотировкѣ у крестьянъ. Мнѣ же удалось въ Епифанскомъ уѣздѣ провести *многихъ* прогресистовъ именно благодаря тому, что на мнѣ сошлись обѣ крайнія партіи. Да, я впослѣдствіи очень и очень жалѣлъ, что промѣнялъ службу одного уѣзда на службу другому. Прошли года, измѣнились отношенія, измѣнило и счастіе. Все что́ помогаетъ, способствуетъ удачѣ—это счастіе. Нѣтъ его, такъ будь хоть семи пядей во лбу—ничего не добьешься. Въ общественномъ дѣлѣ не важенъ личный успѣхъ, а важенъ общественный, чтобы дѣло задуманное спорилось. Выдающееся положеніе въ уѣздѣ занималъ крупный землевладѣлецъ, помѣщикъ П. Ѳ. Самаринъ, братъ извѣстнаго Ю. Ѳ. Самарина, не уступавшій ему въ умѣ и способностяхъ. Вокругъ него въ то время группировались лучшіе люди губерніи, и какъ князю В. А. Черкасскому, такъ и намъ, молодымъ людямъ хотѣлось видѣть его Тульскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Но В. П. Мининъ и его партія были еще очень сильны, такъ что надо было надолго отложить эти помыслы.

Бывать у Петра Ѳедоровича Самарина въ его Молоденькахъ было очень пріятно; особенно лѣтомъ, 29 Іюня, въ день его именинъ, собирались къ нему со всѣхъ концовъ, и молодые охотники устраивали Англійскія, охотничьи и народныя скачки. Съѣзжались братья Самарины, князья Черкасскіе, часто бывалъ и графъ Л. Н. Толстой. Но съ

годами все измѣнилось: и отношенія, и дружба, все нашло себѣ предѣлъ, конецъ. Небольшое охотничье общество, называвшееся даже «Молоденскимъ», также распалось, и члены его или вымерли или еле знакомы другъ-другу; а время то было куда какъ хорошо! Мнѣ памятны доселѣ охоты и отъѣзжія поля, въ которыхъ мнѣ приходилось быть въ обществѣ Л. Н. Толстого, П. Ѳ. Самарина, Раевскихъ и другихъ. Охоты эти не напоминали прежняго разгула, который бывалъ неминуемымъ спутникомъ охоты дореформеннаго барина; напротивъ Я не забуду никогда тѣхъ веселыыхъ, остроумные бесѣдѣхъ, которыхъ я бывалъ свидѣтелемъ не разъ послѣ удачной охоты между Л. Н. Толстымъ, Самаринымъ, Раевскими, Ладыженскимъ и Черкасскими (когда мы заѣзжали въ Веневскій уѣздъ). Л. Н. Толстой еще не былъ тогда тѣмъ философомъ, какимъ теперь; это былъ веселый, увлекающійся охотникъ и рѣдкій собесѣдникъ. Его споры съ Самаринымъ иногда длились за полночь и бывали крайне интересны. Я досадую на себя, что я многаго не записалъ; ибо бесѣды эти, конечно, представляли бы болѣе интереса, чѣмъ многое, что́ мы читаемъ теперь.

Однажды Л. Н. Толстой опоздалъ на сборный пунктъ охоты, который былъ у меня въ Шаховскомъ (имѣніи моемъ въ 35 в. отъ Ясной Поляны) и пріѣхалъ крайне разстроенный: оказалось, что судебный слѣдователь въ это утро допрашивалъ его въ качествѣ обвиняемаго за неосторожное держаніе скота, такъ какъ его быкъ забодалъ пастуха, и слѣдователь обязалъ Толстаго невыѣздомъ изъ Ясной Поляны, т. е. отчасти лишилъ его свободы. Какъ человѣкъ горячій, Левъ Николаевичъ былъ крайне возмущенъ дѣйствіями слѣдователя, который всего нѣсколько дней передъ этимъ найденное мертвое тѣло какого-то неизвѣстнаго отвезъ въ ближайшую усадьбу какой-то помѣщицы и сталъ мертваго вскрывать у нея на терассѣ. Левъ Николаевичъ никакъ не могъ успокоиться, ибо считалъ себя страшно стѣсненнымъ подпискою, которую съ него требовали, о невыѣздѣ. «Одного Ясно-Полянскаго крестьянина полтора года слѣдователь продержалъ въ острогѣ по подозрѣнію въ кражѣ коровы, а послѣ оказалось, что укралъ не онъ», разсказывалъ Л. Н. Такъ и меня продержатъ теперь годъ! Это безсмысленно, это полнѣйшій произволъ этихъ господъ. Я все продамъ въ Россіи и уѣду въ Англію, гдѣ есть уваженіе къ личности всякаго человѣка; а у насъ всякій становой, если ему не кланяются въ ноги, можетъ сдѣлать величайшую пакость». По поводу становаго я вспомнилъ анекдотъ императора Николая Павловича съ графомъ А. Ѳ. Орловымъ. Какъ-то дорогою, во время путешествія, императоръ Николай расшутился и спросилъ: «А что, Орловъ, ты боишься меня?»—Ничуть, отвѣчалъ гр. Орловъ; зачѣмъ мнѣ Васъ бояться?—«Кого же ты боишься въ Россіи?» —Да одного становаго пристава.—«Какъ!» удивился Императоръ

Конечно, ибо нѣтъ пакости, которую становой не былъ бы способенъ сдѣлать.—Императоръ разсмѣялся. Скажемъ не въ обиду господъ становыхъ, что это было въ дореформенное время. Самаринъ живо возражалъ Льву Николаевичу, доказывая, что не только смерть человѣка, но и увѣчье, ему причиненное, настолько серьезный фактъ самъ по себѣ, что не можетъ остаться не обслѣдованнымъ со стороны судебныхъ властей, какъ въ данномъ случаѣ. Спорили долго и, кажется, Самаринъ переубѣдилъ Толстаго, который, ложась спать, мнѣ сказалъ: «Удивительная способность П. Ѳ. Самарина успокоивать людей». Но утромъ Л. Н. Толстаго опять разсердили. Пріѣхалъ за нимъ нарочный отъ жены. Онъ забылъ, что былъ назначенъ присяжнымъ засѣдателемъ въ Крапивнѣ, гдѣ за неявку его оштрафовали. «Какая нелѣпица: съ одной стороны обязываютъ невыѣздомъ изъ имѣнія, а съ другой стороны штрафуютъ за непріѣздъ въ тоже время!»

Я видѣлъ гр. Л. Н. Толстаго во всѣхъ фазисахъ его дѣятельности и творчества и никогда не прощу себѣ, что не записывалъ бесѣдъ съ нимъ и бесѣдъ, бывшихъ въ моемъ присутствіи. Много поучительнаго вынесъ я. Чѣмъ бы ни увлекался гр. Левъ Николаевичъ, все дѣлалъ онъ съ убѣжденіемъ, твердо вѣруя въ то, что́ дѣлаетъ, а увлекался онъ всегда *во всю*. Я помню графа Л. Н. свѣтскимъ человѣкомъ, видалъ его на балахъ, и помню какъ-то его замѣчаніе: «посмотрите, сколько поэзіи въ бальномъ туалетѣ женщины, сколько изящества, сколько мысли, сколько прелести, хотя бы въ приколотыхъ къ платью цвѣтахъ». Я помню его страстнымъ охотникомъ, пчеловодомъ и садоводомъ; помню его увлеченія сельскимъ хозяйствомъ, сажающаго лѣса и плодовые сады, занятаго коневодствомъ и многимъ другимъ. Мое сближеніе съ нимъ началось еще во время моего студенчества, когда онъ писалъ «Войну и Миръ». Мои дѣды были участниками Наполеоновскихъ войнъ, и я многіе разсказы той эпохи, слышанные отъ нихъ, сообщалъ Толстому. Я былъ очень польщенъ, когда, окончивъ первую часть «1805 годъ», Левъ Николаевичъ позвалъ меня съ молодою моей женою слушать его чтеніе. Еще былъ приглашенъ къ слушанію старикъ генералъ Перфильевъ, который помнилъ ту эпоху. Читалъ Л. Н. Толстой просто, но удивительно хорошо. Разъ только впослѣдствіи слышалъ я его читающаго стихи. Это было послѣ охоты у меня. Говорили о поэзіи, и Л. Н. сталъ читать намъ Еврейскія пѣсни *Мея*. Читалъ онъ очень вдохновенно и увлекательно. Чѣмъ только ни увлекался онъ! Близъ Ясной Поляны въ лагерѣ войскъ, квартировавшихъ въ Тулѣ, пьяный солдатъ ударилъ офицера и судился военно-полевымъ судомъ. Л. Н. Толстой на судѣ защищалъ его со всѣмъ прирожденнымъ ему талантомъ. Но развѣ уговоришь или переубѣдишь коронный судъ,

особенно военный? Графъ Толстой доказывалъ невмѣняемость солдата, ударившаго офицера въ пьяномъ видѣ. Но военный кодексъ еще строже наказуетъ проступокъ или преступленіе, совершенное въ пьяномъ видѣ, и солдата разстрѣляли. Графъ Левъ Николаевичъ былъ страшно взволнованъ.

Вспоминаю другаго героя, М. Д. Скобелева. Мнѣ часто приходилось съ нимъ завтракать въ ресторанѣ у Бореля, гдѣ онъ обыкновенно бывалъ, пріѣзжая въ Петербуугъ. Я его засталъ однажды страшно разсерженнаго, еле переводившаго духъ. Что̀ съ вами? спросилъ я, садясь за столъ къ нему. «Да отъ судебнаго слѣдователя! Какой-то денщикъ попался въ воровствѣ и указалъ, на меня, что я его знаю, что онъ у меня будто служилъ. Такъ вотъ меня вызвали свидѣтелемъ, и судебный слѣдователь меня допрашивалъ, да такъ допрашивалъ, ужъ какъ будто я совершилъ кражу, все время (иронически черезъ три слова называя меня ваше превосходительство). Вывелъ онъ меня изъ терпѣнія; была минута, что я чуть не разошелся и не далъ ему въ ухо. Теперь конечно радъ, что удержался. Милый человѣкъ, душка! прибавилъ Михаилъ Дмитріевичъ свое любимое выраженіе. Просто возмутительно! Ужъ такъ они обидно умѣютъ это дѣлать! Невыносимо!»

Кн. Д. О.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

В. Г. Васильевскаго „Житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго". Спб. 1893.—*В. И. Сергѣевича* „Русскія юридическія древности". Спб. 1890—1893.

Свои труды по вопросу о происхожденіи Русскаго государства я считаю въ главныхъ чертахъ законченными на столько, что смѣло могу предоставить его детальную разработку тѣмъ будущимъ изслѣдователямъ, которые пойдутъ въ томъ же направленіи. Напомню важнѣйшіе мои выводы:

1. Призваніе Варяжскихъ князей есть легенда, и при томъ по своему происхожденію не народнаго, а династическаго характера; поводомъ къ ней послужили наемныя Варяжскія дружины и родственныя связи нашихъ князей съ Скандинавскими, а также Варяжская помощь, оказанная Владимиру Великому и Ярославу I при ихъ вокняженіи, т. е. во время борьбы съ братьями.

2. Въ первоначальномъ текстѣ лѣтописи *Русь* несомнѣнно отличалась отъ *Варяговъ*; а смѣшеніе ихъ произошло позднѣе, вслѣдствіе испорченнаго текста, и при томъ оно отразилось далеко не во всѣхъ лѣтописныхъ сводахъ.

3. Насколько говорятъ источники, Скандинавскіе Варяги являются на Руси только съ начала X вѣка и притомъ въ качествѣ наемной дружины у Русскихъ князей.

4. Русь была великимъ туземнымъ и Славянскимъ племенемъ, жившимъ въ краяхъ Приазовскихъ, Придонскихъ и Приднѣпровскихъ и извѣстнымъ у Греко-Римскихъ писателей подъ именемъ *Роксолан*.

5. Названіе „Роксоланъ" есть книжное, сложное изъ *Рось* и *Алане*, въ родѣ такого же позднѣйшаго книжнаго ихъ названія у Византійцевъ *Тавро-Скивы*. А собственное народное имя ихъ было просто *Рось* или *Русь*, которое находилось въ связи съ тѣмъ же названіемъ нѣкоторыхъ рѣкъ Восточной Европы.

Самый же важный, основной мой выводъ тотъ, что Варяги и Русь были два совершенно особые народа, что не существовало никакого племени Варяго-руссовъ и что въ ихъ случайномъ смѣшеніи заключается корень всего вопроса.

Болѣе чѣмъ двадцатипятилѣтняя полемика съ моими противниками-норманистами не уничтожила ни одного изъ этихъ положеній. Напротивъ, она помогла мнѣ вполнѣ утвердить свою *Роксоланскую теорію* происхожденія Русскаго государства—происхожденія не съ Сѣвера отъ иноплеменныхъ заморскихъ Варягъ, а съ Юга отъ туземныхъ Славянскихъ Руссовъ.

Что сказанныя сейчасъ слова не заключаютъ въ себѣ никакого неумѣстнаго хвастовства, тому доказательствомъ служитъ, между прочимъ, выше названная книга В. Г. Васильевскаго, изъ всѣхъ моихъ антагонистовъ наиболѣе потрудившагося надъ тѣмъ же вопросомъ, т. е. его изслѣдованія житій свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго. Ранѣе авторъ печаталъ эти изслѣдованія въ Журналѣ М. Нар. Пр.; а теперь соединилъ ихъ въ одну книгу, приложивъ и самые тексты и дополнивъ разными подробностями. Эта книга вышла года полтора тому назадъ; но, отвлеченный другими работами, я только теперь удосужился поговорить о ней печатно.

Первая часть книги посвящена изслѣдованію Греческаго текста въ полномъ житіи св. Георгія епископа Амастридскаго, скончавшагося въ началѣ IX вѣка, или собственно тому мѣсту этого житія, въ которомъ находится разсказъ о посмертномъ чудѣ святого, совершившемся во время нападенія на Амастриду (городъ на Южномъ берегу Чернаго моря, т. е. въ Малой Азіи) варварскаго народа Рось. Варвары хотѣли ограбить гробницу святого, но были поражены разслабленіемъ и немощью, отъ которыхъ избавились только тогда, когда ихъ князь или предводитель оказалъ почтеніе христіанскому Богу и освободилъ плѣнниковъ. Къ какому времени надобно отнести это нападеніе Руси, о томъ вопросъ былъ спорный. Норманисты, особенно А. А. Куникъ, относили его конечно ко времени, послѣдовавшему за призваніемъ такъ наз. Варяговъ-Руси. Но теперь В. Г. Васильевскій точнымъ и детальнымъ анализомъ этого житія и историческихъ данныхъ, къ нему относящихся (напримѣръ его отношеніемъ къ иконоборству), доказываетъ, что не только событіе, т. е. нападеніе Руси, произошло вскорѣ послѣ кончины св. Георгія, но что и самое житіе его было написано еще въ первой половинѣ IX вѣка и даже ранѣе 842 года. Слѣдовательно, болѣе чѣмъ за 20 лѣтъ до такъ называемаго призванія изъ Скандинавіи въ Новгородъ небывалаго народа Варяго-Руссовъ, мы имѣемъ Византійское извѣстіе о народѣ Рось или Русь, обитавшемъ гдѣ-то по сосѣдству съ Чернымъ моремъ, плававшимъ по этому морю и очевидно ничего общаго съ Варягами не имѣвшимъ. Изслѣдователь изъ самого житія извлекаетъ данныя (напр. сближеніе съ Тавроскиѳами въ IX гл.), „указывающія на Сѣверные берега Чернаго моря какъ на родину Россовъ“ (CLI).

Житіе Георгія Амастридскаго дошло до насъ безъ имени автора. Г. Васильевскій по этому поводу предлагаетъ свою догадку: цѣлую VIII главу своей книги онъ посвящаетъ доказательствамъ того, что данное житіе написано извѣстнымъ въ Византійской словесности IX вѣка діакономъ Игнатіемъ (впослѣдствіи митрополитомъ Никейскимъ), авторомъ нѣсколькихъ церковныхъ каноновъ и житій. Но, признаемся, доказательства его на сей разъ очень гадательны, и вопросъ объ авторѣ остается открытымъ.

Вторая половина изслѣдованія посвящена житію св. Стефана, архіепископа Сурожскаго, подвизавшагося въ VIII столѣтіи, въ эпоху иконоборства. Это житіе извѣстно по краткому Греческому тексту и подробному Славянскому. И тутъ, также какъ въ предыдущемъ случаѣ, суть дѣла заключается въ

одномъ изъ посмертныхъ чудесъ святого. А именно: Русская рать, пришедшая будто бы изъ Новгорода и предводимая какимъ-то княземъ Бравлиномъ, опустошала Таврическій край отъ Корсуня до Керчи, и между прочимъ ворвалась въ городъ Сурожъ (Сугдея, нынѣ Судакъ). Когда Бравлинъ принялся грабить золотые сосуды и драгоцѣнную церковную утварь въ храмѣ св. Софіи, гдѣ находилась гробница Стефана, вдругъ лицо князя повернулось назадъ, и онъ впалъ въ разслабленіе, при чемъ ему привидѣлся самъ св. Стефанъ. Князь выздоровѣлъ послѣ того, какъ велѣлъ воротить храму все пограбленное, и принялъ крещеніе изъ рукъ архіепископа Филарета. Такъ какъ Филаретъ былъ ученикомъ св. Стефана и преемникомъ его на Сурожской каѳедрѣ, то это обстоятельство позволяетъ пріурочить данное событіе, т. е. нападеніе Руссовъ на Сурожъ, опять таки къ первой половинѣ, а пожалуй, и къ первой четверти IX вѣка. Хотя въ краткомъ Греческомъ житіи посмертныхъ чудесъ нѣтъ, а они имѣются только въ пространномъ Славянскомъ; но, на основаніи разныхъ соображеній и обстоятельствъ, изслѣдователь доказываетъ, что это Славянское житіе въ своихъ существенныхъ частяхъ есть переводъ съ Греческаго, до насъ не дошедшаго. Слѣдовательно, тутъ мы имѣемъ второе Византійское свидѣтельство, которое подтверждаетъ существованіе народа Руссовъ и Русскихъ князей въ странахъ Припонтійскихъ гораздо ранѣе 862 года или такъ называемаго призванія небывалыхъ Варягорусскихъ князей изъ Скандинавіи.

Надобно отдать полную справедливость В. Г. Васильевскому: изслѣдованіе его обильно снабжено учеными ссылками и комментаріями; оба житія разобраны и освѣщены въ наивозможно-достаточной степени; между прочимъ во второмъ изъ нихъ указаны любопытныя заимствованія изъ житій Іоанна Златоустаго и Петра Митрополита. Но такъ какъ въ своихъ комментаріяхъ по поводу нападенія Руссовъ на Амастриду и на Сурожъ авторъ вновь пересматриваетъ положеніе Варяго-русскаго вопроса или собственно его послѣднюю постановку въ наукѣ, при чемъ по прежнему полемизуетъ со мною: то мнѣ волею-неволею приходится также вновь останавливаться на своихъ съ нимъ разногласіяхъ.

Мой почтенный антагонистъ все продолжительное время нашего ученаго спора о Варягахъ-Руси обнаруживаетъ въ высшей степени любопытную черту характера; а именно: никогда не сознаваться въ своихъ ошибкахъ и никогда не отдавать справедливости своему противнику.

Судите сами.

Около двадцати лѣтъ тому назадъ онъ выступилъ противъ моей постановки вопроса и моихъ главныхъ выводовъ, и рѣшительнымъ тономъ говорилъ въ защиту Норманской теоріи вообще и тождества Варяговъ съ Русью въ частности, считая эту теорію прочно утвержденною на научныхъ *столпахъ*. (См. Жур. М. Н. Пр. 1875. Мартъ и Древ. и Нов. Рос. 1875. № 12). Въ послѣдующей полемикѣ онъ не разъ выступалъ также противъ моихъ главныхъ выводовъ, и еще въ 1888 году стоялъ за Скандинавское происхожденіе Руссовъ (Ж. М. Н. Пр. Сентябрь). А въ слѣдующемъ 1889 году, по

поводу житія св. Стефана Сурожскаго (Ж. М. Н. Пр. Май и Іюнь) вдругъ круто повернулъ въ мою сторону, и теперь повторяетъ мое самое главное положеніе, которое, какъ выше сказано, я считаю основою или корнемъ всего вопроса, т. е. что Русь была народомъ совершенно особымъ отъ Скандинавскихъ Варяговъ и при томъ туземнымъ, издревле обитавшимъ на Югѣ теперешней Россіи. Къ этому выводу привело его въ особенности изслѣдованіе о двухъ названныхъ житіяхъ. Но, дѣлая этотъ крутой поворотъ, онъ не только не оговариваетъ своего прежняго громко заявленнаго Норманофильскаго заблужденія и не только не сознается въ торжествѣ моего основнаго вывода, а еще находитъ возможнымъ упрекнуть меня въ томъ, что въ своихъ розысканіяхъ о началѣ Руси я только слегка коснулся означенныхъ двухъ нападеній Руссовъ, не опредѣляя въ точности ихъ время и склоняясь къ болѣе поздней эпохѣ, хотя при этомъ все таки замѣтилъ, что они „могли совершиться еще въ IX вѣкѣ“. Замѣчаніе это было мною сдѣлано тоже около двадцати лѣтъ тому назадъ, когда данныя житія еще не были никѣмъ достаточно обслѣдованы и когда мнѣнія о нихъ были разнорѣчивы, да и самые тексты еще не приведены въ полную извѣстность и не провѣрены. Любопытно, что за такое упущеніе лишняго аргумента, подтверждающаго мой главный выводъ, упрекаетъ меня не какой либо усердный мой послѣдователь, а мой отъявленный антагонистъ (хотя и невольный послѣдователь въ данномъ выводѣ). Да мало ли еще какія могутъ быть впереди изслѣдованія и поправки, которыя подтвердятъ и другіе мои главные выводы? Неужели это будетъ служить мнѣ не одобреніемъ, а упрекомъ? Не могъ же я одинъ обработать всѣ возможныя детали обширнаго и сложнаго вопроса о происхожденіи Русскаго государства. Если въ главныхъ чертахъ вопросъ поставленъ мною правильно, то все остальное постепенно распутается и разъяснится, что̀ уже и началось. Хотя на подобный упрекъ я уже отвѣчалъ г. Васильевскому (Рус. Вѣст. 1890. Январь), тѣмъ не менѣе со свойственнымъ ему упорствомъ онъ повторяетъ его теперь въ новомъ соединенномъ изданіи своихъ изслѣдованій о двухъ названныхъ житіяхъ (стр. V и CLVI). Упорство это доходитъ до того, что онъ, не смотря на мое указаніе, и въ новомъ изданіи повторяетъ такую грубую ошибку, какъ чтеніе одного мѣста въ договорѣ Игоря съ Греками безъ частицы *не*, откуда получается странный смыслъ: вмѣсто естественнаго условія не нападать на ихъ Корсунскую область, Греки будто бы наоборотъ позволяютъ Русскимъ „безпокоить Корсунь своими набѣгами“ (CLXXVII). Повторяются и обычныя фразы о моихъ „совсѣмъ особыхъ методахъ изслѣдованія“. (CLVI). Результаты однако показываютъ, что я съ своими особыми методами изслѣдованія пришелъ къ вѣрнымъ научнымъ выводамъ; а г. Васильевскому съ его методами приходится отступать отъ собственныхъ положеній передъ напоромъ моихъ аргументовъ; хотя, какъ я уже и прежде (въ помянутомъ отвѣтѣ) замѣтилъ—„онъ это дѣлаетъ съ соблюденіемъ военной тактики, т. е. отступаетъ постоянно отстрѣливаясь“.

Вообще полемическіе пріемы В. Г. Васильевскаго оставляютъ желать многаго и особенно страдаютъ обычною ему неточностію. Напримѣръ, онъ

обвиняетъ меня и Е. Е. Голубинскаго, по поводу бесѣды патріарха Фотія о нападеніи Руссовъ, введеніемъ въ изданный преосв. Порфиріемъ текстъ „Русскихъ молотильщиковъ“. (XXXVI). Относительно г. Голубинскаго указанъ томъ и страница, а обо мнѣ говорится голословно, и говорится напрасно; ибо я именно отвергъ этихъ молотильщиковъ, и у меня ихъ нѣтъ.

Не одни означенныя житія, изслѣдованныя моимъ противникомъ, подтверждаютъ вѣрность моего главнаго вывода (что Русь происхожденія туземнаго и притомъ Южнаго, а не Сѣвернаго въ Восточной Европѣ), а слѣдовательно и правильность моихъ методовъ. Ихъ все болѣе и болѣе подтверждаетъ почти каждое новооткрытое или новоисправленное историческое извѣстіе, относящееся къ той же эпохѣ. Таковы указанныя тѣмъ же В. Г. Васильевскимъ торговыя сношенія Русскаго Кіева съ Нѣмецкимъ Регенсбургомъ и Чешскою Прагою въ IX вѣкѣ. (Ж. М. Н. Пр. 1888. Іюль). Таково въ особенности свидѣтельство Арабскаго писателя Хордадбега о путешествіяхъ Русскихъ купцовъ не только Чернымъ моремъ въ Византію, но и Каспійскимъ моремъ въ мусульманскія страны, гдѣ они доходятъ до Багдада. Это свидѣтельство было извѣстно и прежде; но ради Норманской теоріи его относили къ концу IX вѣка. Въ послѣднее время Голландскій оріенталистъ Де-Гуе, на основаніи болѣе исправнаго текста, доказалъ, что его надобно отнести къ первой половинѣ IX вѣка. Этотъ текстъ подтверждаетъ мой главный выводъ не только о туземствѣ Руси, но также о ея Славянствѣ. Вторую половину этого вывода мой антагонистъ пытается отвергнуть.

Вотъ что́ говорится у Хордадбега:

„Что же касается *Русскихъ* (купцовъ)—*а они суть племя изъ Славянъ*—то они направляются изъ дальнѣйшихъ концовъ Саклаба“ (Славянскихъ странъ) и т. д. „Иногда они привозятъ свой товаръ на верблюдахъ изъ города Джурджана въ Багдадъ. *И евнухи Славянскіе служатъ имъ здѣсь переводчиками*“ (XXVIII стр. у г. Васильевскаго).

Хордадбегъ тутъ ясно и категорично причисляетъ Русь къ народамъ Славянскимъ или считаетъ ихъ соплеменниками. И если Славяне служили Русскимъ переводчиками, то очевидно языки ихъ были родственны и очень близки другъ къ другу. Нашъ противникъ высказываетъ иногда хорошія правила; но, къ сожалѣнію, онъ же самъ часто отъ нихъ отступаетъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ замѣчаетъ, что извѣстіе источника прежде всего надобно брать въ буквальномъ смыслѣ (CCXC); но это правило онъ прилагаетъ только тамъ, гдѣ такое извѣстіе не противорѣчитъ его излюбленнымъ теоріямъ, въ особенности его извѣстной славянобоязни. И вотъ, чтобы устранить непріятное ему свидѣтельство Хордадбега о славянствѣ Руссовъ, онъ позволяетъ себѣ пускается въ самыя произвольныя толкованія и пытается доказывать, что въ источникѣ тутъ *ошибка!* (CXXIX—CXXXI).

Аргументами противной стороны и новооткрытыми фактами постепенно вытѣсненный изъ Сѣверной или Нормано-Скандинавской позиціи и отброшенный на Югъ къ краямъ Припонтійскимъ, В. Г. Васильевскій продолжаетъ отчаянно защищать теорію не Славянскаго происхожденія Руси, и для того

ищетъ теперь спасенія въ теоріи Готскаго происхожденія (CCXCIX). Но никакихъ положительныхъ доказательствъ въ пользу этой теоріи онъ не представляетъ, да и представить не можетъ; ибо во всѣхъ источникахъ Русь и Готы упоминаются какъ два разные, отдѣльные народа и нигдѣ не смѣшиваются. Это такая же мертворожденная теорія какъ и хазарство Руси, проповѣданное покойнымъ Гедеоновымъ (а еще прежде Эверсомъ). Вся эта Готская теорія у моего противника зиждется только на одномъ отрицательномъ аргументѣ: Константинъ Багрянородный будто бы „рѣзко отличалъ Русскій языкъ отъ Славянскаго и Русь отъ Славянъ точно такъ же, какъ и наша первоначальная лѣтопись". (CCXCVI). Странно видѣть у почтеннаго ученаго такое неточное и произвольное отношеніе къ источникамъ. Лѣтопись прямо говоритъ: „а Словѣнескъ языкъ и Русскій одинъ". Что же касается Константина Б., то нашъ противникъ ссылается на пресловутую параллель *Русскихъ* и *Славянскихъ* названій для Днѣпровскихъ пороговъ. „Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ утверждать, что Русскія названія пороговъ у Константина суть названія тоже Славянскія, но только другаго нарѣчія"—говоритъ онъ. „Замѣчанія Погодина *о двухъ Славянскихъ языкахъ*, которые такимъ путемъ получатся, хотя и способны были разгнѣвать кое-кого, все-таки были справедливы и мѣтки" (т. же). Въ этомъ случаѣ опять мы видимъ обычное небрежное отношеніе нашего противника къ представленнымъ мною объясненіямъ или полное ихъ игнорированіе. Поэтому повторю вкратцѣ свое объясненіе.

Да, дѣйствительно тутъ дѣло идетъ о двухъ Славянскихъ языкахъ или точнѣе народностяхъ: одна параллель принадлежала Русскому племени, а другая, такъ называемая Славянская, Болгарскому. Мимоходомъ замѣчу, что Болгарская стихія въ этой второй параллели была указана мною же, и г. Васильевскій голословно повторяетъ мое указаніе безъ ссылки. А между тѣмъ оно было у меня связано съ моими доказательствами славянства самихъ Болгаръ и съ моимъ утвержденіемъ, что далеко не всѣ Гунно-болгарскія племена перешли на нижній Дунай и что часть ихъ осталась въ Южной Россіи (именно Угличи). Я объяснялъ, что Русская параллель древнѣе Славянской, что она отчасти могла перейти къ Руссамъ отъ предшествовавшихъ имъ мѣстныхъ обитателей и что Славянскія названія не во всѣхъ случаяхъ представляютъ переводъ Русскихъ, а только варіанты. И все-таки мы имѣемъ нѣсколько названій общихъ, каковы: *Есупи, Геландри и Струвунъ*. Послѣднее Русское названіе очевидно есть тоже, что Славянское *Островуни* или Островунь, хотя въ параллели они не стоятъ другъ противъ друга. Это указываетъ на то, что въ передачѣ Константина не только нѣкоторыя названія искажены, но и параллели перепутаны. Поэтому Русское *Варуфоросъ* мы также ставимъ противъ Славянскаго *Веручи* (Вручій); тамъ и здѣсь корень одинъ: врети или варити; то и другое означаетъ варовой (кипящій) порогъ. При семъ я указалъ и на то, что самый Днѣпръ по Іорнанду у Гунновъ назывался *Варъ*, а по Константину у Печенѣговъ *Варухъ* или *Варучъ* (Печенѣги, очевидно, это названіе усвоили отъ предшествовавшихъ туземцевъ). Русское слово *Аифаръ*, соотвѣтствующее Славянскому

Неясыть, насколько извѣстно, не встрѣчается ни въ Скандинавскомъ, ни въ Готскомъ языкахъ; оно могло дѣйствительно существовать въ древнемъ Русскомъ, но потомъ утратилось подобно многимъ другимъ (не было ли оно варіантомъ слова *Аистъ?*). Что нѣкоторыя названія пороговъ у Константина дошли до насъ въ искаженномъ видѣ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія: это доказываютъ неподдающіяся ни какимъ удовлетворительнымъ толкованіямъ Русское *Леанти* и Славянское *Напрези*; да и общее названіе *Есупи* (если вѣрно, что оно значило „не спи“) записано неточно, т. е. слѣдовало его написать *Несупи*. Извѣстно, что данная параллель въ наименованіи пороговъ приводится только одинъ разъ; мы не имѣемъ никакихъ средствъ провѣрить ее и во всѣхъ случаяхъ установить вѣрное произношеніе. А затѣмъ, если Русь употребляла какія-либо географическія названія, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, что *всѣ* эти названія должны быть объяснены изъ современнаго Русскаго языка. Возмемъ, напримѣръ, рѣку Днѣпръ, средоточіе древней Руси. Изъ Русско-славянскаго языка его названіе никто не объяснитъ. Точно также необъяснимы изъ сего языка Днѣпровскіе притоки, извѣстные съ древней эпохи, каковы: Сожъ, Сула, Самара, Ирпень, Ворскла и т. д., хотя намъ въ точности извѣстны ихъ правописаніе и произношеніе. А другіе, наоборотъ, объяснимы, каковы: Десна, Березина, Тетеревъ, Трубежъ и т. д. Равно и древнія имена пороговъ: одни могутъ быть объясняемы, а другіе при настоящихъ нашихъ средствахъ не могутъ; но это ни сколько не противорѣчитъ принадлежности Русскаго племени къ Славянской семьѣ.

Что когда-то у Русскихъ были нѣкоторыя географическія названія отличныя отъ другихъ Восточныхъ Славянъ, тому ясный слѣдъ сохранился въ нашей лѣтописи, и я на него тоже указывалъ: „И стояше на мѣстѣ нарицаемомъ Ерелъ, его же Русь зоветъ Уголъ“. Тутъ *Ерелъ* является не переводомъ Русскаго названія *Уголъ*, а его варіантомъ, и точно также отзывается формою Болгарскою. А относительно терминовъ *Русь* и *Славяне*, независимо отъ Византійскихъ и Арабскихъ извѣстій, и наши отечественные источники употребляютъ ихъ до XII или XIII вѣка. Такъ въ Русской Правдѣ отличаются *Русинъ* и *Словенинъ*, въ тѣсномъ смыслѣ Кіевлянинъ и Новгородецъ; но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что языкъ Кіевлянъ былъ совсѣмъ другой, чѣмъ Новгородцевъ. Я уже неоднократно объяснялъ, что названіе *Славяне* есть позднее названіе и что оно распространялось весьма постепенно на Славянскіе народы, преимущественно книжнымъ путемъ, вмѣстѣ съ Славянскою грамотою. Это названіе въ значеніи племенномъ въ источникахъ появляется только въ VI вѣкѣ, и не ранѣе V-го, въ формѣ *Склавины*. Въ IX и X вѣкахъ оно обнимаетъ уже большую часть Славянскихъ народностей, но не всѣхъ. Русь, какъ господствующій народъ надъ родственными ей племенами Восточной Европы, именно Славянами себя не называла и ревниво сохраняла свое собственное имя. Всѣ эти мои указанія г. Васильевскому, при его методахъ, угодно было игнорировать, потому что опровергнуть ихъ онъ не можетъ. Пусть онъ попробуетъ, напримѣръ, доказать, что въ VI

вѣкѣ Славянами или Склавинами источники называютъ какое-либо другое племя кромѣ того, которое занимало часть Иллиріи и Паннонiи, т. е. кромѣ Сербо-Хорвато-Славонцевъ.

Вообще любопытное явленіе представляетъ нашъ почтенный историкъ, пытающійся вполнѣ историческій вопросъ перенести на почву филологическую при помощи нѣсколькихъ собственныхъ именъ, тогда какъ разъясненіе подобныхъ именъ составляетъ самую слабую сторону филологической науки. А въ исторической наукѣ слабую сторону самого В. Г. Васильевскаго составляютъ аналогіи. Онъ пытается рѣшать историческіе вопросы безъ аналогій. Поэтому у него и выходятъ вещи въ научномъ смыслѣ невозможныя: какое нибудь сильное господствующее племя, въ родѣ Русскаго или Болгарскаго, вдругъ взяло да и перемѣнило свою собственную рѣчь на языкъ подчиненнаго племени, сравнительно слабаго и никакою высшею культурою не обладавшаго. Въ такомъ случаѣ развѣ мы не въ правѣ спросить: гдѣ же историческіе законы, гдѣ же историческая наука? Вѣдь работы надъ критическимъ сравненіемъ кодексовъ, тщательнымъ изданіемъ текстовъ, подборомъ цитатъ и всякаго рода комментаріевъ—все это работы пріуготовительныя, справочныя, болѣе или менѣе механическія. Все это прекрасно и полезно; но гдѣ же собственно историческая-то критика и научное историческое творчество, основанное на широкомъ сравнительномъ фундаментѣ? Этнографическія свидѣтельства источниковъ, конечно, не такъ многочисленны и большею частію не такъ категоричны какъ географическія, и потому требуютъ бо́льшаго напряженія мысли, болѣе критическаго такта и фактическихъ сопоставленій для рѣшенія вопроса, а простое отрицаніе только обличаетъ въ историкѣ пренебреженіе сими условіями. Съ другой стороны трудно и даже невозможно теперь ученому отвергать многія прямыя указанія источниковъ на туземство Руси и географическое пріуроченіе ея къ Азовско-Черноморскимъ краямъ. Вотъ почему г. Васильевскій уже не находитъ возможнымъ оспаривать долѣе этотъ фактъ, но онъ продолжаетъ отрицать мое отождествленіе Руси съ Роксоланами. А между тѣмъ оно само собою вытекаетъ изъ того же географическаго факта: тамъ, гдѣ обитали Роксолане, упоминаемые Греко-Латинскими писателями отъ I до VIII вѣка включительно, тамъ же въ IX вѣкѣ обозначается народъ Русь. А какъ ни оспаривайте голословно ихъ тождество, это названіе *Русь*, очевидно, составляетъ первую половину въ сложномъ названіи *Роксоланъ* (собственно Россоланъ). Да и самъ мой антагонистъ, констатируя тѣсное сосѣдство Россовъ и Аланъ въ Азовско-Черноморскомъ краѣ (см. II главу изслѣдованія о житіи св. Стефана), еще болѣе подтверждаетъ мое положеніе. Во всякомъ случаѣ это положеніе гораздо естественнѣе его совершенно - невѣроятнаго предположенія, что Русское названіе *Тмутаракань* (образованное изъ Греческаго *Таматарха*) родственно Готамъ-Тетракситамъ или, какъ онъ придумываетъ, *Тметракситамъ*. Научная невозможность такого словопроизводства была уже мною указана, но г. Васильевскій со свойственнымъ ему упорствомъ голословно повторяетъ свой домыселъ (CCXCIX). Тутъ же онъ пре-

дается и другимъ отчаяннымъ этимологическимъ толкованіямъ въ родѣ того, что „въ самыхъ звукахъ слова Тавроскиѳы есть элементы, изъ которыхъ въ народномъ Греческомъ языкѣ, столь склонномъ къ усѣченіямъ, могло выработаться названіе Росъ“. Слѣдовательно *Росъ*, по его мнѣнію, есть ничто иное какъ средній звукъ въ словѣ Тав-*рос*-киѳъ. Полагаю, что далѣе въ сферѣ этимологическихъ измышленій идти некуда. Уже одно то, что названіе Росъ или Русь есть чисто туземно-русское, а названіе этого народа Тавроскиѳами употреблялось въ книжномъ языкѣ Византійцами въ IX — XII вѣкахъ, дѣлаетъ такое измышленіе совершенно напраснымъ. Тогда и тождественное названіе нѣкоторыхъ рѣкъ Восточной Европы, напримѣръ Росъ, впадающая въ Днѣпръ, окажется не туземнымъ, а навязаннымъ намъ тоже Греками. Увлекаясь теперь Готскимъ происхожденіемъ Руси, г. Васильевскій толкуетъ, будто названіе Тавроскиѳы именно означало Готовъ; такъ какъ „у Римскихъ и Греческихъ писателей III и IV вѣковъ по Р. Х. Скиѳами назывались Готы“ (CCXCVIII). Въ томъ-то и дѣло, что въ III и IV вѣкахъ; а писатели Византійскіе IX—XII вѣковъ Скиѳами называли совсѣмъ другіе народы. Историку-византинисту это подобаетъ хорошо знать.

Кстати о Тмутараканскомъ княжествѣ или Русской Таврическо-Таманской области. Въ своихъ изысканіяхъ я посвятилъ много вниманія этой области; указалъ на нее какъ на древнюю составную часть Русскихъ владѣній; опредѣлилъ, что извѣстіе Ибнъ-Хаукала о третьей Руси *Артанія* (первая Куява, вторая Славія) относится именно къ Тмутаракани, и прослѣдилъ судьбы этого Русскаго княжества отъ половины X вѣка почти до конца XI. Около полутораста лѣтъ Тмутараканскій край находился во владѣніи Русскихъ князей по несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ; а, благодаря означеннымъ выше двумъ житіямъ, извѣстію о Русскихъ письменахъ въ житіи св. Кирилла и нѣкоторымъ другимъ даннымъ, начало Русскаго княжества, смѣнившаго собою Хазарское владычество въ томъ краѣ, можетъ быть отодвинуто въ IX и даже въ VIII вѣкъ. Слѣдовательно мы получаемъ почти трехвѣковое существованіе Русскаго господства въ Керченско-Таманскомъ краю. Что же дѣлаетъ г. Васильевскій въ данномъ своемъ изслѣдованіи? Онъ совершенно игнорируетъ Русскій періодъ въ исторіи этого края; Хазарское владычество здѣсь смѣняетъ прямо Византійскимъ (CLXXII), и вообще находитъ присутствіе всѣхъ возможныхъ народовъ въ той странѣ, только не Славянской Руси! [1]).

Но какъ бы непріязненно В. Г. Васильевскій ни относился къ моимъ изысканіямъ въ вопросѣ о происхожденіи Руси, я все-таки долженъ повто-

[1]) Вообще въ данной книгѣ мы встрѣчаемъ многочисленные примѣры игнорированія моихъ изысканій, или по духу противорѣчія, или просто по небрежности и забывчивости. Укажу еще на городъ Саркелъ, котораго положеніе опредѣлено мною на переволокѣ между Дономъ и Волгою. В. Г. Васильевскій тѣмъ не менѣе помѣщаетъ его на устьяхъ Дона (CXXII), и не замѣчаетъ своего разногласія хотя бы съ Константиномъ Багрянородным, который говоритъ, что „Танаисъ течетъ отъ Саркела“. Неужели это извѣстіе онъ понимаетъ такъ, что Танаисъ течетъ съ низу въ верхъ?

рить ему мою усердную благодарность за то, что онъ много помогалъ двигать впередъ этотъ вопросъ и все болѣе и болѣе его разъяснять. Послѣ того какъ скончался Погодинъ и замолчалъ А. А. Куникъ, это единственный ученый, который работаетъ надъ вопросомъ и даетъ мнѣ возможность углубляться въ него хотя бы и вслѣдствіе нашихъ съ нимъ разногласій. Есть другіе ученые, которые печатно высказывали или высказываютъ свое несогласіе со мною, но какъ-то мимоходомъ, голословно, не входя въ разборъ аргументовъ, а потому не представляя почти никакого матеріала для научной полемики или просто для научной бесѣды.

Данный трудъ моего антагониста о двухъ житіяхъ, кромѣ подтвержденія моего главнаго положенія (объ исконномъ существованіи Руси въ краяхъ Азовско-Черноморскихъ) представляетъ возможность удовлетворительнѣе объяснить одно извѣстіе нашей лѣтописи, которое доселѣ оставалось труднообъяснимымъ. А именно, извѣстіе о Варяжскомъ и вмѣстѣ христіанскомъ отрокѣ, на котораго въ Кіевѣ палъ жребій быть принесеннымъ въ жертву языческимъ богамъ. Я пытался предполагать тутъ искаженіе первоначальнаго текста, т. е. замѣну Русина Варягомъ, сдѣланную подъ вліяніемъ уже происшедшаго въ лѣтописи смѣшенія этихъ двухъ разныхъ народностей. Но Греческій текстъ житія Георгія Амастридскаго бросаетъ лучъ свѣта на сіе мѣсто лѣтописи. По поводу нападенія Руссовъ на Амастриду, житіе, описывая ихъ грубые звѣрскіе нравы, между прочимъ указываетъ на сохранявшійся у нихъ древній Таврическій обычай *ксеноктоніи*, т. е. закаланія иностранцевъ въ жертву своимъ богамъ. А Таврическая ксеноктонія, извѣстная изъ исторіи Ифигеніи, именно требовала дѣвицъ и дѣвственныхъ юношей. В. Г. Васильевскій самъ сближаетъ этотъ фактъ со словами нашей лѣтописи: „мечемъ жребій на отрока и на дѣвицу, на кого же падетъ того зарѣжемъ богамъ“. (CL). Хотя при семъ онъ говоритъ, что этотъ обычай „былъ не чуждъ и Германскимъ племенамъ“, имѣя въ виду конечно излюбленныхъ теперь Готовъ; но мы позволяемъ себѣ сблизить эти два извѣстія въ прямомъ ихъ смыслѣ, и получаемъ довольно достовѣрное объясненіе тому факту, что Кіевляне въ данномъ случаѣ хотѣли принести въ жертву именно не своего, не Русскаго отрока, а Варяжскаго, т. е. иноземнаго. Что Варяги въ это время жили въ Кіевѣ, пришедши туда въ качествѣ наемныхъ дружинниковъ или гостей-торговцевъ, и что нѣкоторые изъ нихъ могли быть уже христіанами—о томъ едва ли возможенъ споръ.

Покончивъ съ изслѣдованіями В. Г. Васильевскаго, скажу нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ выше помянутыхъ ученыхъ, которые голословно не соглашаются съ моими изысканіями или просто ихъ игнорируютъ и продолжаютъ преспокойно толковать о призваніи Варяго-Русскихъ князей какъ о началѣ Русскаго государства и Русской націи.

Нѣмецкіе и Западно-Европейскіе историки въ особенности упорствуютъ въ своей отсталости относительно даннаго вопроса, и даже тѣ изъ нихъ, которые извѣстны нѣкоторыми спеціальными трудами по Русской исторіи. Въ

ихъ числѣ находится талантливый Французскій писатель Альфредъ Рамбо, авторъ Французскаго учебника Русской Исторіи. Въ настоящее время издается многотомная Histoire générale du IV siècle à nos jours подъ редакціей Рамбо и Лависъ. И что же мы тамъ находимъ? Начальное славянство вообще изображается по Шафарику; Болгары все еще, по Нѣмецкому и Шафарикову домыслу, выдаются за Туранцевъ; а происхожденіе Руси связано все съ тою же баснею о призваніи небывалыхъ Варяго-Руссовъ. Авторъ сего изданія (Е. Дени) очевидно не имѣетъ никакого понятія о новыхъ изслѣдованіяхъ Русскихъ ученыхъ; а, судя по его библіографіи, онъ руководствовался жалкой Нѣмецкой компиляціей Шпмана въ извѣстной коллекціи Онкена, тенденціозной брошюрой Томсена „о происхожденіи Русскаго государства“ въ Нѣмецкомъ переводѣ и означеннымъ учебникомъ самого Рамбо, который явился безусловнымъ послѣдователемъ лжетолкованій Норманской школы. Нѣтъ сомнѣнія, что невѣдѣніе по даннымъ вопросамъ еще долго будетъ царить въ западной исторіографіи, благодаря въ особенности пристрастному къ нимъ отношенію Нѣмцевъ.

Но можно ли строго укорять иностранныхъ писателей за незнаніе новыхъ изслѣдованій о началѣ Руси, когда наши отечественные ученые отличаются тѣмъ же незнаніемъ или отрицательнымъ къ нимъ отношеніемъ? Въ прошлыхъ своихъ статьяхъ объ этомъ предметѣ я указывалъ на нѣкоторыхъ выдающихся Русскихъ ученыхъ и профессоровъ, упорствующихъ въ своемъ слѣпомъ норманизмѣ. Въ числѣ ихъ встрѣчаются и такіе почтеннѣйшіе спеціалисты собственно по исторіи Русской церкви, какъ профессора Духовныхъ Академій, Московской и Кіевской, Е. Е. Голубинскій и И. И. Малышевскій. Въ настоящей своей статьѣ укажу на таковыхъ же спеціалистовъ по исторіи Русскаго права.

Судя по изданнымъ профессорскимъ курсамъ этого права, только А. В. Романовичъ-Славатинскій съ свойственной ему рѣшительностію говоритъ о призваніи Варяго-Русскихъ князей какъ о *легендѣ*. („Система Русскаго госуд. права въ его историко-догматич. развитіи“. Ч. I. Кіевъ. 1886. Стр. 40—41). Но и онъ не имѣлъ мужества сослаться при семъ на мои изслѣдованія; ибо, сколько мнѣ извѣстно, ранѣе меня никто собственно не доказывалъ легендарный характеръ сказанія о призваніи. Пресловутая скептическая школа Каченовскаго вообще оспаривала достовѣрность нашей начальной лѣтописи, а собственно надъ Варяго-Русскимъ вопросомъ она не останавливалась. Я же наоборотъ сей достовѣрности вообще нисколько не отрицаю, а только отрицаю достовѣрность даннаго сказанія, которое соотвѣтствуетъ такимъ же легендарнымъ сказаніямъ о началѣ государства у нѣкоторыхъ другихъ народовъ.

За этимъ небольшимъ исключеніемъ, наши историко-юристы обыкновенно игнорируютъ новую постановку вопроса и продолжаютъ стоять на баснословномъ, невозможномъ происхожденіи Русскаго государства и антинаучномъ смѣшеніи Руси съ Варягами. Для образца укажу на курсы двухъ достоуважаемыхъ профессоровъ Петербургскаго и Кіевскаго университета, М.

Ф. Владимирскаго-Буданова и В. И. Сергѣевича. Первый курсъ, озаглавленный „Обзоръ Исторіи Русскаго права“ (Кіевъ. 1886), безъ всякой критики питуетъ и принимаетъ за историческіе факты всѣ домыслы и сужденія лѣтописца объ отдаленномъ для него времени, и голословно повторяетъ басню о призваніи Варяго-Русскихъ князей; но въ тоже время признаетъ, что князья на Руси уже существовали до призванія и что „князья-варяги застали вездѣ готовый государственный строй“. (4) Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же ихъ призывали? Вообще весь древнѣйшій періодъ въ этомъ курсѣ построенъ на разныхъ фразахъ лѣтописца, подчасъ весьма легковѣрнаго, какъ на какихъ то математическихъ данныхъ. Отсюда нерѣдки чисто фактическія ошибки. Напримѣръ, началомъ замѣны мѣстныхъ князей Рюриковичами считается призваніе Владимира въ Новгородъ (5). Между тѣмъ въ Новгородѣ сидѣлъ удѣльнымъ княземъ еще отецъ Владимира Святославъ при жизни своего отца Игоря великаго князя Кіевскаго (Извѣстіе о томъ у Конст. Б.) Первое Кіевское поселеніе будто бы было на горѣ, а не на Подолѣ (7), тогда какъ археологическія изысканія доказываютъ противное. Будто существовала какая-то родовая община *Увѣтичи* (3); тогда какъ въ лѣтописи здѣсь несомнѣнное искаженіе; первоначально стояло „у Витичева“ (дѣло идетъ о съѣздѣ князей); а малограмотный списатель сдѣлалъ изъ сего небывалыя *Увѣтичи*. (См. моей „Исторіи Россіи т. I, прим. 47). Это именно одинъ изъ тѣхъ примѣровъ порчи первоначальнаго лѣтописнаго текста, которые наглядно подтверждаютъ мой выводъ, что въ сказаніи о призваніи стояло: послаша или рѣша „къ Варягомъ *Русь*, Чудь, Словени, Кривичи“ и пр. А переписчики потомъ совершенно исказили текстъ одной только замѣной буквы ѣ въ *и*. Такимъ образомъ явилось чтеніе: „послаша къ Варягомъ *Руси* Чудь, Словени, Кривичи и пр. Откуда и произошелъ небывалый народъ Варяги-Русь.

Такое же полное игнорированіе моихъ изслѣдованій находимъ и у В. И. Сергѣевича, какъ въ его „лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по исторіи Русскаго права“ (Спб. 1883), такъ и въ его „Русскихъ юридическихъ древностяхъ“. (Доселѣ два выпуска. Спб. 1890—1893). Второй трудъ составляетъ въ сущности переработку перваго, и такъ какъ онъ позднѣйшій, выражающій настоящіе историко-юридическіе взгляды и выводы автора, то мы остановимся на немъ по преимуществу.

Авторъ „Русскихъ юридическихъ древностей“, подобно предыдущему, беретъ на вѣру разныя фразы изъ начальныхъ страницъ лѣтописи какъ будто какія нибудь данныя математически точныя, и на нихъ строитъ свои положенія о древнѣйшемъ періодѣ; исходнымъ пунктомъ у него также служитъ баснословное извѣстіе о призваніи Варяжскихъ князей. Таковы, напримѣръ, его разсужденія или точнѣе домыслы о началѣ и составѣ Русскихъ городовъ, объ отношеніи къ нимъ пригородовъ и волостей; причемъ не только Псковъ, но и Ростовъ Великій у него является пригородомъ Новгорода, присоединеннымъ къ нему вмѣстѣ съ Полоцкомъ при Рюрикѣ; на Новгородъ Великій будто бы не простиралась власть Олега, потому что онъ не упомянутъ въ Олговомъ договорѣ (4 - 17). А между тѣмъ лѣтопись ясно гово-

ритъ, что Олегъ „устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля еже до смерти Ярославле даяше Варягомъ“; что по моему объясненію указываетъ на содержаніе въ Новгородѣ Варяжской наемной дружины, которую дѣйствительно мы тамъ находимъ при Владимирѣ и Ярославѣ. Слѣдовательно о неподчиненіи Новгорода Олегу и рѣчи быть не можетъ. Вотъ эта-то наемная Варяжская дружина, вмѣстѣ съ родственными связями Русскихъ и Скандинавскихъ князей, по моему крайнему разумѣнію, и послужила поводомъ къ позднѣйшему домыслу о дани, платимой Варягамъ, и о призваніи Варяжскихъ князей Новогородцами.

Далѣе г. Сергѣевичъ, говоря о распространеніи названія Русь на Русскія области отъ небывалыхъ Варяго-Руссовъ, повторяетъ опять лѣтописную путаницу, происшедшую отъ искаженія первоначальнаго текста, о которомъ онъ повидимому никогда и не слыхивалъ. „Этихъ Варяговъ, замѣчаетъ авторъ, лѣтописецъ называетъ Русью. Провѣрить его въ этомъ пунктѣ до сихъ поръ не удалось еще нашимъ ученымъ“. „Вопросъ о Варягахъ-Руси вызвалъ весьма обширную литературу, представляющую много поучительнаго. Но для юридическихъ древностей онъ имѣетъ слишкомъ отдаленное значеніе“. А далѣе авторъ какъ бы несогласенъ съ лѣтописью и предлагаетъ собственный домыселъ о томъ, что имя Русь распространилось изъ Кіева, и другія Славянскія племена приняли его „вслѣдъ за распространеніемъ книжнаго просвѣщенія“, „знакомясь съ содержаніемъ Кіевской литературы“. (85—88). Эти страницы подтверждаютъ, что автору Юридическихъ древностей и въ 1890—93 годахъ все еще оставались неизвѣстными (по содержанію, а не по имени) не только мои изслѣдованія, но и вышеуказанныя изслѣдованія В. Г. Васильевскаго; иначе онъ могъ бы легко очертить взаимное отношеніе такихъ двухъ различныхъ народностей какъ Варяги и Русь, не прибѣгая къ собственному домыслу о столь великой роли Кіевской литературы (т. е Славянской же письменности) въ распространеніи имени Русь; а также ему тогда не пришлось бы утверждать, будто провѣрить лѣтопись въ этомъ пунктѣ еще не удалось нашимъ ученымъ. Въ дѣйствительности эта провѣрка уже сдѣлана и сказала свое рѣшительное, безповоротное слово.

Невозможно также согласиться и съ тѣмъ, будто сей вопросъ имѣетъ слишкомъ отдаленное значеніе для юридическихъ древностей. Напротивъ, имѣетъ очень близкое значеніе, и потому точное знакомство съ нимъ обязательно для историка-юриста. Возьмемъ, напримѣръ, договоры Руси съ Греками въ X столѣтіи. Объ этихъ договорахъ г. Сергѣевичъ довольно пространно толкуетъ въ своихъ „Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ“. Но тутъ очевидно его путаютъ два обстоятельства: во-первыхъ онъ не подозрѣваетъ существованія такихъ же договоровъ еще въ первой половинѣ IX вѣка; а во-вторыхъ ему какъ бы неизвѣстны давнишнія сосѣдскія отношенія Грековъ съ Русью въ краяхъ Азовско-Черноморскихъ. Затѣмъ, если бы авторъ не по слуху только, а фактически ознакомился съ новою постановкою вопроса о происхожденіи Русскаго государства, то онъ не пришелъ бы къ слѣдующему положенію: „Древняя Россія не знала сословій. Они народились

только въ Московскую эпоху; во времена предшествовавшія можно наблюдать лишь слабые ихъ зародыши". (Рус. Юрид. Древ. I. 161). Возьмемъ хотя бы боярство. Уже съ самаго начала Русской Исторіи оно является сложившимся, ясно очерченнымъ и притомъ чисто Русскимъ, туземнымъ (а не пришлымъ изъ-за моря) землевладѣльческимъ сословіемъ. Попасть въ это сословіе простолюдину или смерду было трудно; по крайней мѣрѣ, до XII столѣтія мы можемъ указать только одинъ случай, да и то основанный на лѣтописномъ преданіи, именно о Янѣ Усмовичѣ. (См. моей „Исторіи Россіи" т. I, ч. 2, стр. 295). Вообще у нашихъ историковъ-юристовъ совсѣмъ игнорируется роль Русскихъ дружинъ при основаніи Русскаго государства. Эти дружины, выходившія изъ сильнаго Славянорусскаго племени, жившаго въ данную эпоху по преимуществу на среднемъ Днѣпрѣ, оружіемъ объединили большую часть Восточной Европы подъ властію своего княжескаго рода, сидѣвшаго въ Кіевѣ; онѣ то и составили высшій классъ населенія въ подчиненныхъ областяхъ, слившись съ верхними слоями мѣстныхъ обитателей. Далѣе В. И. Сергѣевичъ, при помянутомъ выше условіи, не тратилъ бы много времени и мѣста на разсужденія о родовомъ или патріархальномъ бытѣ, черезъ стадію котораго будто бы „прошли всѣ культурные народы". Онъ разсуждаетъ собственно о теоріи родоваго быта, какою она является въ Исторіи покойнаго С. М. Соловьева, съ которымъ по сему поводу вступаетъ въ полемику. Но такъ же какъ и Соловьевъ, авторъ смѣшиваетъ княжескіе родовые счеты съ родовымъ бытомъ вообще; а относительно княжескихъ счетовъ большею частію не правъ въ данной своей полемикѣ. Причемъ онъ напрасно языческую эпоху смѣшиваетъ съ христіанской, и всѣ лѣтописныя фразы, относящіяся къ языческой эпохѣ, также принимаетъ какъ бы за математическія данныя. (Рус. Юр. Др. II. Послѣдня глава и предыдущая).

Я не могу пожаловаться на то, что бы достоуважаемый В. И. Сергѣевичъ былъ незнакомъ съ моей „Исторіей Россіи" вообще. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ журналѣ „Новь" я встрѣтилъ его указаніе на два или на три мелкихъ недосмотра, которые онъ отыскалъ въ моемъ трудѣ. Но очевидно онъ только и читалъ его съ этою цѣлью, и потому не воспользовался имъ, что бы въ свою очередь самому избѣжать разныхъ недосмотровъ. Кромѣ указанныхъ сейчасъ невѣрно поставленныхъ основныхъ пунктовъ Русской государственной жизни, онъ и въ дальнѣйшихъ эпохахъ представляетъ нѣсколько ошибочныхъ положеній и сужденій. Приведу примѣры.

„Древнѣйшія указанія на окольничихъ относятся къ первой половинѣ XIV вѣка" (Р. Юр. Древ. I. 385). Нѣтъ, окольничій упоминается уже въ XIII вѣкѣ, именно въ Смоленскѣ. (См. прим. 78 ко II т. моей „Исторіи Россіи"). Въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ этого званія у него обозначены двѣ спеціальности окольничаго: 1, ѣхать передъ государемъ и устроивать все необходимое въ пути; 2, представлять государю иностранныхъ пословъ. Но пропущено третье ихъ назначеніе, участіе въ судѣ; на что указываетъ Судебникъ 1497 г. онъ былъ изданъ для руководства „какъ судить боярамъ и

окольничимъ". (У меня ibid. стр. 522). Подобная же ошибка на цѣлое столѣтіе встрѣчается относительно стряпчихъ. „Но въ памятникахъ XVII вѣка, изъ которыхъ мы только и узнаемъ о стряпчихъ, они уже такъ не называются" (Р. Ю. Др. I. 464). Стряпчіе упоминаются съ XVI вѣка. (См. у меня къ т. III. Прим. 74. Кромѣ того Древ. Рос. Вивл. XIII. 39). Несовсѣмъ вѣрно г. Сергѣевичъ объясняетъ дѣло о Псковскихъ смердахъ, о которомъ отрывочно и довольно невразумительно говорятъ Псковскія лѣтописи подъ 1484—1486 гг. Авторъ усмотрѣлъ тутъ цѣлую аграрную революцію, а подъ „обидными людьми" разумѣетъ „землевладѣльцевъ, на земляхъ которыхъ сидѣли смерды". (Р. Ю. Др. I. 167—169). Никакой аграрной ни „революціи", ни „реформы" въ этомъ дѣлѣ не заключается, а „обидные люди" означаютъ жалобщиковъ. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы освободить смердовъ отъ нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей и даней государю Пскову и сохранить только дани Псковскому князю. (См. моей „Исторіи Россіи". т. II. 481—482 и проф. Никитскаго „Очеркъ внутренней Исторіи Пскова". гл. IV).

Ограничусь приведенными сейчасъ указаніями, сдѣланными только для примѣра, и не буду перечислять разныхъ другихъ спорныхъ пунктовъ, касающихся въ особенности княжеской власти и вѣчевыхъ порядковъ (2-й выпускъ). Это могло бы составить предметъ особаго разбора *). Перейду прямо къ общему заключенію по поводу даннаго труда, далеко еще незаконченнаго.

Какъ ни почтененъ этотъ трудъ, т. е. „Русскія юридическія древности"; но надобно признаться, что онъ былъ бы еще почтеннѣе, если бы явился на свѣтъ въ нѣсколько иной формѣ. Вмѣсто подражанія несовсѣмъ удобной системѣ Якова Грима въ его **Deutsche Rechtsalterthümer** лучше было бы взять за образецъ книгу Шерюэля **Dictionnaire Historique des institutions, moeurs et coutumes de la France**, только сузивъ его слишкомъ широкую программу и сосредоточивъ свою работу на извѣстныхъ сторонахъ государственнаго и общественнаго быта. Я разумѣю *словарь* Русскихъ юридическихъ древностей. Вотъ въ чемъ чувствуется у насъ настоятельная потребность. Задача справочной книги конечно потребовала бы и болѣе строгой системы и болѣе тщательной обработки; съ ней былъ бы несовмѣстимъ многословный, расплывчатый характеръ лекцій или очерковъ при ихъ неравномѣрномъ и довольно случайномъ распредѣленіи матеріала. Но зато польза была бы несравненно бо́льшая. Главною или центральною эпохою для такого словаря конечно должны быть взяты XV, XVI и XVII вѣка, т. е. періодъ Московской Руси, со всѣми административными, судебными и экономическими терминами того времени. По возможности точное, сжатое опредѣленіе ихъ, подкрѣпленное гдѣ нужно избранными цитатами изъ источни-

*) Впрочемъ не было недостатка въ критическихъ разборахъ на эту часть Юридич. древностей, когда она болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ впервые появилась въ формѣ магистерской диссертаціи подъ заглавіемъ: „Вѣче и князь." Москва. 1867 г. Особенно заслуживаютъ вниманія рецензіи профессс. Градовскаго и Самоквасова. Но В. И. Сергѣевичъ, перерабатывая и вновь издавая свою диссертацію, слишкомъ мало воспользовался ихъ указаніями.

ковъ и снабженное указаніями на первоисточники и пособія—вотъ въ чемъ должна состоять основная задача подобнаго словаря. Полагаю, Русская историко-юридическая наука достаточно созрѣла и накопила столько матеріала, что можетъ смѣло предпринять составленіе подобной справочной книги. Поэтому нѣтъ даже особой нужды, чтобы какой либо ученый на одного себя взялъ исполненіе задачи. Если онъ станетъ во главѣ этого дѣла, опираясь на собственные труды, и возьметъ на себя руководительство и редакціонную часть, то болѣе или менѣе подходящіе сотрудники конечно найдутся. Кому же какъ не В. И. Сергѣевичу, съ его многочисленными товарищами и учениками, подобаетъ предпринять такое въ высшей степени полезное изданіе. А что онъ сдѣлалъ бы для Московской или Сѣверовосточной Руси, тоже самое лучше всего могъ бы совершить М. Ф. Владимирскій-Будановъ, со своими товарищами и учениками, для Руси Литовской или Югозападной, надъ которою онъ уже въ значительной степени потрудился.

Этимъ pium desiderium я закончу свои настоящія замѣтки.

Д. Иловайскій.

Декабрь 1894 г.

ДѢЛО ВЕНГЕРСКОЕ.

Скоро минетъ полстолѣтія со времени окончанія Венгерской войны, въ которой приняла участіе Россія для того, чтобы спасти Австрію. Въ этой войнѣ принимали участіе Донскіе полки и батареи, находясь подъ главнымъ начальствомъ фельдмаршала Паскевича. Въ числѣ этихъ Донскихъ силъ былъ № 45, полковника Якова Иванова Сычова. Полкъ этотъ находился въ отдѣльномъ отрядѣ генералъ-адъютанта П. Х. Граббе, на котораго возложено было охраненіе горныхъ городовъ Венгріи и западной Галиціи отъ вторженія туда инсургентовъ. Когда этотъ отрядъ находился недалеко отъ города Лоссонжа (Lossoncz), то отрядный начальникъ получилъ извѣстіе, что квартировавшая тамъ команда изъ Русскихъ офицеровъ и солдатъ, возвращавшаяся изъ Краковскаго госпиталя въ свои полки и команды, была перерѣзана инсургентами, которыхъ туда, будто-бы, призвали городскіе жители. Отрядъ направился наказать предательство и подступилъ къ Лоссонжу, который генералъ Граббе предполагалъ наказать; но фельдмаршалъ остановилъ это распоряженіе. Городъ однако сгорѣлъ; но сами ли разбѣжавшіеся жители зажгли его или это произвели ворвавшіеся туда солдаты и казаки— вопросъ не рѣшенный. Въ Лоссонжѣ былъ домъ графини Паулины Силаши (урожденной Фрейбургъ), изъ котораго исчезло много цѣнныхъ вещей, неизвѣстно куда подѣвшихся. Владѣтельница замка, жена императорско-королевскаго намѣстническаго совѣтника Іосифа Фонъ-Силаши, бывшаго въ ту пору въ отпускѣ, обратилась къ отрядному начальнику съ просьбой помочь ей въ отысканіи разграбленнаго имущества, и это ходатайство было причиною, что недостойное дѣло всплыло наружу. Обвиненіе пало на казаковъ Сычова полка, будто-бы похитившихъ всѣ драгоцѣнности Силаши и разгромившихъ ея замокъ. Происшествіе это въ скорости стало извѣстно на Дону, особенно въ Новочеркасскѣ, гдѣ о немъ разсказывалось на разные лады. Когда-же, по окончаніи войны, 45-й полкъ возвратился домой, то разсказы объ этомъ грабежѣ получили легендарный характеръ, благодаря отсутствію гласности и таинственности, которая окутывала въ ту пору всякое канце-

лярское производство. Разсказы о брилліантахъ разныхъ цвѣтовъ и размѣровъ, жемчугахъ, золотыхъ и серебряныхъ вещахъ и даже бархатныхъ, шитыхъ золотомъ, тканяхъ, появившихся въ Новочеркасскѣ и открыто употребляемыхъ, до того были подробны и съ виду вѣроятны, такъ какъ исходили изъ устъ очевидцевъ, что сомнѣваться въ ихъ справедливости было невозможно. Происхожденіе этихъ сокровищъ было относимо къ тому Венгерскому замку, который ограбленъ казаками Сычова полка. Хотя не съ такою свѣжестью и увлеченіемъ и не такъ часто, но все же довольно ярко сказанія эти, отъ времени до времени, повторяются до сихъ поръ, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ почти полвѣка прошло, такъ онѣ тревожны для общественной совѣсти Донскаго населенія, возмущенной грязнымъ дѣломъ, не разъясненнымъ до сихъ поръ. Мы не намѣрены брать на себя обязанность выяснить истину дѣла и найти виновниковъ преступленія, такъ какъ многія обстоятельства покуда скрыты отъ публики; но, имѣя подъ руками нѣкоторые относящіеся сюда матеріалы, а главное—разсказы служившихъ въ 45 полку во время Венгерской кампаніи, можемъ дать хотя нѣкоторое освѣщеніе этому темному дѣлу, служащему тяжелымъ укоромъ.....прошедшему времени, до-реформеннымъ служебнымъ порядкамъ, тогдашней военной администраціи и военнымъ судамъ.

Въ записной книжкѣ графа П. Х. Граббе (бывшаго впослѣдствіи наказнымъ, а потомъ войсковымъ атаманомъ Войска Донскаго), напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ» 1888 и 1889 годовъ, находимъ указанія, относящіяся къ разграбленію дома графини Силаши. Подъ 22 Іюля 1849 года, между прочимъ, значится: «Предательское нападеніе въ Лоссонжѣ на команду выздоровѣвшихъ, изъ Кракова ко мнѣ отправленныхъ; 8 офицеровъ убито и взято въ плѣнъ. Надъ этимъ городомъ виситъ строгая кара; иду на него». Далѣе, подъ 27 Іюля: «Жители преступнаго города бѣжали. Депутацію, недостойную, по своему составу, пріема, отослалъ. Я приказалъ объявить остальнымъ жителямъ, что въ открытыхъ лавкахъ будутъ покупать, запертыя взламывать и брать все даромъ. Городъ назначался къ сожженію, но ночью пріѣхалъ штабсъ-капитанъ Нестеровъ съ предписаніемъ фельдмаршала, который другаго мнѣнія. Тѣмъ лучше. Глупая угроза фельдмаршала. Посмотримъ. День роковой. Я вовсе не имѣлъ намѣренія сжечь городъ, но страшное зарево пожара у меня теперь передъ глазами. Судьба его постигла. Кто зажегъ, неизвѣстно. Видѣли, увѣряютъ, жителей, которые сами бросали огонь въ дома. Солдатъ предпочитаетъ добычу, и батальонъ стоялъ на площади. Но есть и между ними бѣшеные, были и пьяные. Да будетъ воля Его! Для меня это—тяжкій день. Онъ вѣроятно не останется безъ непріятныхъ послѣдствій. До пожара я ѣздилъ

въ городъ, замѣтилъ безпорядокъ, далъ начальникамъ приказаніе прекратить и унять его, но предчувствовалъ случившееся». За симъ, подъ 2 Августа того-же года, въ томъ-же дневникѣ записано: «Постыдное дѣло въ казачьемъ полку. Похищенные брилліанты. Сегодня нарядилъ слѣдствіе, презусомъ г.-м. Быковскаго. Примѣръ необходимъ».

Постыдное дѣло это, постыдно начавшееся, постыдно продолжавшееся въ судебной волокитѣ пять съ половиною лѣтъ, ничѣмъ не кончавшееся, а всемилостивѣйшимъ манифестомъ императора Александра Николаевича въ 1855 году прекращенное, стоило, однако, жизни сотнику Галдину и уряднику Тимкову. Но не будемъ предупреждать показаній, заключающихся въ матеріалахъ, добытыхъ нами изъ записокъ частныхъ лицъ и устныхъ разсказовъ людей, близко знакомыхъ съ дѣломъ.

Въ ночь съ 27 на 28 Іюля 1849 года загорѣлся городъ Лоссонжъ, по близкому сосѣдству съ которымъ стоялъ барскій домъ (нѣчто въ родѣ замка) графини Силаши, требовавшей отъ начальника Русскаго отряда людей для спасенія ея имущества. Помощь ей немедленно была оказана и состояла въ посылкѣ въ ея распоряженіе нѣсколькихъ солдатъ и казаковъ подъ начальствомъ уланскаго офицера Богдановича. Команда эта, забравъ изъ дома Силаши все, что̀ было возможно, доставила разныя вещи къ начальнику отряда, который и передалъ ихъ по принадлежности. Одинъ изъ казаковъ, Бударинъ, возвратившись изъ этой командировки, разсказалъ уряднику своего № 45-го Сычова полка Тимкову, что онъ, Бударинъ, сквозь запертую стеклянную дверь, видѣлъ, будто-бы въ домѣ Силаши осталась одна комната, наполненная разными драгоцѣнностями, куда онъ не ходилъ, и предложилъ Тимкову, воспользовавшись пожарнымъ сполохомъ, отправиться туда ночью и поживиться. Но такъ какъ безъ разрѣшенія начальства этого было сдѣлать невозможно, то Тимковъ пошелъ за этимъ разрѣшеніемъ къ сотенному командиру Галдину и, не дойдя до него, встрѣтилъ полковника Сычова, которому и передалъ разсказъ, слышанный отъ Бударина. Полковникъ ему на это, по началу, ничего не отвѣчалъ; но когда Тимковъ отошелъ отъ него на нѣкоторое разстояніе, то Сычовъ возвратилъ-де его къ себѣ и приказалъ ему, взявъ съ собою казаковъ, бывшихъ въ домѣ Силаши, Бударина, Аксенова, Калмыкова и Кирсанова, отправиться въ ея замокъ, забрать тѣ вещи, о которыхъ говорилъ Бударинъ, и привезти ихъ къ нему, полковнику Сычову. Приказавъ этимъ людямъ приготовиться къ такой экспедиціи, Тимковъ получилъ отъ дежурнаго по полку, хорунжаго Калмыкова, пароль, который былъ необходимъ для проѣзда чрезъ цѣпь, окружавшую городъ во время пожара. Легко и скоро достигнувъ цѣли путешествія, команда, по ука-

занію Бударина, влѣзла въ окно дома Силаши, пробралась въ названную комнату, забрала оттуда разныя вещи и уложивъ ихъ въ *три* мѣшка, доставила въ туже ночь полковнику Сычову, который принялъ добычу въ свою палатку. Нѣкоторыя золотыя вещи Бударинъ оставилъ у себя и только утромъ другаго дня передалъ ихъ полковнику Сычову, который обѣщалъ дать командѣ за это по 4 рубля на каждаго; Австрійскіе-же цванцигеры казаки раздѣлили между собою по 17 штукъ на каждаго. Графиня Силаши немедленно принесла жалобу начальнику отряда, предписавшему сдѣлать тщательный розыскъ похищенныхъ вещей, коимъ генеральнаго штаба подполковн. Натъ составилъ списокъ, разосланный въ разныя войсковыя части, а въ томъ числѣ и въ Сычовъ полкъ. Составъ похищеннаго казаками имущества, по этому списку, таковъ: 1) деньги 100 гульденовъ, 2) 500 Венгерскихъ ассигнацій по 5 и 10 гульденовъ каждая, 3) 6 паръ серегъ, 4) 6 колецъ, 5) одни золотые часы съ цѣпью, украшеніе изъ коралловъ, брошь и серьги, 6) 3 браслета, 7) 5 шнурковъ жемчуга съ брилліантовыми замочками, 8) пара брилліантовыхъ серегъ, 9) одна мантилья полосатая, темноголубая, шелкомъ подбитая, 10) одинъ черный атласный бурнусъ съ бѣлой атласной подкладкой, 11) одна сѣрая мантилья съ розовой шелковой подкладкой, 12) одно сѣрое путлиновое платье изъ тяжелой шелковой матеріи, 13) одна штука розовой матеріи, цѣною въ 100 гульденовъ, 14) серебрянный сервизъ на 24 персоны, 15) множество бѣлья съ мѣтками графини Силаши. Но этотъ списокъ далеко неполный, если сравнить его съ претензіями названной графини, заявленными впослѣдствіи.

Какъ только распространилась по лагерю вѣсть о томъ, что отрядный начальникъ принялъ близко къ сердцу жалобу графини Силаши, въ 45 полку было приступлено къ сокрытію слѣдовъ преступленія и поличнаго, равно и къ принятію мѣръ для того, чтобы, что̀ называется, замять всю эту исторію. Ночью слѣдующаго дня, т. е. 28 Іюля, Тимковъ и Бударинъ будто-бы берутъ изъ командирской палатки вещи, сложенныя, вмѣсто трехъ, уже въ *одинъ* мѣшокъ и везутъ ихъ, по приказанію командира, обратно въ Лоссонжъ съ цѣлью бросить или въ огонь (пожаръ еще продолжался), или въ рѣку, что̀ и исполняютъ на виду нѣкоторыхъ свидѣтелей; а сознаніе Тимкова, сдѣланное нѣкоторымъ офицерамъ, полковникъ Сычовъ, изъ желанія не наложить дурной славы на полкъ, а также пощадить Тимкова и Бударина (Георгіевскіе кавалеры), старается скрыть, совѣтуя офицерамъ повременить докладомъ о томъ отрядному начальнику. Но офицеры, не желая дурной славы, упадавшей на весь полкъ, слѣдовательно и на нихъ, а также считая необходимымъ, чтобы истинные виновники получили достойное ихъ поступка наказаніе, доложили о сознаніи Тимкова по на-

чальству, которое, какъ сказано выше, и распорядилось составить военно-судную комиссію подъ предсѣдательствомъ генерала Быковскаго. П. Х. Граббе отрѣшилъ полковника Сычова отъ командованія 45 полкомъ; но такъ какъ война скоро затѣмъ окончилась, и полкъ этотъ поступилъ въ непосредственное завѣдываніе походнаго атамана (сначала князя Бебутова, а потомъ генерала М. М. Кузнецова): то и Сычовъ получилъ свой полкъ обратно. Онъ возвратился съ нимъ сначала въ Варшаву, а потомъ, въ 1851 году, на Донъ, куда за нимъ послѣдовало и судное дѣло, поступившее въ Новочеркасскѣ на дальнѣйшее производство въ военно-судную комиссію, состоявшую при тогдашнемъ войсковомъ дежурствѣ (теперешній войсковой штабъ). Вмѣстѣ съ дѣломъ доставлены туда урядникъ Тимковъ и казаки Бударинъ, Калмыковъ, Аксеновъ и Кирсановъ.

Вышеприведенный разсказъ составленъ изъ обвиняющихъ полковника Сычова свѣдѣній, во всемъ однако сходныхъ между собою. Что же касается источниковъ, оправдывающихъ его, то они сводятся къ тому, что нѣкоторые стоявшіе ночами 27 и 28 Іюля на часахъ у командирской палатки казаки отозвались, что они ничего не видѣли, а крѣпостной человѣкъ полковника Сычова, Яковъ,—что ничего къ палаткѣ Сычова никто не привозилъ и не увозилъ оттуда. Кромѣ того, очень важное обстоятельство, что при отдачѣ Сычовымъ Тимкову приказанія о привозѣ вещей никто не присутствовалъ, а потому показаніе этого урядника является-де голословнымъ.

Самъ Сычовъ категорически заявлялъ, что никакихъ по этому дѣлу приказаній Тимкову онъ не давалъ и никакихъ вещей отъ него не получалъ и слѣдовательно ему, впослѣдствіи, для уничтоженія не возвращалъ; при этомъ полковникъ будто-бы прибавлялъ, что Тимковъ и его команда, сознавшіеся въ своемъ преступленіи, такъ сказать, пристегнули его, Сычова, къ этому дѣлу въ цѣляхъ получить смягченіе наказанія, или же совершенное избавленіе отъ оного, будучи поощряемы къ тому нѣкоторыми офицерами полка, желавшими избавиться отъ него, Сычова, какъ строгаго и справедливаго начальника, и войсковымъ старшиною Кострюковымъ, который, за отрѣшеніемъ Сычова, какъ старшій въ чинѣ, принялъ бы въ командованіе 45 полкъ. Но всѣ офицеры отвергли заявленіе полковника Сычова; а Кострюковъ, кромѣ того, прибавилъ, что офицеры дѣйствительно были недовольны полковымъ командиромъ, но не за строгость его требованій въ исполненіи ихъ служебныхъ обязанностей, а за сокрытіе отбитыхъ у непріятеля, подъ Кубиносомъ и Мартономъ, лошадей, которыя подлежали раздачѣ рядовымъ, потерявшимъ въ походѣ своихъ собственныхъ коней. Заявленіе полковника Сычова было впослѣдствіи поддержано поход-

нымъ атаманомъ Кузнецовымъ, который, представляя дѣло это фельдмаршалу Паскевичу въ концѣ 1849 года, совершенно обѣлилъ Сычова, возложивъ отвѣтственность на Тимкова и Бударина, а также на офицеровъ полка, особенно на Галдина и Сидорова, будто-бы скрывавшихъ отъ командира сознаніе Тимкова, вслѣдствіе чего и призналъ справедливымъ названныхъ рядовыхъ отдать подъ военный судъ, а Галдина и Сидорова перевести въ другіе полки. Фельдмаршалъ передалъ дѣло въ полевой ауditоріатъ, при чемъ предписалъ судить Тимкова и Бударина не арестованными и выяснить виновность Сычова. Названные нижніе чины были отданы подъ судъ при Варшавскомъ ордоннансъ-гаузѣ, откуда, за выкомандированіемъ 45 полка на Донъ, какъ они, такъ и дѣло о нихъ, препровождены въ Новочеркасскъ.

Комиссія военнаго суда, при бывшемъ войсковомъ дежурствѣ состоявшая, снова начала допрашивать обвиняемыхъ и отбирать письменныя показанія отъ полковн. Ната, уланскаго офицера Богдановича, генерала Дзерулева, П. Х. Граббе*) и многихъ другихъ лицъ, находившихся въ ту пору въ разныхъ углахъ Россіи. Подсудимые и всѣ офицеры полка остались при прежнихъ мнѣніяхъ, причемъ Тимковъ и Бударинъ добавили, что они сдѣланное ими не считали преступленіемъ, такъ какъ городъ Лоссонжъ былъ отданъ на разграбленіе и дѣйствительно былъ сожженъ и разграбленъ. Среди долго длившагося производства сотникъ Галдинъ умеръ отъ разрыва сердца въ одномъ изъ Варшавскихъ театровъ, еще до выхода 45 полка на Донъ, а главное лицо, отъ котораго «сыръ-боръ» загорѣлся, урядникъ Тимковъ, также внезапно умеръ въ Новочеркаскомъ войсковомъ госпиталѣ. Тимковъ поступилъ въ больницу I-го, а умеръ 9-го Марта 1853 года. Донесено о томъ военно-судной комиссіи только 21-го числа того-же мѣсяца, и то въ отвѣтъ на запросъ комиссіи, а не прямо отъ больницы.

Разсказывали о патетической сценѣ, будто-бы происшедшей въ засѣданіи военно-судной комиссіи, гдѣ, на очной ставкѣ, Тимковъ началъ угрожать Сычову вознагражденіемъ въ будущей жизни; но презусъ Лазаревъ, памятуя требованія военной дисциплины, приказалъ обличителю умолкнуть.

Много было разговоровъ о загадочной смерти урядника Тимкова, этого, кромѣ Бударина, главнаго обвинителя своего начальника. Только въ Февралѣ 1855 года послѣдовало окончательное рѣшеніе военно-суд-

---

*) Граббе отвергъ показанія подполковника Ната, увѣрявшаго, что онъ получилъ отъ Павла Христофоровича приказаніе жечь и грабить Лоссонжъ; и генералъ Бергъ, при которомъ впослѣдствіи служилъ Натъ, призналъ сего послѣдняго невиновнымъ въ сожженіи и разграбленіи этого города.

ной комиссіи, которая, признавъ смягчающія обстоятельства, предположила: умершаго урядника Тимкова, судившагося не за грабежъ вещей, а за взваливаніе на полковаго командира своего ложнаго извѣта, за смертью подсудимаго, никакому наказанію не подвергать; Бударина лишить знака ордена св. Георгія, а казаковъ Калмыкова, Аксенова и Кирсанова наказать плетьми по 25 ударовъ каждаго и разослать по полевымъ полкамъ на службу безъ очереди. О полковникѣ Сычовѣ комиссія ничего не сказала, такъ какъ онъ былъ чиномъ старше презуса военно-судной комиссіи, полковника И. З. *Лазарева*.

Въ такомъ видѣ дѣло представлено на ревизію въ войсковое дежурство, возвратившее приговоръ обратно съ предписаніемъ опредѣлить виновность и полковника Сычова. Военно-судная комиссія, сославшись на существующій законъ, который запрещаетъ младшему обсуждать поступки старшаго, однако, исполнила приказаніе фельдмаршала Паскевича и основанное на немъ предписаніе войсковаго дежурства, сказавъ во второмъ своемъ рѣшеніи, что если улики, подтверждающія оговоръ, признаны будутъ достаточными къ подозрѣнію оговариваемаго, въ такомъ случаѣ онъ, Сычовъ, долженъ быть преданъ военному суду. Но кто же могъ опредѣлить степень достаточности уликъ, когда на каждомъ шагу стояли защитники начальства, да и сами подсудимые осуждены не за грабежъ, а за оговоръ своего начальника?

Осужденные не понесли однако никакого наказанія, такъ какъ подошли подъ всемилостивѣйшій манифестъ. Только Бударинъ, по особому Высочайшему повелѣнію, былъ лишенъ знака ордена св. Георгія. Дѣло на томъ и закончено.

Неизвѣстно, получила ли графиня Силаши какое вознагражденіе за свои потери, хотя знающіе дѣло люди утверждали, что аппетитъ ея разгорѣлся, когда она освѣдомилась о начатіи уголовнаго дѣла, давшемъ ей поводъ заявить требованія въ огромныхъ размѣрахъ, охватившихъ всѣ ея убытки, происшедшіе отъ пожара въ Лоссонжѣ: даже претензіи ея служителей вошли въ общую цифру крупными суммами. Всѣхъ потерь своихъ она насчитала почти на 60 тысячъ гульденовъ конвенціонною монетою. Извѣстно, что ей возвращены съ дороги только тѣ Австрійскіе цванцигеры, которые подсудимые казаки раздѣлили между собою, по 17 штукъ на каждаго. Графиня, имѣвшая въ виду получить отъ Русскаго правительства крупную сумму заявленныхъ ею убытковъ сполна, сочла за насмѣшку, когда принесли къ ней эти, отобранные отъ казаковъ, цванцигеры и отослала ихъ обратно въ нашу армію; но Русскія войска въ ту пору уже вступали въ предѣлы отечества, и гроши эти ихъ не догнали. Въ числѣ похищенныхъ у Силаши вещей находились, по послѣдующему списку, три табакерки,

изъ которыхъ одна, золотая, имѣла на крышкѣ финифтевое изображеніе брата императора Франца I-го, эрцъ-герцога Александра-Леопольда. Эта вещь, или другая, весьма на нее похожая, фигурировала потомъ, спустя много лѣтъ, въ Новочеркасскѣ, въ одномъ изъ конкурсныхъ управленій.

Нѣтъ надобности утомлять вниманіе читателя подробностями, относящимися къ дѣловой части разсказа, ибо онѣ, будучи любопытны для историка, описывающаго бывшіе служебные порядки, ничего не прибавятъ къ тому краткому экстракту, который приведенъ выше. Изъ этихъ подробностей, по существу дѣла, интересно только то, что, спустя нѣсколько времени послѣ происшествія, Сычову кѣмъ-то была передана частная переписка между офицерами его полка, сама по себѣ ничего не значащая, но въ глазахъ командира возъимѣвшая значеніе комплота противъ начальства. Въ ней употреблено было выраженіе «общество» офицеровъ, и войсковой старшина Кострюковъ, отвѣчая на запросъ—что́ это за «общество» такое, т. е. не вредное ли, успокоилъ вопросителей, сказавъ, что существуетъ это выраженіе во всѣхъ полкахъ и общеупотребительно.

На нашей обязанности, за тѣмъ, лежитъ предать извѣстности тѣ разсказы современниковъ, которые, не имѣя за собою исторической, документальной достовѣрности, однако характеризуютъ нѣкоторыхъ участниковъ и бросаютъ свѣтъ какъ на событія, сопровождавшія описанный нами эпизодъ Венгерской войны, такъ и на послѣдствія разграбленія и сожженія города Лоссонжа, послѣдствія, не ускользнувшія отъ вниманія обитателей Донской области, а особенно города Новочеркасска. Къ этимъ разсказамъ мы и переходимъ.

—

Вскорѣ по возвращеніи Донскихъ полковъ изъ Венгріи, въ одномъ домѣ, въ Новочеркасскѣ, былъ данъ вечеръ, на который приглашенъ и бывшій въ ту пору наказнымъ атаманомъ М. Г. Хомутовъ. Съѣзжавшіеся гости, при входѣ въ знакомую гостиную, не могли не замѣтить довольно существенной перемѣны въ убранствѣ этой комнаты. Эта гостиная, ничѣмъ особеннымъ не отличавшаяся, теперь раздѣлена была на двѣ комнаты изящною перегородкою, на которой висѣла драпировка изъ Венеціанскаго бархата, покрытаго золотыми орлами иностраннаго происхожденія. Съ большимъ любопытствомъ приглашенные на вечеръ разсматривали новинку, подобную которой можно было встрѣтить только въ царскихъ покояхъ или въ домахъ богачей, знакомыхъ съ Западною Европой. Слова удивленія, восхищенія и похвалъ, разумѣется, летѣли по адресу хозяйки, которая не могла не знать, что дѣло о пропажѣ вещей изъ Венгерскаго замка, а

также и розыски ихъ еще не окончены. Въ самый разгаръ такихъ пріятныхъ разговоровъ, на вечерѣ появился атаманъ и, увидѣвъ золотомъ расшитый бархатъ, наскоро поздоровался съ хозяевами и гостями, отвелъ въ сторону умную хозяйку и сказалъ ей:

— Пригласите гостей въ другую комнату подъ какимъ нибудь предлогомъ, а прислугѣ прикажите немедленно снять эту перегородку; она погубитъ васъ. Если вы сейчасъ же не исполните моего желанія, то я, не медля ни минуты, уѣду отсюда.

Гости, разумѣется, были приглашены въ залу, гдѣ имъ предложили чай; а перегородки въ гостиной, чрезъ полчаса, какъ будто не существовало. Вошедшіе затѣмъ туда гости были изумлены происшедшей метаморфозой. Дальнѣйшая судьба бархатной драпировки неизвѣстна.

—

Когда дѣло объ ограбленіи Венгерскаго замка прибыло изъ Варшавы въ Новочеркасскъ, то въ одномъ домѣ произошла слѣдующая сцена. Къ одному господину пріѣхалъ другъ, товарищъ и родственникъ, имѣвшій въ рукахъ большую шкатулку, и просилъ его приберечь ее до времени, пока все окончится, такъ какъ возможенъ обыскъ. Хозяинъ дома принялъ вещь и обѣщалъ сохранить ее до того часа, когда минетъ опасность. Сколько прошло времени, въ продолженіи котораго длилась опасность, неизвѣстно; только вскорѣ послѣ того, какъ наступило благополучное окончаніе, другъ пріѣзжаетъ къ другу, товарищу и родственнику, и между ними идетъ такой разговоръ:

— Слава Богу и добрымъ людямъ, все, братуша, кончилось благополучно.

— Ну, и слава Богу!

— Теперь давай же мою шкатулку.

— Какую шкатулку?

— Что́ я тебѣ привезъ на сохраненіе.

— Никакой я шкатулки отъ тебя, другъ любезный, не принималъ...

— Ну, пустяки... Шутки шутишь...

— Никакихъ шутокъ. У меня не было и теперь нѣтъ твоей шкатулки...

— Какъ-же такъ? Я же тебѣ лично вручилъ замкнутую шкатулку съ драгоцѣнными вещами... Вотъ и ключъ отъ нея...

— Повторяю тебѣ, что никакой шкатулки я отъ тебя не бралъ и прошу не путать меня въ это дѣло. Можетъ быть, кому другому отдалъ ее, не мнѣ только...

За симъ начались горячіе упреки, слезы, чуть не обмороки законнаго владѣльца интереснаго ларчика. Но благородный хранитель стоялъ на своемъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Очень долго про-

должался между друзьями споръ, окончившійся со славою для обоихъ честныхъ борцовъ: порѣшено было раздѣлить содержимое шкатулки по равной части. Что́ именно поступило въ обладаніе каждаго изъ нихъ, разумѣется, осталось извѣстнымъ только имъ однимъ, хотя, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, табакерка съ портретомъ како-то иностраннаго принца была продана конкурснымъ управленіемъ, учрежденнымъ надъ потомкомъ «хранителя» шкатулки, какому-то Еврею, нажившему на ней, какъ на рѣдкости, порядочный кушъ въ одной изъ столицъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ «миновала опасность», на балу, бывшемъ по какому-то случаю въ залѣ Новочеркасскаго дворянскаго собранія, обращено было особенное вниманіе публики на двухъ сестеръ, изъ которыхъ одна была замужняя, а другая дѣвица. Заслужили онѣ это особое вниманіе ничѣмъ инымъ, какъ множествомъ вывѣшенныхъ на нихъ разноцвѣтныхъ брилліантовъ (были даже и черной воды), жемчуга и коралловъ. Семейство, къ которому эти молодицы принадлежали до того, было только зажиточно, но отнюдь не богато; а потому дорогія украшенія, неизвѣстно откуда появившіяся, изумили всѣхъ. Нашлись храбрецы, которые, высказавъ свои похвалы небывалымъ по богатству и рѣдкости украшеніямъ, дерзнули спросить — гдѣ куплены такія прекрасныя вещи. Старшая сестрица, не запнувшись, отвѣчала: «это — папаша заслужилъ». На брилліантовомъ колье другой сестры виднѣлась графская корона, и одна дама-старушка, хорошо знакомая съ происхожденіемъ этихъ вещей, подойдя къ дѣвицѣ, сказала ей, разумѣется, на ухо: «ужъ хоть бы коронку-то срѣзали!»

Брилліанты эти долго фигурировали затѣмъ въ Новочеркасскѣ, болтаясь на разныхъ шеяхъ и украшая разныя уши. Часть ихъ, какъ говорили потомъ, отошла въ благодарность разнымъ «добрымъ людямъ», очутившись даже въ Варшавѣ; часть отдана вкладомъ на церкви, а большая половина дошла по наслѣдству до разныхъ законныхъ и другихъ наслѣдниковъ и почти исчезла съ горизонта. «Рѣка временъ въ своемъ стремленьи уноситъ всѣ дѣла людей»...

—

Разсказываютъ, что одинъ Донской полковникъ, желая уколоть своего младшаго по чину, но ставшаго ему начальникомъ, товарища, въ рапортѣ къ нему по какому-то служебному дѣлу, позволилъ себѣ употребить такое выраженіе: «по храбрости, свойственной вашему превосходительству въ мирное время». Такихъ храбрыхъ «въ мирное время» начальниковъ имѣлось немалое число, и объ одномъ изъ нихъ, особенно выдающемся по своей такой храбрости, находящійся еще и теперь въ живыхъ офицеръ, бывшій въ Венгерской кампаніи, разска-

зываетъ слѣдующее: «Командиръ нашъ всегда храбрился передъ нами и нижними чинами, распекалъ насъ и ругалъ отборными словами «извѣстнаго» происхожденія. Но какъ только, бывало, послышатся непріятельскіе выстрѣлы, командиръ тотчасъ улепетываетъ въ вагенбургъ для отдачи тамъ, въ тылу, какихъ-нибудь пустячныхъ приказаній, или въ отдаленную сотню для того, чтобы лично-де привести ее на мѣсто открывшейся перестрѣлки. А какъ только стихнетъ бой, онъ появляется въ первой линіи полка и, размахивая обнаженною шашкою, снова начинаетъ храбриться, распекая офицеровъ и ругая казаковъ за разныя мелочныя упущенія. Однажды, по окончаніи небольшой стычки, казаки привели одного плѣннаго Венгерца, у котораго мы отобрали оружіе. Плѣнникъ оказался очень разговорчивымъ молодымъ человѣкомъ (родомъ Полякъ). Мы сопровождали его съ товарищемъ-офицеромъ къ полковой ставкѣ, чтобы тамъ сдать куда слѣдуетъ. Откуда ни возьмись, нашъ полковой командиръ, верхомъ на лошади, препоясанный широкимъ кинжаломъ. Въ перестрѣлкѣ онъ не былъ, разгуливая гдѣ-то на «задахъ». Подъѣзжаетъ онъ къ намъ и спрашиваетъ, что́ это за человѣкъ, котораго мы сопровождаемъ... Когда мы отвѣчали ему, что ведемъ плѣннаго, командиръ немедленно соскочилъ съ лошади, подошелъ къ плѣнному юношѣ, во мгновеніе ока выхватилъ кинжалъ и пырнулъ имъ въ грудь несчастному... Полякъ умеръ, не успѣвъ свалиться на землю: кинжалъ храбраго «въ мирное время» командира угодилъ ему прямо въ сердце. Мы въ одинъ голосъ вскрикнули: «Полковникъ, что́ вы дѣлаете?» и бросились къ убитому, который не вымолвилъ ни слова и закрылъ глаза, а кровь, какъ изъ кабана́, журчала изъ его груди. Храбрый полковникъ, вытирая о траву кинжалъ, закричалъ намъ хладнокровно: «этихъ мерзавцевъ *ишшо* въ плѣнъ брать! Измѣнники, такіе-сякіе». Никогда я не забуду, добавилъ офицеръ, добродушнаго выраженія на лицѣ юноши, погибшаго такою ужасною смертью, и звѣрства начальника, которому позавидуютъ любые Азіаты».

Разсказъ этотъ приведенъ здѣсь для характеристики дѣятелей неповинныхъ, не запятнанныхъ, достойныхъ всякаго уваженія и самаго утонченнаго заступничества.

А. Карасевъ.

Новочеркасскъ, 22 Ноября 1894 г.

ВЫСЫЛКА И. С. ТУРГЕНЕВА ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

Два письма графа А. Ѳ. Орлова къ министру народнаго просвѣщенія П. А. Ширинскому-Шихматову.

I.

Милостивый государь князь Платонъ Александровичъ!

Въ Февралѣ мѣсяцѣ жительствующій въ Петербургѣ помѣщикъ Орловской губерніи Иванъ Тургеневъ написалъ статью объ умершемъ въ Москвѣ литераторѣ Гоголѣ и желалъ помѣстить оную въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Какъ Тургеневъ въ этой статьѣ отзывался о Гоголѣ въ выраженіяхъ чрезмѣрно пышныхъ, то попечитель С.-Петербургскаго Округа не дозволилъ печатать оную. Тургеневъ же вмѣсто того, чтобы покориться рѣшенію начальствующаго лица, отправилъ статью свою въ Москву и тамъ, при содѣйствіи почетнаго гражданина Боткина и кандидата ***, напечаталъ статью въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ.»

Государь Императоръ, по моему всеподданнѣйшему докладу о семъ, собственноручно написать соизволилъ: «За явное ослушаніе посадить его (Тургенева) на мѣсяцъ подъ арестъ и выслать на жительство на родину, подъ присмотръ; а съ другими предоставить графу Закревскому распорядиться по мѣрѣ ихъ винъ».

Сдѣлавъ по исполненію таковой Монаршей воли надлежащее распоряженіе, неизлишнимъ нахожу увѣдомить о семъ ваше сіятельство.

15 Апрѣля 1852.

II.

Высланный въ 1852 году, по высочайшему повелѣнію, на родину, въ Орловскую губернію, коллежскій секретарь Тургеневъ обратился ко мнѣ съ просьбою, въ которой выражалъ чистосердечное раскаяніе въ своей винѣ и объяснялъ разстроенное положеніе своего здоровья, необходимо требующаго совѣщанія съ опытными врачами въ столицѣ. Онъ испрашиваетъ себѣ всемилостивѣйшаго прощенія съ дозволеніемъ возвратиться въ Петербургъ.

По всеподданнѣйшему моему докладу о сей просьбѣ Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ на оную, съ тѣмъ чтобы за коллежскимъ секретаремъ Тургеневымъ продолжаемъ былъ здѣсь строжайшій надзоръ.

16 Ноября 1853.

(*Выписано изъ дѣлъ канцеляріи бывшаго III-го Отдѣленія, № 86, и сообщено въ «Русскій Архивъ» покойнымъ графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ Толстымъ*).

ИЗЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАМѢТОКЪ А. А. МАРТЫНОВА.

I.

Плата за обученіе грамотѣ.

1678 г.

Представляемъ образчикъ скромнаго требованія за ученіе грамотѣ, съ которымъ обратился дьячекъ Александръ Ивановъ къ царю Ѳеодору Алексѣевичу въ 1678 году.

Царю, государю и великому князю Ѳеодору Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу бьетъ челомъ и являетъ богомолецъ твой, церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, что̀ на Красной площади, дьячекъ Александръ Ивановъ, на Кадашевца на иконника на Григорья Ильина сына Басова.

Въ прошломъ, государь, во 186 (1678) году отдавалъ онъ Григорей мнѣ богомольцу твоему двухъ сыновъ своихъ да племянника учить словесному, и они у меня богомольца твоего выучились азбукѣ, и дѣти его одинъ выучилъ вечерню, а другой полунощницу. Да ему-жъ Григорью переплеталъ я, богомолецъ твой, Псалтирь, а по уговору рядено было отъ переплету шесть алтынъ четыре деньги; и онъ Григорей мнѣ богомольцу твоему за ученіе и за переплетъ денегъ ничего не давывалъ, а взять мнѣ на немъ Григорьѣ двадцать три алтына двѣ деньги. И въ нынѣшнемъ, государь, въ 187 году Іюля въ 11 день пришелъ я богомолецъ твой къ нему Григорью къ воротамъ за работу прошать денегъ, и онъ Григорей столкалъ меня на чужой дворъ и билъ съ дѣтьми своими смертнымъ боемъ при многихъ людяхъ. И я богомолецъ твой съ того времени и по сіе время съ него Григорьевыхъ побой оправиться не могу, и впредъ онъ Григорей съ дѣтьми своими похваляется на меня богомольца твоего смертнымъ боемъ. Милосердый государь, царь великій и князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ, пожалуй меня богомольца своего: вели, государь, челобитье мое и явку записать, чтобы мнѣ богомольцу

*) Двор. Арх. 2 разряда, столбецъ № 160, годъ 187.

твоему отъ него Григорья съ дѣтьми напрасно убиту не быть и въ конецъ не погибнуть; царь государь, смилуйся!

Дѣло это Августа 2-го 1678 года передано окольничему Ѳедору Прокоѳьевичу Соковнину, да дьякамъ Ивану Яковлеву, да Корнилу Петрову.

II.

Поѣздъ царевны.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1698 года государыня царевна и великая княжна Наталья Алексѣевна (младшая и любимая сестра Петра I) пожелала отправиться къ церкви святыхъ Адріана и Наталіи, въ 1-й Мѣщанской, и въ село Преображенское. Для этого «походу», по указу великаго государя, велѣно изготовить великой государынѣ, царевнѣ и великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ карету выходную, большую, черную; въ ней станица вороная, большая Нѣмецкая; у той кареты прикащики Дмитрій Ростопчинъ, Борисъ Скребетовской; возницы, стряпчіе, конюхи: Ѳедоръ Ушаковъ, Матвѣй Нофиновъ. Съ приступомъ задворные: Илья Ждановъ, Алексѣй Татариновъ; у солнышника [1]): Тимоѳей Нелюбовъ, Григорій Товарыщевъ, Остаѳей Горловъ, Петръ Козловскій. У заступки стряпчихъ, конюховъ два человѣка, стадныхъ два человѣка.

Да за тою же каретою двѣ кареты приказныхъ съ окончиками, постельный возокъ, да казенной рыдванъ четвертками, и въ томъ числѣ въ одной каретѣ четыре лошади приказныхъ, а въ другой каретѣ и въ постельномъ возку и въ казенномъ рыдванѣ новокупленныя Макарьевскія лошади изъ Остожья, 2 кареты боярскихъ, да 2 возка, крестовой, да запасной; 2 телѣги, одна съ кровлею подъ креслы, другая подъ постельную скамью, да солнышная телѣга двойками.

И того въ томъ походѣ стоялыхъ съ приказными 12 Макарьевскихъ, 12-же подъемныхъ въ каретахъ и въ возкахъ и въ телѣгахъ и конюшеннаго чину подъ людьми 24, всего стоялыхъ и Макарьевскихъ и подъемныхъ, опричь прикащиковыхъ, 48 лошадей.

И Августа противъ 28-го числа, за полтора часа до свѣту, выходная карета и приступъ и солнышникъ пришли на аргамачью конюшню, а крестовый возокъ остался на аргамачьей-жъ конюшнѣ, и въ походъ его не спросили.

А прикащикъ Дмитрій Ростопчинъ сказалъ: въ вышеписанной-же выходной каретѣ отъ церкви Адріана и Наталіи изволила придти великая государыня, царица Параскевія Ѳеодоровна, а великая-же государыня, царевна Наталія Алексѣевна, послѣ всенощнаго, изволила идти въ Преображенское въ приказной каретѣ [2]).

---

[1]) Вѣроятно особаго рода зонтикъ, и для него была телѣга, какъ видно ниже.

[2]) Арх. Оруж. Пал., 2 разр. столбецъ № 107, годъ 206.

НАДГРОБНАЯ ЛѢТОПИСЬ МОСКВЫ.

Въ Москвѣ считается около 220 приходскихъ церквей, а такъ какъ въ самыхъ храмахъ и на погостахъ церковныхъ хоронили усопшихъ прихожанъ, то слѣдовательно въ первопрестольной столицѣ въ старину было и кладбищъ болѣе двухсотъ.

Петру I не нравилось, что въ Москвѣ при церквахъ и монастыряхъ надгробные камни лежатъ сверхъ земли, такъ что препятствуютъ въ хожденіи при церковныхъ церемоніяхъ; да и безобразіемъ онъ считалъ для церкви такіе камни. Посему указомъ 12 Апрѣля 1722 года Государь приказалъ „надгробные камни при церквахъ и въ монастыряхъ опускать вровень съ землею, подписи на камняхъ дѣлать сверху; которые же камни неудобно такъ размѣстить, употреблять ихъ въ строеніе церковное“.

Въ 1723 г. 10 Октября Государь приказалъ, чтобы въ Москвѣ и во всѣхъ прочихъ городахъ тѣла умершихъ были погребаемы только знатныхъ персонъ, а прочихъ похоронять въ монастыряхъ и при городскихъ церквахъ внѣ города *).

Указомъ 1771 г. Марта 24, въ видахъ прекращенія въ Москвѣ чумы, для погребенія умершихъ отъ заразныхъ болѣзней отведены были особыя за городомъ мѣста, а для погребенія умершихъ „натуральною смертью“ назначены отдаленныя отъ среды города церкви и монастыри, при прочихъ же церквахъ и монастыряхъ похоронять совсѣмъ запрещено.

Все вышеписанное и было причиною, что надгробная лѣтопись Москвы стала быстро исчезать, а камни, особенно древніе и старые, были мало по малу употребляемы на постройки, а съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожались и показанія историческія, иной разъ важныя и любопытныя.

Сохранившіяся до настоящаго времени надписи, въ свою очередь, не остаются неприкосновенными: подписи на стѣнахъ наружныхъ или заштукатуриваются, или закрашиваются до невозможности ихъ прочитывать; а находящіяся внутри, сплошь со стѣнами, или обшиваются деревянными панелями, или обиваются сукномъ, такъ что изъ числа списанныхъ нами надписей, нѣкоторыя уже уничтожены.

А. Мартыновъ.

---

*) См. Исторія Москов. Епарх. управленія, соч. Н. П. Розанова, часть 1, стр. 102, Матеріалы для Исторіи, Археологіи и Статистики города Москвы И. Е. Забѣлина часть 2, отд. 9 и 10.

Въ Кремлевской церкви св. благовѣрныхъ царей Константина и Елены, что̀ подъ горою на Подолѣ.

1) „1729 года Апрѣля 20 дня въ седьмомъ часу по полунощи преставися раба Божія Большаго Успенскаго собора протодіакона Ѳедора Борисова супруга его Акилина Иванова дочь, житія ея 28 лѣтъ, и погребена противъ сей надписи“.

2) „ 1739 году Генваря противъ 14 числа, въ 10 часу по полудни, на память святыхъ мученикъ Ермила и Стратоника, преставися рабъ Божій Большаго Успенскаго собора ключарь іерей Алексѣй Яковлевичъ, а священнослуженія его было діакономъ 4 года, священникомъ 19 лѣтъ, ключаремъ былъ 2 года; а всего житія его было 42 года, тезоименитство его Февраля 12 дня, погребенъ противъ сего знака, ему же да будетъ вѣчная память“.

3) „1745 года Генваря 21 дня, преставися рабъ Божій Большаго Успенскаго собора протопресвитеръ Никифоръ Иванычъ, по полуночи въ 11 часу; а протопресвитеромъ былъ 12 лѣтъ, тезоименитство его Іюня 2 дня, житія его было 51 годъ; при немъ матерь его Ирина Осипова въ 744 году въ Іюнѣ 24 числѣ, тезоименитство ея Апрѣля 16 числа. И погребены противъ сей таблицы, имъ же буди вѣчная память.“

4) „1746 году Августа 24 дня, преставися раба Божія Большаго Успенскаго собора протопресвитера Никифора жена его Пелагея Ѳедорова дочь, а житія ея отъ роду было 50 лѣтъ, и погребено тѣло ея противъ сей таблицы“.

5) „1746 году Мая 21 дня, преставися раба Божія Большаго Успенскаго собора ключаря Іоанна Алексѣевича супруга его Евдокія Петрова, житія ея было 36 лѣтъ, тѣло ея подъ симъ камнемъ“.

6) „1746 году Апрѣля 11 числа, по полудни въ 11 часу въ нощи, преставися раба Божія Архангельскаго собора протоіерея Семена Алексѣева супруга его Марія Ѳеодорова, житія ея было 23 года и 10 дней, тезоименитство ея было Апрѣля 1 числа, погребена подъ симъ камнемъ противъ сей таблицы, подлѣ матери своей протодіаконицы Акилины Ивановой“.

7) „1764 году Февраля 2 дня преставися рабъ Божій діаконъ Алексѣй Аѳонасьевъ, который служилъ въ селѣ Троицкомъ, его тѣло погребено въ Москвѣ, по случаю на семъ мѣстѣ, житія его было 80 лѣтъ“.

8) „1732 лѣта Октября 12 дня, успѣ о Господѣ раба Божія Софія, супруга бывши Мины Петрова ключаря Успенскаго великаго собора, отъ рожденія своего въ 42 лѣто, ея же здѣ тѣло положися, душу же ея Господь да упокоитъ въ небеси со св. ангелами“.

9) „1723 году Апрѣля въ 20 день преставися рабъ Божій Большаго Успенскаго собора ключарь Іоаннъ Евдокимовъ и погребенъ при сей надписи, а житія его 64 лѣта; да здѣсь же погребенъ отецъ его Евдокимъ Ѳедоровъ, да дочь его Гликерія“.

10) Лѣта 7198 году Божіимъ изволеніемъ преставися рабъ Божій Большаго Успенскаго собора діаконъ Іоаннъ Алимпіевъ сынъ, мѣсяца Декабря во 2 день".

Въ церкви Срѣтенія св. мощей благовѣрнаго князя Михаила и боярина его Ѳеодора Черниговскихъ чудотворцевъ, что̀ подъ Боромъ.

Церковь эта находится въ одной мѣстности съ Ивановскою.

На южной наружной стѣнѣ:

1) „1730 г. Марта въ 23 день на память св. преподобнаго мученика Никона и дву сту ученикъ его съ нимъ мучившихся, преставися раба Божія дому лейбъ-гвардіи коннаго полка поручика . . . . Дмитріевича Ржевскаго, служителя его Филиппа Ѳеодорова, жена его Анна Кирьякова дочь, а отъ рожденія поживе 33 года и 2 мѣсяца и погребена на семъ мѣстѣ".

На восточной наружной стѣнѣ:

2). . . . что̀ у Крымскаго двора .. . . . жена его Ѳеодора Емельянова, а житія его было 30 лѣтъ, 1737 года Мая 22 дня. Въ той же день самой Пятидесятницы случия въ Москвѣ большой пожаръ, отъ того пожара въ Суровскомъ ряду задохнулся рабъ Божій Мартынъ у жены, что̀ у Крымскаго двора купецъ...

Въ церкви Обыденной св. великомученицы Анастасіи Узорѣшительницы, что̀ у поля на житной площадкѣ, что̀ у мучнаго ряда, у Охотнаго ряда, за Неглинной.

Упразднена въ 1793 году.

На бывшемъ погостѣ этой церкви, противъ дома Россійскаго Благороднаго Собранія, при рытіи земли для прокладки газовыхъ трубъ, найдена плита со слѣдующею надписью. „Лѣта 7206 г. Августа 9 преставися рабъ Божій, церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, что̀ у великаго государя на сѣняхъ, пономарь Тихонъ Осиповъ сынъ".

Въ церкви Святителя Николая у Красныхъ Колоколъ, Красные Колокола, Красный Звонъ, въ Посольской улицѣ, у мосту.

На погостѣ: 1) „На семъ мѣстѣ погребено тѣло усопшаго окольничаго Алексѣя Прокопьевича Соковнина, скончавшагося 7106 г. Марта 16 дня. На другой сторонѣ камня: „На семъ мѣстѣ погребено тѣло".

Въ церкви Зачатія Св. Анны у городовыя стѣны, въ углу Китай-города, за Солянымъ рядомъ, у тюремъ, у Стараго Татарскаго подворья, въ Зарядьѣ, на берегу.

На алтарной стѣнѣ: 1) „1740 г. Марта 4 дня на память преподобнаго отца нашего Герасима, иже на Іордани, сей Божіей церкви преставися рабъ Божій священно-іерей Ѳеофилактъ Артемьевъ сынъ, а житія его на семъ свѣтѣ 55 лѣтъ было и погребенъ противъ сей таблицы".

На церковномъ погостѣ на каменныхъ плитахъ, бывшихъ прежде въ стѣнахъ церкви: 2) „1730 г. Августа въ 9 день, на память Св. Апостола Матѳія, преставися рабъ Божій Сибирской губерніи ландихтеръ Иванъ Лукинъ Чеплевъ, а житія его было 82 г. 5 мѣс. и 3 недѣли, и погребено тѣло его противъ сей подписи".

3) Лѣта 7207 г. „Іюля въ 10 день, на память св. 45 мучениковъ, иже въ Никополѣ, преставися рабъ Божій гостиныя сотни Алексѣй Тимофеевъ сынъ Креховъ, а житія его 23 лѣта и 5 мѣсяцевъ".

4) „1713 г. Апрѣля въ 19 день, на память преподобнаго отца нашего Іоанна Ветхопещерника, преставися рабъ Божій гостиныя сотни Гавріилъ Тимоѳеевъ сынъ Креховъ, а житія его было на семъ свѣтѣ 52 лѣта, 3 недѣли и 2 дня.

Въ западной стѣнѣ: 5) „Родъ Андрея да Тимоѳея Тихоновыхъ дѣтей Креховыхъ. Лѣта 7191 г. Апрѣля въ 4 день, преставися раба Божія Наталія, жена Семена Иванова, тогожде года Апрѣля во 2 день преставися раба Божія Ирина жена Тимоѳея Крехова, 192 г. Генваря въ 4 день преставися рабъ Божій Іоаннъ Андреевъ сынъ Креховъ да сынъ Петра Іосифъ, и погребены подъ сею папертью".

На погостѣ церковномъ находится камень, попорченный временемъ; на немъ можно было прочесть слѣдующее:

„Лѣта..... году Декабря противъ 28 числа..... На память въ Никомидіи двѣ тмы мученикъ сожженыхъ..... путемъ яко же..... Богу..... ныхъ.

Раби бысть князя Іоанна Андреевича.....
Михаила отъ разбойникъ.....
И за то дабы Господь не лишилъ небеснаго чертога..
Купно же и жена его Евдокія отъ тѣхъ же злодѣевъ
Копіемъ прободена.....
Оба вкупе конецъ себѣ пріисте и души свои во единъ
Гробъ положиста..... прозваніемъ Раловъ".

Въ церкви Святителя Николая Мокраго въ Зачатской улицѣ, что у Москворѣцкихъ воротъ, въ Китаѣ городѣ.

Въ подвальномъ помѣщеніи:

„1750 года Іюня 23 дня преставися раба Божія статскаго совѣтника Ивана Иванова сына Топилскаго супруга Пелагея Тимоѳеевна дочь, и погребена противъ сего подписанія.

Въ церкви Софіи Премудрости Божія Слова, на Софіевкѣ, на Лубянкѣ, у Пушечнаго двора.

Въ трапезѣ, нынѣ сломанной:

1) „1680 года Декабря 7 дня, преставися рабъ Божій думный дворянинъ Іоакинѳъ, зовомый Василій Яковлевичъ Дашковъ, и погребенъ противъ сей таблицы".

2) „1725 года Декабря 21 дня преставися рабъ Божій стольникъ Іоаннъ Андреевичъ Большой Дашковъ, житія его было 97 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ".

3) „1733 года Марта 24 дня погребено тѣло раба Божія титулярнаго совѣтника Алексѣя Ивановича Мошкова".

4) „1753 года Апрѣля 27 дня погребено тѣло рабы Божіей дѣвицы Елисаветы Ивановны Астафьевой".

Въ церкви Усѣкновенія Главы Св. Іоанна Предтечи въ Новой улицѣ, что̀ на Лубянкѣ.

Внутри на стѣнахъ:

1) „Лѣта 7201 (1693) года Марта 2 дня во 2 часу дня, на память святыхъ мучениковъ Савина и Папы, преставися раба Божія князя Алексѣя Алексѣевича жена его̀ княгиня Дарья Ѳедоровна и погребена противъ сей надписи".

2) „Отъ Адама 7205, отъ Христа 1697 года Августа 23 дня, на память святаго мученика Лупа, преставися раба Божія думнаго дворянина Ивана Петровича Савелова жена его Пелагея Кипріяновна, и положено тѣло ея въ сей палаткѣ".

3) „Въ лѣто отъ Рождества Христова 1702 Генваря 24 дня въ 1 часу нощи преставися раба Божія княжна Елена, дѣвица, дщерь князя Михаила Никитича Львова, была отъ рожденія 31 года и 9 мѣсяцевъ и 11 дней и погребена противъ сего надписанія".

4) „Въ лѣто̀ отъ Рождества Христова 1702 Мая 20 дня, на память святыхъ мученика Фалалея, преставися раба Божія княгиня Неонила Ерофеевна, жена князя Михаила Никитича Львова".

5) „Лѣта отъ рождества Христова 1715 Генваря 15 дня преставися раба Божія княгиня Анастасія Васильевна жена князя Якова Степановича Львова, погребена противъ сей таблицы".

6) „1722 года Февраля 25 дня, на память святаго архіепископа Порфирія Газскаго, пополудни во 2 часу, преставися рабъ Божій князь Яковъ Степановичъ Львовъ, житія его 67 лѣтъ 13 дней и погребенъ противъ сей надписи".

7) „1722 года Сентября 22 дня, на память преподобнаго Кириака отшельника, преставися раба Божія княгиня Анна Ивановна, жена князя Сергія Яковлевича Львова, житія ея было 37 лѣтъ и 3 мѣсяца, и погребена противъ сей таблицы; при ней погребена дщерь ея княжна Анна Сергѣевна, житія ея было 5 дней".

8) „1727 года Марта 25 дня по полудни въ 10 часу преставися раба Божія, дщерь князя Якова Степановича Львова, жена была оберъ-директора Дмитрія Ѳедоровича Потемкина Наталія Яковлевна, отъ роду было 33 года 7 мѣсяцевъ и 6 дней и погребена противъ сей таблицы".

9) „1736 года Генваря 31 дня по полуночи въ 1 часу, на память чудотворцевъ Кира и Іоанна, преставилася раба Божія дѣвица княжна Марія Алексѣевна, дщерь князя Алексѣя Яковлевича Львова, житія ея было 20 лѣтъ 10 мѣсяцевъ и 4 дня, погребена противъ сей надписи".

10) „1736 года Апрѣля 4 дня, пополудни въ 3 часу, на память преподобнаго отца нашего Іосифа Пѣснопѣвца, преставился рабъ Божій тайный совѣтникъ Петръ Артемьевичъ Лобковъ, житія его было 75 лѣтъ 3 мѣсяца и 21 день; погребенъ противъ сего надписанія".

11) „1741 года Августа 24 дня, въ 5 часовъ дня, преставилася раба Божія княгиня Анна Ивановна, жена князя Алексѣя Яковлевича Львова, житія ея было 71 годъ и погребена противъ сей надписи".

12) „1748 года Октября 3 числа, по полунощи во 2 часу на память святаго священномученика Діонисія Ареопагита преставился рабъ Божій подпоручикъ Василій Петровичъ Лобковъ; родился 1724 года Апрѣля 8 дня, тезоименитство его было того жъ мѣсяца 12 числа, житія его было 24 года, и погребено тѣло его противъ сей таблицы между гробовъ родителей его".

13) „1750 года Декабря 18 дня, преставися раба Божія надворнаго совѣтника князя Алексѣя Яковлевича Львова, жена его княгиня Агриппина Ѳедоровна, житія ея было 41 годъ 7 мѣсяцевъ и 5 дней и погребена противъ сей надписи".

14) „Родъ князей Лыковыхъ и Оболенскихъ, окольническихъ, князя Ивана Ѳедоровича Воинцова, инокъ Іоаннъ, княжна Агафія Ѳедоровна, княгиня Марія Ѳедоровна, княгиня Ирина Алексѣевна. 1752 года Апрѣля 2 дня, преставился окольничій Алексѣй Алексѣевичъ".

15) „1753 года Февраля 13 дня пополудни въ 4 часу, на память преподобнаго отца нашего Мартына Исповѣдника, преставилася раба Божія Ксенія Дмитріевна, жена коллежскаго совѣтника Петра Артемьевича Лобкова".

16) „1759 года Марта 25 дня по полуночи въ 1 часу преставися раба Божія Марія Зотовна, коллежскаго совѣтника жена Андрея Степановича Боева, житія ея было 52 года, погребена противъ сей надписи, при гробѣ матери своей Ксеніи Дмитріевны Лобковой".

17) „1762 года Мая 19 дня по полуночи въ 8 часовъ, на память святаго священномученика Патрикія епископа Прусскаго и дружины его и преподобнаго отца нашего Корнилія Комельскаго чудотворца, преставилася раба Божія Елисавета Петровна, артилеріи поручика жена Андрея Михайловича Чагина, а въ супружествѣ была 1 годъ 3 мѣсяца и 5 дней, погребена того жъ Мая 20 дня противъ сей надписи".

18) „1767 года Сентября 20 дня по полудни въ 11 часовъ преставися рабъ Божій лейбъ-гвардіи коннаго полка ефрейторъ, капралъ Петръ Дмитріевичъ Лобковъ, житія его было 15 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ и погребенъ подъ симъ знакомъ".

(Продолженіе будетъ).

Статьи помѣщенныя въ журналахъ не-историческихъ. 1895 годъ.

Люди кабальныя и докладные. Н. Павлова-Сильванскаго. „Ж. М. Н. Пр.“ Январь.

По поводу изданныхъ въ 1894 году Новгородскихъ кабальныхъ книгъ 1597, 1599 и 1600 годовъ (XV т. Русской Исторической Библіотеки) авторъ обстоятельно разбираетъ вопросъ объ отношеніи кабальныхъ къ докладнымъ, подвергая критикѣ взгляды В. О. Ключевскаго и В. И. Сергѣевича.

Къ вопросу о крестьянскомъ прикрѣпленіи. С. А. Адріанова. Ж. М. Н. Пр. Январь.

Указавъ на важное значеніе „Актовъ Холмогорской и Устюжской епархій (т. XII и XIV Русской Истор. Библ.), авторъ тщательнымъ анализомъ одной грамоты 1592 года доказываетъ, что гипотеза о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, царскими указами 1584 и 1592 годовъ, ослабленная уже трудами Погодина, Ключевскаго и Дьяконова, должна быть оставлена.

Украинскіе казаки и паны въ двадцатилѣтіе передъ бунтомъ Богдана Хмельницкаго. П. А. Кулиша. „Русское Обозрѣніе“ Январь.

Обстоятельное изслѣдованіе извѣстнаго знатока Малороссіи и Польши. Самою зловѣщею для Польши чертою казацкаго буйства—это то, что противниковъ своихъ, даже Русскихъ и православныхъ, казаки считали за „Пановъ-Ляховъ“, иначе „бісовъ-Ляховъ“. Будучи сами ополячены до потери симпатій къ великому православному свѣту, они тѣмъ не менѣе отрицали господство Ляха на древней Русской почвѣ. Подвизаясь во славу своего казацкаго имени и своего Запорожскаго войска, они управлялись только инстинктомъ разрушенія; но своей дикой ненавистью къ панамъ и Ляхамъ указывали на слабую сторону Польской общественности, и именно—ея *разновѣріе*, отдѣлившее дворянъ отъ простонародья и ея *разноплеменность*, отвергавшую Русскій элементъ ради Польскаго.

Первое время послѣ Петра Великаго. Ѳеофанъ, Аврамовъ, Кантемиръ, Татищевъ. Первые начатки Русскаго псевдо-классицизма. **А. Н. Пыпина.** „Вѣстн. Европы“ Январь.

Служитъ продолженіемъ ряда статей въ томъ же журналѣ за 1894 годъ. Достоинства и особенности работъ А. Н. Пыпина достаточно извѣстны.

Онъ утверждаетъ, что образовательное движеніе той эпохи не было собственно созданіемъ Петра, но лишь получило могущественную опору въ его дѣйствіяхъ. Задатковъ новой литературы надо искать въ теченіи, представителемъ коего былъ Ѳеофанъ и которое развилось изъ Кіевской школы. За все время царствованія Петра мы не находимъ почти ни одного проявленія собственно-литературнаго интереса. Продолжается таже старая письменность, полемика заключается все еще въ рукописныхъ сочиненіяхъ. Даже Кантемиръ во многихъ отношеніяхъ принадлежитъ еще къ старому времени; сатиры его напечатаны лишь въ 1762 году, а современникамъ онъ извѣстенъ былъ лишь „Симфоніей“ на Псалтырь (1727) и переводомъ Фонтенеля (1740). По мнѣнію г. Пыпина, и Петровская ре-

форма и продолженіе ея являются нормальнымъ развитіемъ Русской національной жизни; болѣе мирнаго и постепеннаго пути образованію и не могло быть. Весьма понятно, что Ѳеофанъ находитъ въ авторѣ статьи горячаго защитника даже въ томъ, что онъ „жертвовалъ законъ изволеніямъ Бирона“; противникъ же его, Аврамовъ, называется „несчастнымъ мономаномъ“. Кантемиръ находился подъ полнымъ обаяніемъ Ѳеофана касательно вопросовъ просвѣщенія и нравственно-религіозной жизни Русскаго общества. Бо́льшею независимостью отличался В. Н. Татищевъ. Историческія работы Татищева ставятся очень высоко: это первая попытка выработать историческое сознаніе. Подробно передано содержаніе „Разговора о пользѣ наукъ“ (изданнаго лишь въ 1887 году). Г. Пыпинъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе И. Е. Забѣлина, что „Татищевъ все дѣло новаго Русскаго знанія и образованія повернулъ на *народную* Русскую дорогу“.

Выводъ статьи тотъ, что просвѣщенные люди Петровскаго времени вовсе не чувствовали себя въ томъ разрывѣ съ народностью, какой стали имъ приписывать въ новое время; но они были отдѣлены отъ старины пропастью, и эта пропасть—свободная дѣятельность мысли, которой эта старина, по словамъ г. Пыпина, не знала.

Воспоминанія о Н. И. Новиковѣ и его времени. В. О. Ключевскаго. „Русская Мысль“. Январь.

Блестящая рѣчь, произнесенная въ Обществѣ Любителей Русской Словесности.

А. С. Грибоѣдонъ (1795—1895). А. Ѳ. Шидловскаго. „Новое Слово“. Январь.

Статья написана по поводу 100-лѣтія со дня рожденія творца „Горя отъ ума“; авторъ ограничилъ себя лишь сообщеніемъ біографическихъ данныхъ, но многими источниками первостепенной важности (какъ Записки Н. Н. Муравьева) не воспользовался, ни слова не сказалъ о проектѣ преобразованія Грузіи и т. п.

Александръ Васильевичъ Дружининъ. 1824 — 1864. I — II. С. Венгерова. „Вѣстникъ Европы“ Январь.

Авторъ статьи, составитель доведеннаго лишь до буквы Б (Бенедиктовъ) Словаря Русскихъ писателей, взялъ на себя трудъ выяснить, почему А. В. Дружининъ, игравшій столь видную роль въ свое время, теперь окончательно забытъ. Причина тому—отсутствіе въ Дружининѣ опредѣленнаго общественно-политическаго и философскаго міросозерцанія; онъ всегда оставался джентельменомъ, чуждающимся „мутныхъ волнъ современности“; сдержанный и благородный тонъ его критическихъ статей г. Венгеровъ объясняетъ индиферентизмомъ. Главная заслуга Дружинина—основаніе Литературнаго Фонда, но и здѣсь онъ взялъ за образецъ Британскій „Literary fund“.

Продолженіе статьи будетъ посвящено литературной личности Дружинина.

Изъ прошлаго. Посмертныя записки Н. П. Колюпанова. 1823—1843. „Русское Обозр.“ Январь.

Въ любопытныхъ запискахъ этихъ изображаются Костромское общество съ губернаторомъ С. С. Ланскимъ, Вологодскій магнатъ П. А. Межаковъ и замѣчательная личность раскольника Папурина.

Находясь на службѣ въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, отецъ автора построилъ училище для дѣтей канцелярскихъ служителей за 30 т. р., хотя смѣта была составлена въ 120 т., чѣмъ заслужилъ такое одобреніе Николая Павловича, въ 1835 г. посѣтившаго Кострому, что былъ пожалованъ перстнемъ въ 10 т. р., а 10 лѣтъ спустя, когда графъ Клейнмихель долженъ былъ ѣхать въ Кострому, Государь приказалъ ему быть у Колюпанова — поучиться дешево строить.

Памяти А. Н. Муравьева. А. Третьяковъ. „Русское Обозрѣніе“ Январь.

Краткая замѣтка о почтенномъ „защитникѣ Православія.“ Разсказъ о любви его къ чинности Богослуженія переданъ не точно. Г. Третьяковъ подготовляетъ біографію Муравьева чему можно только сочувствовать. Обѣщаны записки А. Н. Муравьева.

Намѣренія, задачи и идеи романа „Обрывъ“. Критическій очеркъ И. А. Гончарова. „Рус. Обозр.“ Январь.

Задача искусства — смягчать и улучшать человѣка. Диллетантство въ искусствѣ непростительно. На первомъ планѣ въ „Обрывѣ“ отношенія половъ между собою. Первоначально Гончаровъ хотѣлъ изобразить Волохова болѣе сдержаннымъ и воспитаннымъ; но поѣздка въ провинцію въ 1862 году побудила его нарисовать Волохова такъ, „чтобы хуже его и быть ничего не могло“.

Изъ переписки И. С. Тургенева съ А. И. Герценомъ въ 1861 г. „Р. Обозр.“ Январь.

И. С. Тургеневъ упрекаетъ А. И. Герцена за пристрастіе къ Славянофиламъ.

Тургеневъ и Толстой. Тургеневъ въ его представленіи о смерти. **Д. Овсянико-Куликовскаго.** „Сѣверный Вѣстн.“ Январь.

Разбирая *Призраки*, *Довольно* и *Отцы и Дѣти*, авторъ утверждаетъ, что страхъ передъ смертію и въ силу этого угнетенное состояніе мысли и унылый взглядъ на вещи проявлялись въ Тургеневѣ сильно. Но смерть Базарова уже является апоѳеозой его личности; это не пѣснь о ничтожествѣ, которое воспѣто въ *Призракахъ* и *Довольно*; это безсмертная пѣснь о безсмертной любви передъ которой безсильна сама смерть.

Взятыя вмѣстѣ, эти три произведенія, по мнѣнію автора, останутся важнымъ документомъ той эпохи, когда, на почвѣ односторонняго индивидуализма, возвеличеніе личности, ея апоѳеозъ шли рядомъ и чередовались съ ея крушеніемъ, ея „ничтожествомъ“. Какъ все, что̀ выходитъ изъ подъ пера автора (профессора Харьковскаго университета) статья написано прекрасно.

Культурный идеалъ К. Н. Леонтьева. Свящ. І.И. Фуделя. „Рус. Обозр.“ Январь.

Н. Н. Ге. Біографическій очеркъ. В. В. Стасова. „Сѣв. Вѣстн.“ Январь. Очеркъ этотъ, составленный на основаніи автобіографическихъ записокъ, воспоминаній, писемъ и печатныхъ статей о недавно скончавшемся (9 Іюня 1894) художникѣ, доведенъ лишь до 1859 года, т. е. до поступленія Н. Н. Ге въ Академію Художествъ (такъ что самая важная пора жизни еще не затронута), но обѣщаетъ быть очень интереснымъ. Г. Стасовъ признаетъ покойнаго геніемъ и ставитъ его „Тайную вечерю“ наряду съ величайшими созданіями искусства.

Воспоминанія о П. И. Чайковскомъ, Н. Д Кашкина. „Рус. Обозр.“ Январь.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Въ XII-й тетради „Русскаго Архива“ 1894 года (стр. 590) ошибочно показанъ день рожденія графа П. А. Клейнмихеля: онъ родился 30 Ноября 1794 года. Мать его звали не Софья, а Анна Францовна. Особенное расположеніе Николая Павловича графъ Клейнмихель заслужилъ необыкновенно-скорымъ возобновленіемъ сгорѣвшаго въ Декабрѣ 1837 года Зимняго дворца: Государь уже встрѣчалъ въ немъ Пасху 1839 года. Въ графскомъ гербѣ Клейнмихеля видъ Зимняго дворца съ надписью: „Усердіе все превозмогаетъ“.

*

— Тамъ же, стр. 587, извѣстный шталмейстеръ Наполеона III-го *Рембо* (недавно бывшій въ Петербургѣ) названъ *Шамбо*.

*

Въ I-мъ выпускѣ нынѣшняго года, на стр. 156-й вмѣсто *г. Брикнеръ* надо *авторъ* (т. е. А. А. Васильчиковъ).

— Стр. 157-я, строка 4-я снизу, вмѣсто *Сардиніи* надо *Піемонтъ*.

— Стр. 158-я, строка 22-я снизу, вмѣсто *опробованному*—апробованному.

Въ грамотѣ къ братіи Саввы-Сторожевскаго монастыря, напечатанной въ Декабрьской книжкѣ „Русскаго Архива“ 1894, вкралась ошибка въ обозначеніи года отъ Рождества Христова, а именно—вмѣсто 1698 года Декабря въ 10 день, поставлено (въ скобкахъ) 1699. Объяснитель не принялъ во вниманіе, что въ старину лѣточисленіе начиналось не съ Января, а съ 1-го Сентября, со дня Симеона Лѣтопроводца. Поэтому при переводѣ годовъ отъ сотворенія міра на лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова, начинающееся съ 1-го Явваря, вычитается за мѣсяцы: Сентябрь, Октябрь, Ноябрь и Декабрь, не 5508 лѣтъ, а 5509, какъ относящихся къ старому, еще не истекшему, году.

Любопытно знать, вѣрно ли списано съ грамоты слѣдующее мѣсто, повторенное два раза: *Да у всякого стрѣлца* быть для караулу съ ружьемъ по монастырскому служкѣ.

Тутъ является сомнѣніе. Всѣхъ стрѣльцовъ прислано 100 человѣкъ; при буквальномъ исполненіи указа пришлось бы монастырю поставить на караулъ 100 служекъ, давъ каждому по ружью. За симъ тому же монастырю пришлось бы имѣть въ запасѣ еще 100 служекъ для перемѣны караула, да еще столько же для исполненія монастырскихъ службъ и работъ. Неужели?

Аскалонъ Труворовъ.

ВОПРОСЪ XVI-й

У великаго князя Василія Ивановича сынъ Георгій отъ Соломоніи Сабуровой, съ которой онъ незаконно развелся. Какая судьба этого сына?

Въ Суздальскомъ монастырѣ, близъ гробницы Соломоніи, гробница ея дочери. Три года новая супруга великаго князя Литовка Елена Глинская, безплодна. Положеніе ея критическое въ виду отвергнутой Соломоніи.

Ивану Васильевичу Грозному 12 лѣтъ, когда умираетъ Соломонія. Онъ растетъ подъ страхомъ, что у него есть братъ законнѣе его, Георгій Васильевичъ. Развитіе его подозрительности не въ связи ли съ сомнительностью его происхожденія? Что побуждало Ивана Грознаго обращать особое вниманіе на Суздаль? Что побудило его выбрать въ жены старшему своему сыну *племянницу* Соломоніи? Гр. С. Ш.

жели одинъ, потому что не былъ оставленъ, не былъ брошенъ, слѣдовательно, не имѣлъ нужды дѣйствовать, могъ спать умомъ и тѣломъ, и спалъ, и проснулся очень недавно, и по сію пору не умѣю владѣть собою. Эта неподвижность, этотъ душевной параличъ, которой часто чувствую, приводятъ меня въ отчаяніе. Всякой разъ, когда вспомню о братѣ [1]), то живѣе чувствую цѣну его и потерю. Что́ бы онъ былъ для меня теперь! Кажется, мнѣ теперь жаль его больше, нежели тогда, когда мы его лишились. Я теперь больше чувствую самого себя, больше знаю цѣну настоящую жизни и больше понимаю для чего я живу. Дружба его, какъ она ни была коротка и какъ я ни былъ ничтоженъ въ то время, когда его зналъ, оставила что-то непзгладимое въ душѣ моей: весь энтузіазмъ къ доброму, все благородное, что́ имѣю, все, все лучшее во мнѣ должно принадлежать ему. Мнѣ кажется, всякой разъ, когда объ немъ вспомню, сталъ бы на колѣна, для чего—не знаю; но какое-то особливое чувство меня къ этому побуждаетъ. Ахъ, братъ, намъ надобно жить на свѣтѣ не такъ, какъ живутъ обыкновенно, жить возвышеннымъ образомъ; но я *одинъ* ничего не сдѣлаю: мнѣ необходима подпора. Я найду ее въ дружбѣ, и въ твоей дружбѣ. Дай руку, но только дай ее отъ всего сердца и не ожидай найти ничего слишкомъ отмѣннаго: я долженъ еще быть образованъ для дружбы; но кажется мнѣ, если не ошибаюсь, теперь сталъ я зрѣлѣе, нѣсколько лучше. Намъ надобно помогать другъ другу, оживлять другъ друга дѣлами и мыслями. Бываютъ такія минуты, въ которыя жизнь кажется чѣмъ-то пустымъ, въ которыя самое добро кажется ничтожнымъ, ничего не хочешь, ничего не почитаешь нужнымъ и важнымъ; такія состоянія души часто очень долго продолжаются; надобно, чтобы какая нибудь неожиданность ихъ уничтожила, и въ такія-то минуты всего нужнѣе дружеская подпора. По твоему письму заключаю, что ты во все это время не былъ счастливъ, страдалъ душевно; вообрази жъ, что я почти завидую этому состоянію: душа твоя была по крайней мѣрѣ не въ бездѣйствіи. Я бы даже иногда желалъ, чтобы какое нибудь потрясеніе меня разбудило, чтобы я могъ съ чѣмъ нибудь бороться и слѣдовательно напрягать всѣ свои силы: либо панъ, либо пропалъ! Всякое состояніе имѣетъ свою горечь. Излишнее спокойствіе усыпляетъ, если оно не пріобрѣтено трудомъ, не есть отдыхъ, а всегдашнее, постоянное состояніе. Излишнее волненіе изнуряетъ, слѣдовательно можетъ быть также убійственно для души, которая, видя свою неспособность дѣйствовать, отказывается отъ дѣятельности и теряетъ бодрость. Мнѣ кажется, ты былъ въ послѣднемъ положеніи, а я часто бываю въ первомъ. Иногда не вижу передъ собою ничего, все задернуто какимъ-то густымъ туманомъ, сидѣлъ бы поджавши руки и закрывъ глаза, больше ничего! Но это состояніе отъ того такъ тягостно, что не можешь его не чувствовать, что видишь, какъ оно низко, и не находишь въ себѣ довольно силъ, чтобы изъ него вырваться; оно хуже самаго ничтожества, которое по крайней мѣрѣ не чувствительно. Надобно, братъ, и мнѣ и тебѣ назначить себѣ постоянную цѣль; видя ее въ дали, по крайней мѣрѣ не будешь въ нерѣшимости, будешь знать, чего хочешь, и

[1]) Т. е. объ Андреѣ Ивановичѣ Тургеневѣ. П. Б.

слѣдовательно будешь стараться получить. Если минуты разслабленія и случатся, то конечно не будутъ такъ продолжительны: взглядъ на будущее, на тотъ предметъ, которой самъ себѣ избралъ, будетъ оживлять душу и возвращать ей прежнюю ея силу и бодрость. Такъ, братъ, я понимаю и иногда чувствую, что ничто такъ не возвышенно, какъ имѣть твердую, постоянную увѣренность въ безсмертіи: это единственная цѣль наша. Какъ должна быть велика, чиста, непобѣдима та душа, въ которой чувство безсмертія всегда живо и всегда присутственно! Вотъ все основаніе морали, и тотъ человѣкъ долженъ благословлять судьбу, кто смолоду напитанъ возвышенными понятіями о безсмертіи: онъ не можетъ не быть добродѣтельнымъ, по крайней мѣрѣ никогда не будетъ дурнымъ. Съ этой стороны ты счастливецъ. А я? Братъ! Братъ! Скажу тебѣ, какъ Карлъ Мооръ, которой смотритъ на ясное заходящее солнце и вспоминаетъ о томъ, что̀ онъ былъ прежде. Я не вспоминаю о прошедшемъ, потому что оно мало оставило на душѣ моей; но воображаю, что̀ бы я былъ, когда бы прошедшее было не таково, каково оно было! Въ прошедшемъ не вижу ничего, кромѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ вмѣстѣ съ братомъ; и тѣ прошли почти непримѣтно: я былъ не въ состояніи ничѣмъ пользоваться и въ самомъ дѣлѣ ничѣмъ не воспользовался! Наша дружба была зародышъ, который совершенно увянулъ при своемъ началѣ; теперь ничего не воротишь! Воспользуемся тѣмъ, что́ можемъ имѣть. Мы, кажется, двое много можемъ. По крайней мѣрѣ я вмѣстѣ съ тобою! Ты долженъ быть согрѣвателемъ моей души, долженъ поддерживать во мнѣ чувство безсмертія. Если оно укоренится въ душѣ нашей, то жизнь наша пройдетъ не даромъ. Главное, единственное, что́ мы другъ для друга дѣлать можемъ, есть взаимное стараніе возвышать нашу душу; все прочее само собою сдѣлается. Кто далъ себѣ высокія чувства, тотъ далъ себѣ все. Въ свѣтѣ долженъ казаться страннымъ тотъ человѣкъ, который имѣетъ своею цѣлію безсмертіе, совершенство; но нашей цѣли не долженъ никто ни знать, ни видѣть: она должна быть сокрытою; взглядъ свѣта можетъ ее обезобразить въ собственныхъ нашихъ глазахъ. По крайней мѣрѣ я за себя не совсѣмъ ручаюсь, и для того-то требую подпоры, защиты противъ самого себя: я не пріученъ ни къ какой дѣятельности, ни къ душевной, ни къ тѣлесной, слѣдовательно не увѣренъ, могу ли съ чѣмъ-нибудь бороться и что-нибудь побѣдить. Я живо себѣ представляю, какое блаженство должна давать прямая религія; она возноситъ человѣка выше всего, выше самой его личности; но я только представляю это: я въ себѣ не нахожу того сильнаго, внутренняго, неизгладимаго чувства, которое должно быть твердѣйшимъ основаніемъ религіи. Все, что́ я видѣлъ вокругъ себя по сію пору, должно было если не отвращать, то по крайней мѣрѣ поселять во мнѣ совершенное равнодушіе къ религіи: я видѣлъ христіанъ на словахъ, которые не имѣютъ понятія о возвышенности чувствъ христіанскихъ, о безсмертіи и пр.; несогласіе чувствъ и дѣлъ съ правилами и словами, всегда замѣчаемое мною съ колыбели, должно было произвести во мнѣ это неуваженіе и равнодушіе. Я долженъ теперь, если можно, побѣдить привычку, уничтожить старое, чтобы поселить въ себѣ что-нибудь хорошее; сверхъ того необходимо нужно что-нибудь

такое, что́ бы сильно меня къ этому подвинуло, а этой-то побудительной причины недостаетъ. Дай мнѣ понятіе о религіи твоего батюшки. Она не должна быть обыкновенною, и если ты въ ней увѣренъ, то почему я не могу быть увѣренъ? Эти вещи самыя важнѣйшія, потому что на нихъ должно основываться все наше бытіе, должны быть между нами общими, по крайней мѣрѣ столько общими, сколько это возможно. Весело и прекрасно имѣть побудительную причину во всѣхъ случаяхъ жизни; по крайней мѣрѣ одна только побудительная причина у всѣхъ и быть можетъ: исканіе совершенства. И что же дружба, когда она не будетъ пособіемъ въ этомъ исканіи? Другъ, жена — это помощники въ достиженіи къ счастію, а счастіе есть внутренняя, душевная возвышенность.

Wem der *grosse Wurf* gelungen
Eines Freundes Freund zu sein,
Wer ein holdes Weib errungen... [2]).

Эти стихи я нынче очень чувствую. И какъ много такого, что́ прежде пропускалъ мимо ушей, теперь сдѣлалось важнымъ и значущимъ!

Но я все говорю о себѣ, а еще не сказалъ ни слова о тебѣ. Ты описываешь мнѣ свое душевное уныніе, а не говоришь ни слова о томъ, что́ произвело его. Что́ такое? Или не лишніе ли мои вопросы? Но съ тобою должно было что-нибудь новое случиться. Если тебѣ тяжело разсказывать, то не разсказывай. Я бы хотѣлъ быть съ тобою. Это бы, можетъ быть, полезно было бы для тебя, или хотя нѣсколько облегчительно, и для меня также полезно; но двѣ причины меня здѣсь удерживаютъ. Первая та, что мнѣ совершенно не съ кѣмъ пріѣхать; вторая та, что я *долженъ* и хочу заплатить самой важной долгъ до своего отъѣзда въ чужіе края [3]): слѣдовательно принужденъ работать. Я и здѣсь лѣниво работаю, потому что иногда право ничто нейдетъ въ голову, а въ Москвѣ и поготово [4]) буду лѣниться и не имѣть времени. Итакъ видишь, что мнѣ необходимо нужно здѣсь остаться, хотя и желалъ бы въ Москву. Сверхъ того построенъ домъ [5]); я уѣзжаю надолго, надобно все оставить безъ себя въ порядкѣ, чтобы матушка [6]) не имѣла хлопотъ, и эти совсѣмъ не поэтическія занятія часто меня

---

[2]) Кому выпалъ великій жребій быть другомъ друга, кто добылъ себѣ милую жену.

[3]) Ср. въ журналѣ Жуковскаго за 1805 годъ слѣдующія строки: „Къ началу Генваря или Марта 1806 г. я долженъ выплатить половину теперешняго своего долга и положить за правило болѣе не дѣлать долга ни на полуш(к)у“ (Бумаги В. А. Жук., стр. 6).

[4]) Поготово, поготову (*простонародное*)—пуще, болѣе.

[5]) Домъ свой въ Бѣлевѣ Жуковскій началъ строить съ 1804 г. (см. „Р. Архивъ“ 1871 года, стр. 0147); къ концу 1805 г. Жуковскій уже въ немъ поселился (см. Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI Спб. 1878, стр. 383–384).

[6]) Елисавета Дементьевна, плѣнная Турчанка, скончавшаяся 25 Мая 1811 года.

бѣсятъ. Однимъ словомъ, я долженъ пробыть здѣсь всю весну и лѣто; въ концѣ лѣта располагаюсь ѣхать. Думаю, вмѣсто вояжа и переѣзда изъ мѣста въ мѣсто, остаться въ какомъ-нибудь университетѣ, и именно въ Енѣ [7]), гдѣ, говорятъ, очень дешево жить и который малымъ чѣмъ уступитъ Геттингену. Мнѣ описывалъ это мѣсто одинъ Нѣмецъ, которой учился въ Енѣ у Нимейера и которой хочетъ мнѣ дать рекомендательныя письма. Путешествовать, въ теперешнихъ обстоятельствахъ, не совсѣмъ будетъ способно. Лучше учиться. Съ тремя тысячами, которыя дастъ мнѣ Антонскій [8]), могу прожить безъ нужды довольно времени въ Енѣ. Ученье теперь мнѣ всего нужнѣе, потому что я совсѣмъ ничего не знаю, а, кажется, время что-нибудь знать. Что-жъ Николай? [9]) Поѣдетъ ли онъ, если я поѣду? Или не раздумала ли матушка? [10]) Признаюсь, эта мысль меня радуетъ быть ему товарищемъ: мы бы вмѣстѣ стали трудиться. Онъ, мнѣ кажется, человѣкъ будетъ не пустой. Что́ такое онъ написалъ для акта? [11]) Нельзя ли прислать? Увѣрь его пожалоста, что онъ во мнѣ найдетъ самаго вѣрнаго товарища. Я для себя и для него ожидаю величайшей пользы отъ путешествія. Опытность, познанія, дѣятельность—все можемъ получить въ это время. Путешествіе должно положить основаніе всей моей будущей жизни; теперь еще не знаю, что́ я, слѣдовательно не знаю, на что́ гожусь; но тогда, конечно, узнаю. Къ тому же мнѣ необходимо надобно учиться, самому никакъ нельзя во всемъ успѣть, особливо одному; мнѣ хочется непремѣнно сдѣлать изъ себя все то, что́ теперь осталось мнѣ возможнымъ, все лучшее, полезное: кто это имѣетъ цѣлію, тотъ по крайней мѣрѣ не сдѣлаетъ ничего дурнаго. Еще разъ повторяю: будемъ помогать другъ другу, будемъ оживлять другъ друга словами, дѣлами, всѣмъ. Напиши ко мнѣ больше о себѣ; о своемъ планѣ жизни; обо мнѣ; о томъ, что́ намъ дѣлать обоимъ; какъ мы можемъ быть полезны другъ для друга. Мнѣ бы хотѣлось знать твои мысли о счастіи, какое тебѣ возможно и какого намъ обоимъ можно искать. Что̀ ты думаешь о моемъ вояжѣ и что́ мнѣ совѣтуешь дѣлать, если не поѣду? Въ будущемъ письмѣ буду писать о томъ, какое счастіе я себѣ воображаю и какое мнѣ возможно. Но все это похоже на воздушные замки, и тебѣ должны казаться смѣшными мои вопросы. Однакоже ты долженъ на нихъ отвѣчать. Не правда ли, однакожъ, что

---

[7]) Т. е. Іенѣ.

[8]) Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, профессоръ Московскаго университета, съ 1791 года по 1824 годъ стоявшій во главѣ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона (съ 1791 по 1818 съ званіемъ инспектора, а съ 1818 съ званіемъ директора).

[9]) Н. И. Тургеневъ. См. выше, прим. 4 къ письму № I.

[10]) Иванъ Петровичъ Тургеневъ былъ женатъ на Екатеринѣ Семеновнѣ Качаловой.

[11]) Въ помѣщенномъ въ № 103 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1805 года извѣстіи о происходившемъ 23 Декабря 1805 года актѣ Московск. Универс. Благороднаго Пансіона въ перечнѣ читанныхъ на актѣ рѣчей, разговоровъ и стиховъ, не упоминается имени Н. И. Тургенева. Изъ того же извѣстія видно, что на этомъ актѣ студентъ Николай Тургеневъ удостоенъ серебряной медали съ именемъ.

я о твоемъ и своемъ счастіи хочу разсуждать, какъ будто о какой-нибудь философической задачѣ? И въ самомъ дѣлѣ, неужели объ этой матеріи надобно разсуждать въ горячкѣ и быть всегда мечтателемъ? Надобно сдѣлать для себя какой-нибудь основательной планъ, не химерической, но утвержденный на возможности; намъ надобно другъ другу сообщать свои намѣренія и чувства, другъ другу помогая сдѣлать что-нибудь хорошее, утвердиться на чемъ-нибудь постоянно. Итакъ, напиши мнѣ о себѣ все, не полѣнись, будь моимъ путеводителемъ или по крайней мѣрѣ совѣтникомъ.—Что́ дѣлаетъ Мерзляковъ? Онъ забылъ меня совершенно: я не получилъ отъ него ни строки; не знаю, что́ онъ дѣлаетъ и что́ наше съ нимъ путешествіе. Я самъ къ нему почти ничего не писалъ, но все писалъ, и въ твоемъ письмѣ, и одинъ разъ особенно. Напомни ему обо мнѣ. За что намъ другъ отъ друга отдаляться? Признаюсь, мнѣ обидно слышать, что ты съ нимъ рѣдко видишься: кому-жъ бы другъ друга поддерживать и искать, какъ не вамъ двумъ! Что-жъ значитъ это отдаленіе? Не знаю, какъ это назвать; но мнѣ кажется, что Мерзляковъ (хотя съ нимъ мнѣ всегда было весело быть вмѣстѣ, потому что онъ человѣкъ необыкновенный) не былъ со мною таковъ, какимъ бы я желалъ его видѣть; напримѣръ, между нами не было искренности; если мы и говорили другъ съ другомъ, то вообще всегда говорили о постороннихъ матеріяхъ; однимъ словомъ, мнѣ всегда казалось, что я мало для него значу, и отъ этого онъ мало на меня имѣлъ вліянія. Можетъ быть, этому причиною и то, что онъ не хотѣлъ имѣть вліянія: по крайней мѣрѣ я по сію пору еще его не знаю; онъ никогда мнѣ не открывался, даже въ самыхъ бездѣлицахъ, въ своихъ сочиненіяхъ, не только въ мысляхъ и чувствахъ. Между нами не было ничего общаго; я не могу отъ него ничего требовать: нѣтъ ничего тяжелѣ и скучнѣе, какъ насиліе и принужденность. Но онъ не имѣлъ причины мнѣ показывать обманчивой наружности; слѣдовательно я имѣю все право вѣрить тому, что онъ мнѣ показывалъ, и теперь вѣрю; только мнѣ кажется, что все было не таково, какимъ бы должно было быть между нами. Отчего такая слабая связь, такое равнодушіе между нами? Насъ должно оживлять одно, поддерживать одно! Однимъ словомъ, наша жизнь должна быть cause commune! [12]) А мнѣ кажется, что онъ меня забылъ и всегда искалъ меня меньше, нежели я его. Или не вздоръ ли я написалъ, и не похоже ли это на прицѣпки? Скажи ему обо мнѣ полслова и напиши объ немъ что-нибудь. Намъ надобно жить связно и жить другъ для друга. Я признаюсь передъ вами, любезные друзья, что я самъ былъ что-то не то, но намъ надобно быть образователями другъ друга. Не забывайте меня; я здѣсь имѣю въ васъ нужду, можетъ быть больше, нежели вы во мнѣ. — Но прости, братъ, на будущей почтѣ буду писать еще; то-есть, получивъ отъ тебя отвѣтъ. Теперь некогда, мнѣ мѣшаютъ. — Пришли мнѣ свое Путешествіе [13]). Я теперь занимаюсь собраніемъ Русскихъ поэтовъ;

---

[12]) Т. е. общимъ дѣломъ.

[13]) Здѣсь разумѣется журналъ, или описаніе заграничнаго путешествія А. И. Тургенева, которое Жуковскій думалъ впослѣдствіи напечатать (о чемъ см. въ дальнѣйшихъ письмахъ); но ему не удалось это исполнить. Небольшой отрывокъ изъ этого Путеше-

скажи Мерзлякову, чтобъ онъ прислалъ мнѣ лучшіе свои стихи; не будетъ ли чего для помѣщенія въ это Собраніе? [14]) Пришли Путешествіе. Неужли искреннее сужденіе дружбы не будетъ для тебя пріятно? Всѣ мои сочиненія увидятъ не прежде свѣтъ, какъ съ пропускомъ и благословеніемъ моихъ друзей.

A propos. Пожалоста прочти Виландова Агатона [15]). Святая книга! Я начинаю больше уважать Нѣмецкихъ авторовъ. Ради Бога, пришли мнѣ что нибудь хорошее въ Нѣмецкой философіи: она возвышаетъ душу, дѣлая ее дѣятельнѣе; она больше возбуждаетъ энтузіазмъ. Этому причина, конечно, то, что большая часть Нѣмецкихъ философовъ живутъ въ совершенномъ уединеніи, слѣдовательно больше угадываютъ людей, видятъ ихъ издали и больше примѣняютъ къ себѣ. Французскіе всѣ играютъ роль въ большомъ свѣтѣ, всѣ подчинены хорошему тону, менѣе глубокомысленны и меньше имѣютъ живости въ чувствахъ, которыя обыкновенно притупляются свѣтскою жизнію. Одинъ Руссо можетъ быть исключеніемъ, но Руссо жилъ всегда въ уединеніи. Итакъ, пришли мнѣ какого нибудь Нѣмца-энтузіаста. Мнѣ теперь нуженъ такой помощникъ, нужна философія, которая бы оживила, пробудила мою душу. Если есть Schiller's kleine prosaische Schriften, присылай. Не забудь поздравить отъ меня батюшку съ новымъ годомъ; напиши объ немъ, объ Иванѣ Володимеровичѣ [16]). О послѣднемъ буду говорить съ тобою много, но не теперь: спѣшу, мѣшаютъ, торопятъ писать! Прости, братъ! Что Андрей Сергѣевичъ? [17]) Знаешь ли, что мнѣ приходитъ въ голову съ нимъ поближе сойтись. Намъ надобно составить отдѣльное общество. Но послѣ, послѣ!

V. [1]).

(1806, Москва).

Mon cher ami. Будучи лѣнивъ невображаемымъ образомъ, ты еще меня хочешь наказывать за лѣность: побойся Сатаны! Я отвѣчалъ на твое письмо, хотя нѣсколько поздно, но ты самъ отчасти причиною такого замедленія: ты не доставилъ мнѣ своего адреса, и я принужденъ

ствія, подъ заглавіемъ: „Путешествіе Русскаго на Брокенъ въ 1803 году“, позже былъ напечатанъ въ № 22 „Вѣстника Европы“ 1808 года.

[14]) Собраніе Русскихъ стихотвореній, въ пяти частяхъ, было издано Жуковскимъ позднѣе, въ 1810—1811 годахъ.

[15]) Чтеніемъ Агатона Жуковскій былъ занятъ съ Декабря 1805 года; это сочиненіе Виланда привело Жуковскаго въ восторгъ, какъ видно изъ отзыва его объ этой книгѣ въ письмѣ его къ Ѳедору Григорьевичу Вендриху (сосѣду Жуковскаго по деревнѣ) отъ 19 Декабря 1805 года (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 384—385).

[16]) Лопухинъ.

[17]) Кайсаровъ.

[1]) Письмо безъ даты; отнесено къ 1806 году предположительно. Писано, какъ видно по его содержанію, изъ Москвы. Письмо отъ 24 Декабря 1806 года имѣетъ тотъ же адресъ, какъ и настоящее письмо, но уже весь писанный рукою Жуковскаго.

адресовать письма на имя Костогорова [2]) и посылать черезъ Соковниныхъ [3]). Деньги твои сію минуту получилъ и сію минуту везу къ братьямъ [4]); я очень рѣдко вижу матушку [5]), потому что теперь совершенно никого не вижу, сижу и долженъ сидѣть дома. Не пеняй на меня, любезный другъ, и болѣе всего не сердись на меня за мою лѣнь. Говорятъ, что отдаленіе, долговременная разлука, свѣтская разсѣянность, особливо разсѣянность такого рода, какъ твоя, уменьшаютъ дружбу. Я увѣренъ, что ты это опровергнешь своею ко мнѣ привязанностію. *Обстоятельства* мои теперь идутъ такъ, мой любезный, добрый и неизмѣнный Александръ, что, можетъ быть, я долженъ буду ограничить себя одною дружбою. Эта счастливая идея блеснула сію минуту въ моемъ сердцѣ. Такъ, любезный другъ, быть можетъ для *счастія жизни* буду искать прибѣжища въ тебѣ; ты, можетъ быть, долженъ будешь замѣнить для меня *многое*; что̀ съ одной стороны *потеряю*, то̀ буду стараться *замѣнить* тобою. Идея радостная, идея, которая должна быть для меня теперь усладительна! Мы будемъ дѣйствовать вмѣстѣ, другъ для друга, дѣйствовать достойнымъ другъ друга образомъ. По крайней мѣрѣ эту жизнь можно будетъ назвать жизнію благородною и почти счастливою. Забудемъ ли когда нибудь нашего брата? Забудемъ ли когда нибудь другъ друга? Братъ, ради Бога, *возобновимъ* свою дружбу и будемъ жить, имѣя всегда передъ глазами одинъ другаго; тогда по крайней мѣрѣ душа не увянетъ. Благодарю счастливаго генія, который далъ мнѣ перо въ руку и побудилъ къ тебѣ написать. Будущее для меня озарилось! Прости, любезный другъ; теперь буду видѣть въ будущемъ тебя, et vous devrez être mon refuge [6]). Для того, чтобы я былъ добръ, цѣнилъ жизнь и не потерялъ живости и чистоты душевной, не закрывай для меня сердца! Oui, il faut tenir à quelque chose; vivre sans liens, après avoir rompu tous ceux qui ont été si chers, c'est exister dans un tombeau! [7]) Прости, мой другъ; я еще буду говорить съ тобою, и много, но не теперь.

Адресъ: Его высокоблагородію Александру Ивановичу Тургеневу. Въ канцеляріи его превосходительства Николая Николаевича Новосильцова [8]). Въ С.-Петербургѣ. (Въ этомъ адресѣ только слова: „Александру Ивановичу Тургеневу“ писаны самимъ Жуковскимъ).

---

[2]) О немъ см. выше, примѣч. 4-е къ письму II-му.

[3]) Общіе знакомые Жуковскаго и Тургеневыхъ. Сергѣй Михайловичъ Соковнинъ былъ товарищемъ Жуковскаго и Тургенева по воспитанію въ Московскомъ Благородномъ Пансіонѣ и ихъ пріятелемъ.

[4]) Н. И. и С. И. Тургеневымъ.

[5]) Екатерину Семеновну Тургеневу.

[6]) Т. е. И ты долженъ быть моимъ прибѣжищемъ.

[7]) Т. е. Да, нужно держаться чего либо; жить безъ привязанностей, порвавъ всѣ тѣ, которыя были такъ дороги, это тоже, что̀ жить въ могилѣ.

[8]) Знаменитый впослѣдствіи своею службою въ Царствѣ Польскомъ, а позднѣе предсѣдатель Государственнаго Совѣта. П. Б.

VI.

(Въ половинѣ Декабря 1806 г., Москва).

Здравствуйте, любезные друзья Тургеневъ и Блудовъ! Въ доказательство того, что я васъ помню и люблю, можетъ быть, больше прежняго, посылаю вамъ цѣлую кипу стиховъ [1]), изъ которыхъ одно точно на ваше имя написано и въ такую минуту, въ которую я съ большимъ чувствомъ думалъ объ васъ и о прошедшемъ времени. Которые это стихи, вы сами узнать можете [2]). Сдѣлай дружбу, братъ Тургеневъ, вели напечатать Барда [3]) особенно, если можно съ виньетомъ, на которомъ бы представить ту минуту, въ которую Бардъ взбѣжалъ на холмъ и видитъ летящія тѣни. Извини, что занимаю тебя стихами тогда, когда мы всѣ должны думать объ отечествѣ [4]); но эти стихи суть новый даръ отечеству; я желалъ бы, чтобы ты сдѣлалъ ихъ извѣстными. Если напечатаешь, то пришли и мнѣ сколько нибудь экземпляровъ. Покритикуйте ихъ вмѣстѣ съ Блудовымъ и, если вздумаете что́ поправить, поправьте. Только поспѣши. Здѣсь они будутъ напечатаны въ Вѣстникѣ [5]). О другихъ же моихъ піесахъ не заботься; онѣ будутъ напечатаны въ Вѣстникѣ же, и я смѣшонъ бы былъ, когда бы хлопоталъ объ нихъ или занимался сочиненіемъ басенъ въ такое время, каково настоящее. Всѣ эти стихи написаны въ Октябрѣ [6]), въ спокойнѣйшія минуты, а теперь ни на чемъ постороннемъ нельзя остановить вниманія. Я пріѣхалъ было въ Москву съ тѣмъ, чтобы цѣлый годъ посвятить порядочному ученію, пройти исторію и философію, и потомъ уже, имѣя основательныя знанія, приняться за что нибудь важное и полезное; но теперешнія обстоятельства, кажется, не позволятъ заняться науками. Я не знаю, на что́ рѣшиться, и желалъ бы знать ваше мнѣніе объ этомъ, братцы. Теперь всякой обязанъ идти въ службу, и я чувствую свою обязанность; но служить надобно для того, чтобы принести пользу. Вы знаете мои способности; скажите, что́ мнѣ дѣлать? А я не желалъ бы остаться въ бездѣйствіи тогда, когда всякой долженъ дѣйствовать, но желалъ бы дѣйствовать такъ, чтобы принести пользу. Ожидаю вашего отвѣта, по крайней мѣрѣ тво-

---

[1]) Въ періодъ времени съ Апрѣля по конецъ Ноября 1806 года Жуковскій написалъ 42 піесы (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 26—29).

[2]) Очевидно это—элегія „Вечеръ“, писанная въ Маѣ 1806 года (см. тамъ же, стр. 26), въ которой нѣсколько строфъ посвящено воспоминаніямъ о друзьяхъ и спутникахъ юности.

[3]) Т. е. Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ-побѣдителей. Отдѣльнымъ изданіемъ она вышла въ Петербургѣ въ 1807 году, но безъ виньетокъ.

[4]) Тогда шла вторая наша война съ Наполеономъ и набиралось Народное Ополченіе. П. Б.

[5]) Въ Москвѣ Пѣснь Барда появилась въ № 24-мъ Вѣстника Европы за 1806 годъ.

[6]) Большинство написанныхъ въ 1806 году басенъ, дѣйствительно, относится къ Октябрю этого года (см. указанныя страницы въ Бумагахъ В. А. Жуковскаго).

его, Тургеневъ: ты не такъ лѣнивъ, какъ Блудовъ, въ которомъ одна страсть [7]) поглотила всѣ другія способности, склонности и пр. и пр. Ты долженъ непремѣнно отвѣчать мнѣ и въ скорѣйшей скорости. Если не ошибаюсь, то въ сочиненіи манифеста [8]) участвовалъ и ты: кажется, есть въ немъ сходство съ твоимъ слогомъ [9]). Вообще написанъ хорошо; но вы забыли, государи мои, что вы говорите съ Русскимъ народомъ, слѣдовательно не должны употреблять языка ораторскаго, а говорить простымъ, сильнымъ и для всѣхъ равно понятнымъ. Нынче и тотъ, кто привыкъ читать и знаетъ риторику, плѣняется меньше украшеніями, нежели простотою. Вообрази, что этотъ манифестъ должны читать всѣ генерально. Кто знаетъ Цицерона, для того онъ будетъ убѣдительнѣе, хотя и на него ораторскіе обороты будутъ въ половину только дѣйствовать: языкъ оратора подозрителенъ, ибо знаешь, что краснорѣчіе все увеличиваетъ. Для простаго народа и для большей части высокого дворянскаго сословія важнѣйшія мѣста изъ манифеста будутъ почти непонятны, слѣдовательно потеряютъ большую часть своего дѣйствія. Мало и не положительно сказано о награжденіяхъ. Вы думаете все основать на чувствѣ патріотизма, которое въ большей части очень слабо, въ однихъ потому, что они безпрестанно разсѣяны свѣтскимъ вздоромъ, слѣдовательно не могутъ имѣть ничего солиднаго въ головѣ; въ другихъ потому, что они слишкомъ грубы и необразованны, слѣдовательно не могутъ имѣть понятія о должностяхъ моральнаго человѣка и объ отношеніяхъ гражданина къ отечеству; а въ простомъ народѣ оно едва ли можетъ существовать: причина очевидна. Итакъ надлежало бы говорить даже о личныхъ выгодахъ и о личной опасности и о любви къ Государю. Для большей части народа Русскаго Государь знакомѣе отечества; и самой низкой народъ всегда бывалъ привязанъ къ Государю, это докажетъ исторія: для грубыхъ людей натуральнѣе любить лицо Государя, которое они могутъ знать и видѣть, нежели отвлеченное лицо отечества, которое существуетъ въ одномъ воображеніи. Тотъ, кто уже говоритъ объ отечествѣ и понимаетъ то, что говоритъ, можетъ назваться довольно просвѣщеннымъ; этого просвѣщенія еще нѣтъ въ нашемъ народѣ. Что жъ касается до личныхъ выгодъ и личной опасности, то надлежало бы и ихъ представить явственнѣе; надлежало бы сказать, какая именно опасность намъ угрожаетъ, и сказать самымъ простымъ, понятнымъ языкомъ: тутъ бы можно было распространиться о вѣрѣ. Вотъ случай, въ которомъ самая фанатическая вѣра можетъ быть весьма полезною: фанатизмомъ можно управлять, а теперь только того и желать должно, чтобы все покорялось безъ прекословія. Для чего не сказано ничего объ опасности, угрожающей нашей вѣрѣ? Вѣра есть имѣніе каждаго; всякой,

[7]) Увлеченіе княжною Анною Андреевною Щербатовой, на которой Д. Н. Блудовъ позднѣе женился.

[8]) Рѣчь идетъ о манифестѣ 30 Ноября 1806 года, напечатанномъ 3 Декабря того же года, объ образованіи милиціи или ополченія (см. П. С. З., т. XXIX, № 22374).

[9]) Вотъ съ какихъ поръ Д. Н. Блудовъ могъ заниматься манифестами, которые въ царствованіе Николая Павловича почти всѣ имъ писаны. Читатель оцѣнитъ правду дальнѣйшаго разсужденія Жуковскаго. П. Б.

разумѣется, вѣрующій, а какъ скоро вѣрующій, то и большой энтузіазмъ получить могущій, вступился бы за свою собственность. Этотъ предлогъ еще необходимѣе для нашихъ крестьянъ, которые не имѣютъ собственности. Представить бы опасность не риторски, а просто, сильно и языкомъ для всѣхъ понятнымъ. О награжденіяхъ сказано вообще! А это-то и требовало распространенія. Въ первую минуту энтузіазмъ могъ воспламенить ревность, но должно бы было дать подпору энтузіазму: надежда на будущія выгоды могла бы быть ему подпорою. Опредѣлить бы награду для дворянъ, что̀ меньше однако нужно, ибо дворяне могутъ больше быть убѣждены въ необходимости вооруженія; опредѣлить бы награду и для самыхъ мужиковъ, и вотъ, мнѣ кажется, благопріятный случай для дарованія многихъ правъ крестьянству, которыя бы приблизили его нѣсколько къ свободному состоянію, котораго нашъ Государь такъ сильно, кажется мнѣ, желаетъ: первой шагъ труденъ, и для сдѣланія сего шага нуженъ намъ непремѣнно поводъ, а теперешній случай можетъ почесться весьма сильнымъ поводомъ. Мало также и не весьма ясно говорено о распущеніи войскъ: многіе вообразятъ, что должны будутъ служить какъ обыкновенные солдаты. Теперь много, весьма много зависитъ отъ помѣщиковъ и отъ исправниковъ: имъ бы должно было, однимъ своихъ крестьянъ, другимъ казенныхъ собрать и толковать имъ волю Государеву, прочесть передъ ними манифестъ и объяснить имъ ихъ собственную должность; вселить бы въ нихъ уваженіе къ тому званію, въ которое они посвящаются; дать имъ почувствовать, что они идутъ не насильно, а по призыванію своего Государя; представить бы имъ надежду на награжденія и отличія; однимъ словомъ, уничтожить совершенно то уныніе, которое я замѣтилъ уже во многихъ, чему причиною самъ манифестъ, въ которомъ о необходимости вооруженія и должности гражданской говорено языкомъ ораторскимъ, слѣдовательно не совсѣмъ понятнымъ для всѣхъ. У большей части, по прочтеніи манифеста, остается одна только мысль о новомъ и ужасномъ наборѣ, и никакая другая о выгодѣ сего набора и объ обязанностяхъ каждаго не можетъ поколебать впечатлѣнія, имъ произведеннаго, потому что это впечатлѣніе самое главное и сильное. Надлежало непремѣнно уничтожить его другими сильнѣйшими. Наши дворяне могли бы легко его уничтожить и даже замѣнить энтузіазмомъ или по крайней мѣрѣ готовностію на все; но сколько на это способныхъ изъ живущихъ по деревнямъ? Еще жъ, едва ли не больше, могли бы сдѣлать священники. Я бы написалъ проповѣдь простую, но сильную, которую бы разослалъ по всѣмъ приходамъ и велѣлъ бы читать передъ народомъ; умной священникъ къ написанному могъ бы прибавить свое словесное толкованіе, а глупой ничего бы не прибавилъ, а прочелъ бы все такъ, какъ написано. Это произвело бы великое дѣйствіе. Въ проповѣди основалъ бы все на вѣрѣ; говорилъ бы о любви къ Государю, къ женамъ и дѣтямъ, о потерѣ возможной имущества и о наградахъ въ здѣшнемъ и будущемъ мірѣ: однимъ словомъ, освятилъ бы вооруженіе. Между тѣмъ и для каждаго офицера приготовилъ бы такую же инструкцію, по которой онъ бы непремѣнно часто, если не ежедневно, внушалъ каждому солдату его должность; но чтобы и тѣни не было витійства: оно хорошо на каѳедрѣ, передъ народомъ Аѳинскимъ, но не въ Россіи,

гдѣ народъ не одаренъ живымъ воображеніемъ; больше жъ всего говорить бы о вѣрѣ, Государѣ, личныхъ выгодахъ и наградахъ, которыя непремѣнно бы должно было выполнить..... Вотъ тебѣ, мой любезный другъ, мои мысли, которыя осмѣливаюсь ввѣрить почтѣ, потому что онѣ основаны на желаніи блага моему отечеству. Теперь узнаемъ, каковъ патріотизмъ Русскихъ. По крайней мѣрѣ исторія сохранила немного такихъ примѣровъ любви къ Государю, которые заставляютъ ожидать отъ истинно Русскихъ необыкновенныхъ пожертвованій. Желалъ бы узнать, куда назначаются всѣ эти семь войскъ [10]), кто будутъ начальники? Напиши объ этомъ, если только объ этомъ писать позволено..... Между тѣмъ прости, любезный другъ. Я писалъ къ тебѣ о манифестѣ для того, что почитаю тебя его авторомъ. Отвѣчай мнѣ скорѣе: что̀ я долженъ дѣлать и что́ могу сдѣлать? Объ это(мъ) ты можешь сказать что нибудь рѣшительное. Если надобно будетъ идти, то нельзя ли будетъ получить такое мѣсто, гдѣ бы я могъ употребить въ бо́льшую пользу свои способности, а именно, нельзя ли будетъ найти случая втереться въ штатъ котораго нибудь изъ главнокомандующихъ областныхъ для письменныхъ дѣлъ, и не можешь ли ты для меня этого сдѣлать? Я сталъ бы работать и душой, и тѣломъ. Впрочемъ и во фрунтъ идти не откажусь, если нужно будетъ идти, хотя за способности свои въ этомъ случаѣ не отвѣчаю [11]). Подумай за меня хорошенько, любезный другъ; сообщи мнѣ свои мысли немедленно. Я между тѣмъ буду съ другими совѣтоваться, но ни на что́ рѣшительное, безъ твоего мнѣнія, не отважусь. Теперь всякой *желающій* можетъ быть хотя нѣсколько полезенъ, но чѣмъ больше, тѣмъ лучше; и такъ надобно искать мѣста по способностямъ. Похлопочи обо мнѣ: въ этомъ случаѣ полагаюсь на тебя совершенно. Прости.

Кто жизнію дерзнетъ купить порабощенье?
Отчизны ль нашей быть добычей ихъ когтей?
Иль диво намъ карать надменныхъ [12]).

Поспѣши напечатать эти стихи: это лепта вдовицы.

У батюшки твоего бываю. Онъ слабъ: говоритъ лучше прежняго и больше, но слабѣе. Одна только мысль и занимаетъ его: поѣздка въ Петербургъ [13]). Я непремѣнно всякую Субботу у него ночую и обѣдаю по Воскресеньямъ. Въ другіе дни расположился заняться своими лекціями [14]); но теперь не знаю, что́ будетъ. Отвѣчай, отвѣчай мнѣ немедленно: твой отвѣтъ будетъ для меня доказательствомъ твоей дружбы. Обнимаю васъ, любезные друзья...

Нѣтъ, нѣтъ! Пусть всякъ идетъ во слѣдъ судьбѣ своей,
Но въ сердцѣ любитъ незабвенныхъ! [15])

Блудовъ, отъ тебя жду критики на мои стихи: твоя критика для меня законъ.

---

[10]) Семь областныхъ земскихъ войскъ, на которыя было раздѣлено все ополченіе.

[11]) Какъ извѣстно, въ 1807 году Жуковскій не поступилъ въ ополченіе.

[12]) Эти стихи взяты изъ „Пѣсни Барда“.

[13]) И. П. Тургеневъ поѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ 25 Января 1807 года.

[14]) По самообразованію.

[15]) Эти стихи взяты изъ элегіи „Вечеръ“.

VII.

24 Декабря (1806, Москва).

Le mal est fait, mon cher ami [1])! Стихи напечатаны въ Вѣстникѣ [2]) прежде, нежели я получилъ твое воспламеняющее письмо, которое оживило мой геній. Для стихотворца, который себя чувствуетъ, довольно двухъ судей, одаренныхъ сроднымъ съ нимъ чувствомъ: твоя похвала и Блудова стоютъ для меня похвалы всѣхъ нашихъ почтенныхъ согражданъ и современниковъ. Слыша чью-нибудь глупую критику, буду думать: мои друзья не такъ судятъ, и всякая такая критика будетъ для меня только смѣшна. Однимъ словомъ, скажу тебѣ, что я читалъ твое письмо съ восхищеніемъ, и эта минута была моею наградою за труды мои, если только стихи, произведенные въ минуту вдохновенія, можно назвать трудомъ. Критики Блудова ожидаю и увѣренъ, что она еще больше воспламенитъ меня: умная критика всегда открываетъ дорогу къ новымъ подвигамъ. Поспѣши, любезный, добрый другъ, напечатать Барда и дѣлай съ нимъ, что́ внушитъ тебѣ твоя ко мнѣ дружба, только пришли мнѣ сколько-нибудь экземпляровъ, и поскорѣе. Я спѣшу сообщить тебѣ мой планъ. Кашинъ [3]) почти положилъ эту піесу на музыку. Она должна быть представлена мелодраммою на театрѣ, и думаю, что произведетъ великое дѣйствіе, и конечно больше, нежели при чтеніи. Къ будущему Понедѣльнику, то-есть черезъ восемь дней, она совсѣмъ поспѣетъ и тотчасъ будетъ по почтѣ доставлена къ тебѣ; нельзя ли будетъ похлопотать, чтобы ее дали на театрѣ и чтобы Нарышкинъ [4]) далъ приказаніе и на здѣшней ее сыграть (объ этомъ уже постарайся ты)? Впрочемъ вы съ Блудовымъ разсудите, прилично ли это будетъ или нѣтъ? Мнѣ кажется, что можно бы. — Вечеръ [5]) отдаю на твое расположеніе и чрезвычайно радъ, что ты находишь въ немъ тоже, что́ я нахожу. Что же касается до моего пріѣзда въ Петербургъ, то я, признаться, плѣняюсь твоимъ приглашеніемъ; я чувствую, что я былъ бы совсѣмъ не тотъ, когда бы жилъ вмѣстѣ съ вами, братцы! Если письма ваши

---

[1]) Т. е. Бѣда уже случилась, мой дорогой другъ.

[2]) „Пѣснь Барда“ была напечатана въ № 24 „Вѣстника Европы“ за 1806 г.

[3]) Даніилъ Никитичъ Кашинъ († 1842), ученикъ Сарти, хорошій музыкантъ, бывшій до 1812 года капельмейстеромъ Московскаго театра и учителемъ музыки въ Московскомъ университетѣ (о немъ см. некрологъ въ Литерат. Газетѣ 1842 года, № 2, и Геннади, Справоч. словарь о Русск. писат. и ученыхъ, т. II, стр. 125). Изъ положенныхъ имъ на музыку пѣсенъ Жуковскаго была издана пѣсня „Слава на небѣ солнцу“ (теноръ, басъ и хоръ). См. напечатанную Н. И. Стояновскимъ въ 1883 году брошюру „В. А. Жуковскій. Чествованіе его памяти въ С.-Петербургѣ 29 и 30 Января 1883 года“, стр. 81.

[4]) Александръ Львовичъ, оберъ-гофмаршалъ, главный директоръ надъ зрѣлищами и музыкою.

[5]) Т. е. элегію „Вечеръ“, которая была послана Тургеневу въ предъидущемъ письмѣ.

(которыхъ однако почти не пишете) меня такъ оживляютъ, что ж ваша дружба, которая мнѣ такъ нужна и такъ намъ необходима для нашего общаго образованія! Но я, братецъ, здѣсь занятъ безъ помѣшательства лекціями: мои знанія очень несовершенны, надобно хотя нѣсколько усовершенствовать ихъ. Если бъ можно было найти въ Петербургѣ такую службу, которая бы не мѣшала мнѣ заниматься и въ то же время (что́ всего важнѣе!) могла доставлять мнѣ средства къ моему содержанію (вѣдь не все же мнѣ ходить въ Блудова сюртукѣ и жилетѣ и ѣсть слоеные пироги), то я бы съ радостію, съ большою радостію къ вамъ пріѣхалъ. Подумай, любезный другъ, какого рода службу можешь найти мнѣ; только пожалоста подумай объ этомъ хорошенько, чтобы мнѣ не потерять! Простите, друзья, милые друзья, не могу больше писать! Блудовъ, обнимаю тебя отъ всего сердца, хотя имѣю право на тебя сердиться. Ты обманулъ меня! Хотѣлъ ко мнѣ пріѣхать и не пріѣхалъ, а я такъ радовался этою мыслію. Простите, братья. Вотъ хоръ, который я прибавилъ къ Барду, для музыки:

Россъ! И щитъ и мечъ во длань!
Врагъ за гибелью притекъ!
Смерть ему отъ Росса дань!
Жертвой рокъ его нарекъ!
Прочь покоемъ наслажденье!
Тамъ отчизна! Тамъ нашъ царь!
Братья, руки на олтарь!
Клятва: смерть или спасенье!
Мы ль на жертву предадимъ
Васъ, Славянъ отцы священны?
Мы ль врага не потребимъ
Отъ отчизны ополченны?
Россъ! И щитъ и мечъ во длань, и пр.

Пришли мнѣ братнины стихи печатные. Я ихъ отдамъ Кашину, чтобы сдѣлалъ на нихъ польской.

VIII.

(Въ первой половинѣ Января 1807 г., Москва.)

Я получилъ твое послѣднее письмо, любезный другъ Александръ, и мнѣ очень жаль, что Блудовъ боленъ, тѣмъ больше, что его по выздоровленіи ожидаетъ самая горестная вѣсть о смерти его матери, которая скончалась отъ водяной [1]). Я увѣренъ, братъ, что и ты, и Озеровъ [2]) все сдѣлаете, чтобы не нанести этою вѣстію слишкомъ сильнаго удара, который еще сильнѣе будетъ послѣ болѣзни Я воображаю, какого рода эта болѣзнь: разслабленіе нервовъ. Скажи Блудову, что я искренно желалъ бы раздѣлить съ нимъ его горесть, и надѣюсь, что могъ бы пособить ему ее перенести; но должно быть

[1]) Мать Д. Н. Блудова, Екатерина Ермолаевна, рожд. Тишина, скончалась 1 Января 1807 года (см. Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время, СПБ. 1866, стр. 43).

[2]) В. А. Озеровъ, приходившійся двоюроднымъ братомъ Д. Н. Блудову.

покуда съ вами розно. Не хочу и не почитаю нужнымъ утѣшать его на письмѣ; горесть успокаивается временемъ и дружбою: ты можешь быть въ этомъ случаѣ для него очень полезенъ. Боюсь, не присоединяется ли къ его болѣзни какая-нибудь другая горесть [3]), или и болѣзнь произошла отъ этой горести? Если такъ, то его теперешнее положеніе будетъ очень тяжело, и я очень, очень сожалѣю объ немъ и очень бы желалъ быть теперь вмѣстѣ съ вами, братцы. Ты правду говоришь, что мы нужны другъ другу; но это надобно бы было доказать на самомъ дѣлѣ, а мы разсѣялись по разнымъ сторонамъ, и наша дружба мало имѣетъ вліянія на нашу душу, тогда когда она бы должна была имѣть великое вліяніе. Не ты одинъ жалуешься на холодность, и я иногда чувствую эту болѣзнь; твоя происходитъ отъ чрезмѣрной разсѣянности, а моя отъ частаго одиночества. Намъ можно бы было оживлять другъ друга. Можетъ быть и приведетъ судьба жить вмѣстѣ и вмѣстѣ дѣйствовать. Между тѣмъ старайся найти мнѣ такое мѣсто, которое не разлучило бы меня съ Музами и не требовало бы отъ меня большой гибкости и расторопности: я чувствую, что я, какъ говоритъ Державинъ о себѣ—разстегай. Но ты меня знаешь и долженъ знать, какое мѣсто мнѣ прилично; впрочемъ служба не очень меня прельщаетъ. Что́, если должно будетъ отказаться отъ всего, чѣмъ привыкъ заниматься, и посвятить себя такому дѣлу, которымъ я ничего не выиграю, потому что не умѣю ничѣмъ воспользоваться? Думай за меня, только не будь опрометчивъ. Пожалоста напиши мнѣ хоть нѣсколько строкъ о Блудовѣ на будущей почтѣ: я нетерпѣливо хочу знать о его положеніи; попроси его самого написать, какъ скоро сможетъ. Прости. Я тебѣ однако очень неблагодаренъ за то, что ты взялся напечатать стихи и не печатаешь. Случай пройдетъ, и они никуда не будутъ годиться. Оставь на минуту свою разсѣянность, особливо жъ это такъ легко; а хора печатать не надобно: онъ только для музыки. Пришли адресъ твой и Блудова квартиры.

IX.

17 Генваря (1807 года, Москва).

Не стыдно ли, братъ Тургеневъ, быть такъ вѣтренымъ? Ты написалъ ко мнѣ о болѣзни Блудова, думаешь, что онъ почти опасенъ, и въ послѣднемъ письмѣ своемъ не говоришь ни слова о его болѣзни; пожалоста поспѣши мнѣ дать знать, что́ съ нимъ дѣлается, и сказали-ли вы ему о смерти матери: ее въ Понедѣльникъ погребли, и я былъ на погребеніи. Если вы еще не сказали, братцы, то надобно это сдѣлать осторожнѣе. Пожалоста, поспѣши написать обо всемъ объ этомъ. Что же касается до послѣдняго твоего письма и до службы, то я право не знаю, на что рѣшиться. Какъ мнѣ пріѣхать въ Петербургъ, не зная, зачѣмъ я пріѣду? Для чего ты не написалъ, какого рода служба меня ожидаетъ? Нужны выгоды. Я не очень буду доволенъ, если меня опредѣлятъ *куда нибудь*, въ первую открывшуюся должность!

---

[3]) Жуковскій намекаетъ о несогласіи княгини Антонины Воиновны Щербатовой (урожд. Яворской) на бракъ ея дочери, княжны Анны Андреевны, съ Д. Н. Блудовымъ.

Сверхъ того, чѣмъ меньше зависимости, тѣмъ было бы лучше. Нѣтъ ли у васъ напримѣръ какого нибудь *библіотекарскаго* мѣста съ хорошимъ жалованьемъ, и вообще я бы желалъ мѣста по части просвѣщенія. Ты, однако, не очень долженъ спѣшить: я теперь занятъ своими лекціями, слѣдовательно, ничего не потеряю, если и черезъ годъ войду въ службу. Прости, любезный другъ, буду ожидать твоего письма съ нетерпѣніемъ. Блудова болѣзнь меня безпокоитъ; онъ не очень крѣпокъ, а болѣзнь опасная и тяжелая, какъ я слышалъ отъ Сокорева; пожалоста поспѣши дать знать объ немъ. А я пишу мало отъ того, что голова очень тяжела; перо изъ рукъ валится. Твой Жуковскій.

Мнѣ пришла идея! Что́, если бы меня сдѣлать какимъ нибудь директоромъ училища, и именно въ Москвѣ? Я можетъ бы могъ быть и полезенъ! Но объ этомъ еще надобно подумать и узнать, что́ за должность. По настоящему, если бы нашлась хорошая должность въ Москвѣ съ хорошимъ жалованьемъ, то мнѣ бы выгоднѣе остаться въ Москвѣ; мои родные всѣ здѣсь, и сверхъ того моя матушка могла бы жить со мною.

P. S. Чтожъ, братъ, стихи? Видно забылъ? А Кашинъ сдѣлалъ музыку, но теперь она ни на что не годится. Что ты ничего не напишешь о нашихъ военныхъ обстоятельствахъ? Пришли мнѣ свой адресъ.

X.

28 Генваря (1807, Москва).

Мой милой, любезный другъ. Спѣшу сказать тебѣ нѣсколько словъ: батюшка твой поѣхалъ отсюда въ прошедшую Пятницу, т. е. 25-го; я его проводилъ. Дай Богъ, чтобы онъ обрадовалъ тебя своимъ благополучнымъ пріѣздомъ. Я съ своей стороны очень, душевно обрадованъ выздоровленіемъ Блудова; поздравь его отъ меня; писалъ бы къ нему особенно, но, право, спѣшу. Еще больше буду обрадованъ, когда отъ него самого получу нѣсколько строкъ. Нынче мое рожденье [1]). Выпейте, братцы, за мое здоровье такъ, какъ я буду пить за ваше вмѣстѣ съ Мерзляковымъ. Тургеневъ, если хочешь меня видѣть у себя, то напиши мнѣ, какого рода службу могу надѣяться найти и долженъ ли я тотчасъ пріѣхать, или не могу ли остаться до окончанія перваго курса моихъ лекцій. Напиши пообстоятельнѣе; возми на себя этотъ трудъ и пожалоста не будь такъ разсѣянъ. Если моя ода [2]) отпечатана, то поспѣши мнѣ доставить нѣсколько экземпляровъ; жаль, что не будетъ винъетовъ! Прости. Матушка твоя велѣла тебѣ сказать, чтобы ты приготовилъ Франка [3]) къ пріѣзду батюшки, то-есть предупредилъ бы его въ томъ, чтобы онъ взялся лѣчить батюшку. Прости, братъ. Напиши же поскорѣе и не забудь сказать о новостяхъ. Если нужно будетъ пріѣхать, пріѣду, и живемъ вмѣстѣ. Жуковскій.

---

[1]) Жуковскій хотѣлъ сказать *завтра*: онъ родился 29 Генваря (на память св. Игнатія Богоносца). П. Б.

[2]) Пѣснь Барда.

[3]) Лейбъ-медикъ.

XI.

(Въ началѣ Февраля 1807, Москва).

Спѣшу послать тебѣ лѣтописцы; послѣдніе экземпляры. Новогородскій Лѣтописецъ обѣщали мнѣ доставить. Въ Четвергъ буду у Карамзина и спрошу у него, что́ за птица *Большой Чертежъ*. И Новогородскій Лѣтописецъ, и Чертежа объясненія пошлю въ будущій Понедѣльникъ. Теперь прости. Не стыдно ли написать ко мнѣ цѣлое письмо вздору и не сказать ни слова о томъ, что́ для меня важно, о моей службѣ? Рѣшись на минуту отложить разсѣяніе. Спроси у Блудова, можно ли ждать его скоро въ Москву; мнѣ сказывали, что онъ долженъ скоро пріѣхать: это очень бы меня обрадовало. Что́ новаго въ арміи? Не слыхалъ ли? Напиши. Теперь батюшка вѣрно уже въ Петербургѣ: каковъ онъ? При Московскихъ древностяхъ посылаю и Московскія новости: стихи, которыхъ авторъ твой и мой знакомецъ. Бутервекова Эстетика [1]) у меня есть; ты можешь свой экземпляръ у себя оставить, но хорошо сдѣлаешь, если купишь мнѣ Платнеровы Афоризмы [2]), которыхъ здѣсь нѣтъ и по которымъ я имѣю честь учиться премудрости. Поищи пожалоста, если можно, послѣднее изданіе; ошарь всѣ ученые Нѣмецкіе закоулки въ Петербургѣ: очень буду тебѣ благодаренъ. А Новогородскій Лѣтописецъ пришлю на слѣдующей почтѣ; по крайней мѣрѣ на мою медлительность не будешь имѣть причины жаловаться такъ, какъ я на твою разсѣянность.

Адресъ: Его высокоблагородію милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу. Въ С.-Петербургѣ, въ канцеляріи его превосходительства Николая Николаевича Новосильцова.

XII.

(Въ Февралѣ 1807, Москва).

Посылаю тебѣ, любезный другъ, Новогородскій Лѣтописецъ и первый номеръ Ученыхъ Вѣдомостей [1]). О Чертежѣ спрашивалъ у Карамзина; это книжка въ двѣнадцатую долю листа, толстая, въ которой содержится не самый чертежъ, но описаніе какого-то стараго чертежа; ея титулъ «Книга большему чертежу или древняя карта Россійскаго государства. Въ С.-Петербургѣ. Въ типографіи Горнаго училища. 1792-го

---

[1]) Фридрихъ Бутервекъ (р. 1766 † 1828), профессоръ нравственной философіи въ Геттингенскомъ университетѣ. Его Aesthetik вышла, въ двухъ частяхъ, въ Лейпцигѣ въ 1806 году.

[2]) Эрнестъ Платнеръ (р. 1744 † 1818), профессоръ философіи и медицины въ Лейпцигѣ. Первое изданіе его сочиненія „Philosophische Aphorismen“ вышло въ 1776—1782 г.; въ новой переработкѣ Философскіе Афоризмы были напечатаны въ 1800 году.

[1]) „Московскихъ Ученыхъ Вѣдомостей“, которыя издавались всего въ теченіе трехъ лѣтъ (1805—1807) подъ редакціею профессора Буле. Въ нихъ сообщались извѣстія о вновь выходившихъ важнѣйшихъ сочиненіяхъ Русскихъ и иностранныхъ и свѣдѣнія о Московскомъ университетѣ.

года». Получилъ ли ты прежде посланныя книги, и тѣ ли я послалъ, которыя тебѣ нужны? Благодарствую за присылку моихъ стиховъ [2]). Я виноватъ, прежде пенялъ на тебя за медленность; но, получивъ твое письмо, въ которомъ ты говоришь о состояніи батюшки [3]), подосадовалъ самъ на себя: тебѣ теперь не до стиховъ, и я очень воображаю, какъ должно быть для тебя тяжело твое состояніе. Что̀ Блудовъ не ѣдетъ? Я жду его нетерпѣливо; ему надобно быть скоро, дороги портятся, времени терять не можно, если хочетъ здѣсь быть. Нельзя ли прислать съ нимъ Платнера и Traité de l'économie politique par Say или Canard [4])? Здѣсь не нашелъ; а очень нужны. Посылаю тебѣ письмо отъ Томашевскаго. Этотъ бѣднякъ жалокъ; попался въ комнату какихъ-то шалуновъ, которые не даютъ ему покою, дразнятъ его и даже бьютъ. Инспекторомъ Аршеневскій [5]), которому, видно, не хочется вступиться въ это дѣло. Этотъ бѣднякъ Томашевскій очень страненъ; онъ не можетъ говорить порусски и приписываетъ ненависти къ иностранцамъ тѣ насмѣшки, которыми потчуютъ его за странность. Не смотря на то, онъ жалокъ; ты самъ знаешь, каковы пансіонеры и ученики университетскіе, а Томашевскій кажется мнѣ второй томъ Родзянки [6]). Я рекомендовалъ его Шлёцеру [7]); можетъ быть, онъ сдѣлаетъ, что его переставятъ въ другую горницу. Письмо же его посылаю къ тебѣ для того, что онъ просилъ меня его къ тебѣ доставить; впрочемъ, кажется мнѣ, по немъ ты не можешь ничего сдѣлать. Какъ просить Муравьева [8]) о томъ, чтобы велѣно переставить его въ другую комнату? Нельзя ли объ немъ только напомнить? Нельзя ли, чтобы Муравьевъ далъ знать профессорамъ, что интересуется этимъ человѣкомъ? Въ этихъ господахъ

---

[2]) Пѣсни Барда.

[3]) Иванъ Петровичъ Тургеневъ скончался въ Петербургѣ 28 Февраля 1807 года и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры, тамъ же, гдѣ его старшій сынъ Андрей.

[4]) Traité d'économie politique, сочиненіе знаменитаго экономиста Ж. Б. Сэ (Say) (р. 1766 † 1832) вышло въ 1803 г. Nicolas François Canard († 1833)—Французскій математикъ и публицистъ; его трудъ „Principes d'économie politique" вышелъ годомъ ранѣе (именно въ 1802) сочиненія Сэ.

[5]) Василій Кондратьевичъ Аршеневскій (р. 1758 † 1808), профессоръ математики въ Московскомъ университетѣ, состоялъ съ 1804 года инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ Университета и учениковъ Гимназіи (см. Біограф. Словарь профессоровъ Московск. университета, т. I, стр. 39—41).

[6]) Семена Родзянки? Семенъ Родзянка былъ сотоварищемъ Жуковскаго и А. И. Тургенева по Благородному Пансіону и секретаремъ Собранія воспитанниковъ Пансіона и отличался стихотворными дарованіями. Онъ имѣлъ несчастіе лишиться разсудка. См. Сушковъ, Воспоминанія о Московск. Университ. Благородномъ Пансіонѣ (въ Чтеніяхъ Московск. Общ. Исторіи и Древн., годъ четвертый, книжка 1, М. 1848, смѣсь, стр. 84—85).

[7]) Христіану Августовичу Шлёцеру, профессору политической экономіи въ Московскомъ университетѣ, сыну знаменитаго Августа Шлёцера.

[8]) Михаила Никитича Муравьева (р. 1757 † 1807), который съ 1803 по 1807 годъ былъ попечителемъ Московскаго университета, но жилъ въ Петербургѣ.

очень мало человѣколюбія; имъ легко бы сдѣлать всякую помощь этому бѣдняку, особливо видя, что онъ здѣсь чужестранецъ, но имъ лѣнь и подумать объ этомъ; впрочемъ противъ странности не скоро найдешь лѣкарство. Я между тѣмъ поговорю съ Шлёцеромъ, не захочетъ ли онъ что-нибудь для него сдѣлать? Прости, поклонись братьямъ. Пожалоста, напиши мнѣ что-нибудь о батюшкѣ, которому скажи мое искреннее почтеніе. Что слышно о войнѣ? Сдѣлай милость, скажи что-нибудь: здѣсь у насъ ничего не говорятъ, а это молчаніе ужасно [9]).

XIII.

(Въ началѣ Іюля 1807, Бѣлевъ).

Я получилъ оба твои письма, любезный другъ Александръ, одно изъ Бартенштейна, надписанное на мое имя, другое изъ Тильзита [1]), писанное къ Костогорову [2]) и присланное мнѣ Соковниными. Очень благодарю тебя за твою дружбу и желалъ бы, чтобы ты чаще давалъ объ ней знать своими письмами, которыхъ однако не имѣю права требовать, потому что моя лѣнь обратилась въ совершенную болѣзнь, и писать письма къ кому бы то ни было теперь есть для меня *несчастіе*. Не смотря на лѣнь, берусь за перо и пишу къ тебѣ. Я въ Бѣлевѣ, съ новымъ планомъ по своему обыкновенію и съ совершенною неизвѣстностію, исполнится ли этотъ планъ когда-нибудь. Хочу выдавать на будущій годъ *Вѣстника Европы*. Качеповскій [3]) отказывается, и мои прелиминарныя условія съ нашимъ любезнымъ благопріятелемъ Максимусомъ Ивановичемъ [4]) сдѣланы. Теперь начинаю готовить піесы; но такъ какъ я довольно мало на себя надѣюсь и даже боюсь своей лѣни, то, любезный другъ, не худо будетъ, если ты постараешься помочь

---

[9]) Это было время, когда Наполеонъ готовъ былъ вторгнуться въ Россію. Страшная Прейсишъ-Эйлауская битва произошла 27 Генваря 1807 года. П. Б.

[1]) А. И. Тургеневъ находился въ свитѣ Императора Александра I въ его заграничномъ путешествіи 1807 года. Государь выѣхалъ изъ Петербурга 16 Марта; въ главную квартиру арміи, находившуюся въ Бартенштейнѣ, онъ прибылъ 7 Апрѣля, а въ Тильзитъ, гдѣ произошло свиданіе съ Наполеономъ, 13 Іюня. Пребываніе Императора Александра въ Тильзитѣ продолжалось до 28 Іюня. Наканунѣ, 27 Іюня (въ день Полтавскаго сраженія), былъ подписанъ Тильзитскій миръ.

[2]) О Костогоровѣ см. выше, прим. 3 къ письму II, а о Соковниныхъ примѣч. 3 къ письму V.

[3]) М. Т. Каченовскій былъ редакторомъ основаннаго Карамзинымъ «Вѣстника Европы» въ 1805—1807 гг.; за 1808 и 1809 годы журналъ издавался подъ редакціею Жуковскаго; въ 1810 г. подъ редакціею Каченовскаго и Жуковскаго; съ 1811 же года Жуковскій отказался отъ редакторства.

[4]) Максимъ Ивановичъ Невзоровъ (о немъ см. выше, въ письмѣ II, прим. 10) съ 1805 по 1815 годъ былъ начальникомъ Московской университетской типографіи (см. его жизнеописаніе, составл. П. А. Безсоновымъ, въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., ч. III, стр. 97). Въ этой типографіи печатался „Вѣстникъ Европы“.

мнѣ. Ты теперь имѣешь довольно пособій и источниковъ; тебѣ извѣстна хорошо Нѣмецкая литература, слѣдовательно ты можешь назначить мнѣ: что́ и гдѣ находится годнаго и новаго, или стараго, но еще неизвѣстнаго, въ Нѣмецкихъ книгахъ. Ты теперь въ такомъ мѣстѣ, которое очень интересно по настоящимъ обстоятельствамъ [5]). Записывай что̀ видишь и слышишь; такого рода записки могутъ занять хорошее мѣсто въ моемъ будущемъ журналѣ. Еще: твое Путешествіе по Европѣ не напечатано и, можетъ быть, не приведено въ порядокъ. Если есть въ тебѣ довольно духу и твердости, то постарайся его обработать и приготовь къ будущему году [6]). Ты въ связи со многими людьми, которые могутъ имѣть въ своихъ портфеляхъ какія-нибудь важныя рукописи, которыя очень бы мнѣ пригодились: напримѣръ, я желалъ бы имѣть записки Кантемира о его посольствѣ, которыхъ нѣтъ печатныхъ [7]). Нѣтъ ли еще какихъ-нибудь подобныхъ записокъ? Однимъ словомъ, ты имѣешь много случаевъ доставать и слышать любопытныя вещи, и если по дружбѣ своей ко мнѣ возмешься снабжать мой журналъ ими и станешь ревностно доставлять мнѣ все важное и достойное замѣчанія и *напечатанія*, то я буду тебѣ благодаренъ отъ всего сердца. По части политики снабжай меня, если будешь имѣть время, сочиненіями или переводами или по крайней мѣрѣ назначай мнѣ достойныя помѣщенія піесы, то-есть сказывай, въ какомъ сочиненіи ихъ отыскивать. Въ послѣднемъ случаѣ не нужно будетъ тебѣ и письма писать, только напиши въ двухъ строкахъ: такая-то піеса въ такой-то книгѣ хороша; это будетъ для меня весьма выгодно: спасетъ у меня много времени. Нѣтъ ли чего въ бумагахъ братниныхъ [8])? Я думаю, нѣкоторыя статьи изъ его журнала, писанныя въ чужихъ краяхъ, могли бы годиться. Однимъ словомъ, будь моимъ ревностнымъ помощникомъ и побуждай лѣнтяя Блудова, когда опять съ нимъ сойдешься, помогать мнѣ. Если же паче чаянія не войду въ изданіе журнала, то пріѣзжаю въ Петербургъ и вхожу въ службу.—Теперь еще одна просьба, любезный другъ, на которую, конечно, не получу отказа. Постарайся справиться хорошенько объ одномъ бывшемъ пансіонерѣ, котораго и ты, я думаю, знаешь, Проташинскомъ [9]). Онъ служитъ въ гвардіи, въ Измайловскомъ

---

[5]) Въ Тильзитѣ.

[6]) Изъ этого Путешествія въ „Вѣстникѣ Европы“ 1808 года былъ помѣщенъ (въ № 22) лишь небольшой отрывокъ „Путешествіе Русскаго на Брокенъ въ 1803 году.“

[7]) Въ № 4 „Вѣстника Европы“ 1808 года, на стр. 277—282, мы находимъ статью „Георгъ II, Англійскій король, и министры его, описанные Кантемиромъ“. Въ примѣчаніи къ этой статьѣ Жуковскій, между прочимъ, говоритъ, что этотъ отрывокъ, нигдѣ еще не напечатанный, представляетъ собою донесеніе кн. А. Д. Кантемира, присланное имъ въ 1738 году изъ Лондона Императрицѣ Аннѣ, въ то самое время, когда онъ готовился оставить Англію и ѣхать въ Парижъ въ качествѣ полномочнаго министра.

[8]) Въ бумагахъ Андрея Ивановича Тургенева.

[9]) Василій Проташинскій воспитывался въ Московскомъ Благородномъ Пансіонѣ одновременно съ Н. И. Тургеневымъ. Изъ помѣщавшихся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ извѣстій о годичныхъ актахъ Пансіона видно, что въ 1802 г. онъ былъ воспитанникомъ

(кажется) полку, ундеръ-офицеромъ. Думаю, что онъ уже былъ въ сраженіи. Что̀ съ нимъ сдѣлалось, живъ ли онъ и въ какихъ онъ обстоятельствахъ? Если ему нужна помощь и протекція и если ты можешь и то и другое доставить, то я увѣренъ, что безъ моей просьбы все полезное для него сдѣлаешь. Если найдешь его, то заставь его пожалоста написать о себѣ къ своимъ роднымъ. И я, и многіе будемъ тебѣ за это благодарны. Прости, любезный другъ, не забывай посреди шуму и хлопотъ своихъ друзей, которые проводятъ свои дни смиренно и не шумно. Желаю искренно, чтобы всѣ твои планы и желанія исполнялись лучше моихъ. Не забудь написать о своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ [10]). Я еще не видалъ твоей матушки, потому что уѣхалъ изъ Москвы за полторы недѣли до ея пріѣзда. Нашъ добрый Леманъ [11]) умеръ; я видѣлъ его передъ своимъ отъѣздомъ: онъ страдалъ и желалъ смерти, которой и я пожелалъ ему, видя его страшное мученіе, хотя горестно видѣть смерть такого человѣка, который могъ бы прожить еще долго и по своему прекрасному характеру достоинъ былъ долговременнѣйшей и лучшей жизни. Adieu. Твой навсегда Ж. Поклонись отъ меня Гагарину [12]). А тебѣ кланяется

старшаго возраста и получилъ на актѣ призъ (т. е. награду); въ 1803—1805 гг. онъ упоминается какъ студентъ, при чемъ въ 1803 г. получилъ призъ, въ 1804 серебряную медаль съ именемъ, а въ 1805 серебряную медаль съ именемъ и листомъ. На актѣ 1804 года имъ была произнесена рѣчь „О пользѣ основательныхъ знаній“, а на актѣ 1805 года рѣчь „О истинной славѣ и величіи“. Обѣ эти рѣчи напечатаны въ IV книжкѣ „Утренней Зари“ (Труды воспитанниковъ Универс. Благор. Пансіона), изданной въ Москвѣ въ 1806 г., первая (подписанная буквами Н. К.) на стр. 6—24; а вторая (безъ всякой подписи) на стр. 180—201. Въ „Утренней же Зарѣ“ помѣщены два перевода Проташинскаго съ Англійскаго: Кладбище (книжка III, М. 1805, стр. 126—128) и Покорность Провидѣнію (книжка IV, стр. 93—95). Въ извѣстіи объ актѣ 1806 года имени Проташинскаго уже не встрѣчается. Проташинскій поступилъ потомъ въ военную службу и, какъ видно изъ письма Жуковскаго къ Тургеневу отъ 16 апрѣля (1815 года), былъ раненъ подъ Бородинымъ; въ этомъ письмѣ Жуковскій, прося Тургенева доставить Проташинскому мѣсто въ Петербургѣ, между прочимъ, говоритъ про него: „Онъ ничего не имѣетъ, но онъ братъ М“, т. е. Марьи Андреевны Протасовой.

[10]) Императоръ Александръ возвратился въ Петербургъ 4 іюля 1807. Между 7 и 10 Іюля вернулись въ столицу Н. Н. Новосильцовъ и князь А. А. Чарторижскій (какъ видно изъ свѣдѣній о пріѣзжающихъ въ столицу, которыя печатались въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ). Вѣроятно, около того же времени пріѣхалъ въ Петербургъ и А. И. Тургеневъ.

[11]) Воспитатель въ Московск. Университ. Благородномъ Пансіонѣ (см. Записки Жихарева, стр. 116, подъ 15 Декабря 1805 года: „... Тургеневы воспитанники Лемана и записные Нѣмцы ...“).

[12]) Князю Григорію Ивановичу Гагарину (р. 1782 † 1837), который былъ сотоварищемъ Жуковскаго и Тургеневыхъ по Благородному Пансіону. Князь Г. И. Гагаринъ посвятилъ себя дипломатической дѣятельности. Въ 1806 году онъ состоялъ, сверхъ штата, при посольствѣ въ Константинополѣ, а въ 1808 году былъ секретаремъ посольства въ Парижѣ; потомъ нашимъ министромъ въ Туринѣ и въ Мюнхенѣ.

Лодеръ [13]), который лѣчилъ мою руку. Я поѣхалъ было съ Блудовымъ въ Оренбургъ [14]), хотѣлъ видѣть нѣкоторую часть православной Руси, но въ двадцати верстахъ отъ Москвы наша коляска была опрокинута; я ушибъ руку; Блудовъ здоровъ и теперь странствуетъ одинъ.

XIV.

(Въ послѣднихъ числахъ Ноября 1807, Москва).

Здравствуйте, любезные друзья. Отвѣчаю къ вамъ поздно и мало, потому что некогда и лѣнь. Я издаю на будущій годъ Вѣстника, это должно быть вамъ извѣстно; надѣюсь на вашу помощь, и это также, думаю, вы знаете. Получу ли отъ васъ какую-нибудь помощь, это едва ли и самому Богу извѣстно. Хотя Блудовъ и обѣщалъ для меня трудиться, доставлять мнѣ свои критики, свои разсужденія, не говорю уже о стихахъ, но можетъ ли быть, чтобы онъ когда-нибудь измѣнилъ своему характеру, то-есть сдѣлался аккуратенъ и помнилъ свои обѣщанія! Онъ влюбленъ! [1]) Извиняю его, бѣднаго человѣка! Но ты, безстрастный стоикъ Тургеневъ, котораго Путешествіе, не рожденное и не сотворенное, занимаетъ цѣлую стопу бумаги, ужели не вздумаешь разстаться съ этою ненужною для тебя кипою и дать ее своему пріятелю, который, приведши этотъ хаосъ въ порядокъ, украсилъ бы имъ свой журналъ? Друзья мои, друзья, вы совсѣмъ отъ меня отступились! Вы могли бы мнѣ помогать и ободреніемъ, и матеріалами, но вы слишкомъ разсѣяны, чтобы обо мнѣ позаботиться! Никакъ не могу подумать, чтобы были въ состояніи исполнить собственное свое желаніе—въ которомъ я увѣренъ—и подать руку помощи своему товарищу. Но чего требуетъ этотъ товарищъ? спросите вы. Сочиненій, новостей, книгъ. Блудовъ, въ Петербургѣ много и больше, нежели въ Москвѣ, литературныхъ новостей. Найди новѣйшія, разумѣется приличнѣйшія для моего журнала, дай мнѣ знать и, если можно, нѣкоторыя доставь: я заплачу тебѣ деньги аккуратно, потому что буду платить не свои, а университетскія. Напримѣръ, я желалъ бы имѣть The lives of most eminent englisch poets by Johnson [2]), Der philosophische Bauer von Hirzel [3]), но болѣе всего новостей. Ты, Блудовъ, могъ бы

[13]) Знаменитый анатомъ и профессоръ Московскаго университета Христіанъ Ивановичъ Лодеръ (р. 1753 † 1832).

[14]) Д. Н. Блудовъ ѣздилъ въ Казанскую свою деревню для устройства своихъ хозяйственныхъ дѣлъ послѣ кончины матери (см. Ковалевскій „Графъ Блудовъ и его время“, стр. 45—46).

[1]) См. выше въ письмѣ VI, примѣч. 7.

[2]) Извѣстное сочиненіе знаменитаго Англійскаго писателя XVIII вѣка Самуила Джонсона (р. 1709†1784) „The lives of the most eminent english poets, with critical observations on their works“.

[3]) Точное заглавіе этого сочиненія Гирцеля (р. 1725†1803), писателя по практической философіи, слѣдующее: „Die Wirthschaft eines philosophischen Bauers“ (первое изданіе вышло въ Цюрихѣ въ 1761 году; второе изданіе—въ 1774 году).

доставлять мнѣ рисунки и планы лучшихъ Петербургскихъ зданій, разумѣется съ описаніемъ: это было бы полезно для моего журнала, который хочу украшать не только перомъ, но и рѣзцомъ, хотя въ объявленіи объ немъ отъ типографіи недостало немного смысла [4]). Тургеневъ, еще повторяю, пришли мнѣ свое Путешествіе и позволь мнѣ привести его въ порядокъ и выдать. И одинъ разъ навсегда, любезные друзья, помогайте мнѣ чѣмъ можете, и какъ можно безкорыстнѣе, то-есть не ожидая отъ меня писемъ: право, некогда. Блудовъ, критикуй Петербургскій театръ и актеровъ, представляющихъ и смотрящихъ: присылай ко мнѣ *Замѣчанія Петербургскаго зрителя* [5]), пиши что́ придетъ въ умъ, и даже, если хочешь, не заботься о слогѣ; мнѣ нужно твое остроуміе и твои замѣчанія, и чтобы избавить тебя отъ труда, слѣдовательно отъ всякой отговорки, позволяю тебѣ даже писать дурно и нескладно; берусь все вычищать, только пиши, не лѣнись! И что тебѣ дѣлать? Авторскія твои проказы украсили бы мой журналъ! Друзья, не забудьте, что лѣнь разрушаетъ всѣ добродѣтели; исправьтесь и пишите для Вѣстника! Какою бы прекрасною галлереею портретовъ обогатили вы мой журналъ, вы, которые живете въ свѣтѣ, видите такое множество разныхъ рожъ и имѣете способность ихъ видѣть! Блудовъ, будь хоть невзначай аккуратенъ и возврати мнѣ ради Бога мои книги: Parny, Contes de M-e Genlis и 1-й томъ Лагарпа, котораго купи непремѣнно; гдѣ мнѣ, пасынку Плутуса, взять денегъ и тратить за твои глупости? Еще не забудь прислать мнѣ записку о томъ, сколько и въ которое число и сколько лѣтъ уплачивать мнѣ тебѣ свой долгъ. Ты забылъ это сдѣлать, а мнѣ нужно непремѣнно знать заранѣе, чтобы приготовить нужное число денегъ во́ время и быть исправнымъ. Не забудь же прислать книги и, если можно, похлопочи о какихъ-нибудь Французскихъ и для журнала моего хорошихъ новостяхъ. Тургеневъ, тебѣ поручаю искать мнѣ Нѣмецкихъ книгъ всякаго рода. Пишите, братцы.

Дмитріевъ [6]) кланяется Блудову и проситъ его купить у Роспи-

---

[4]) Въ № 94 „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1807 годъ, отъ 23 Ноября, было напечатано объявленіе отъ конторы Университетской типографіи о пріемѣ подписныхъ денегъ на періодическія изданія въ 1808 году. Упомянувъ, что „Вѣстникъ Европы“ въ 1808 году будетъ состоять, какъ и прежде, изъ двухъ отдѣловъ: Литературы и Политики, въ объявленіи говорилось далѣе слѣдующее: „Для большаго удовольствія гг. пренумерантовъ каждый томъ будетъ украшенъ портретомъ одного изъ славныхъ людей нынѣшняго или прошедшаго времени, а каждый номеръ гравированнымъ изображеніемъ извѣстныхъ видовъ зданій, новыхъ модъ и тому подобнымъ“. Въ заключеніе сообщалось, что „г. Каченовскій, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ отказываясь быть издателемъ Вѣстника, уступаетъ его г. Жуковскому. Почтенная публика можетъ быть увѣрена, что и новый издатель Вѣстника, г. Жуковскій, который, по нѣкоторымъ сочиненіямъ и переводамъ, напечатаннымъ въ Вѣстникѣ, и другаго рода сочиненіяхъ (sic), можетъ быть извѣстнымъ публикѣ, также удостоится ея вниманія“.

[5]) Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1808 года извѣстій о Петербургскомъ театрѣ не встрѣчается.

[6]) Иванъ Ивановичъ.

ни [7]) слѣдующія книги; но вотъ записка его руки, или нѣтъ, лучше напишу самъ (Тургеневъ вѣрно потеряетъ записку):

1. Les études du magistrat par François de Neufchâteau [8]).
2. Oeuvres choisies de Cochin, avocat au parlement, 2 v. [9])
3. De la bienfaisance dans l'ordre judiciaire.

Перечитывая письмо свое, нахожу, что въ немъ нѣтъ ни складу, ни ладу. Важное открытіе!

XV.

9-е Декабря (1807, Москва).

Для меня совсѣмъ неутѣшительно слышать, любезный другъ Александръ, что ты и Блудовъ сбираетесь ко мнѣ писать и не сберетесь, хотя это очень натурально: когда вамъ обо мнѣ подумать? И можете ли удѣлить мнѣ хотя минуту? Надобно ѣхать на балъ къ Демидову, на именины, во дворецъ и прочее. Ты приготовилъ нѣкоторые переводы, которые могли бы быть очень интересны въ первыхъ книжкахъ, потому что новые, но я не надѣюсь ихъ получить. Кто видалъ, чтобы люди, занятые со свѣтомъ и которыхъ головы наполнены разными *высокими* идеями, брали на себя какой-нибудь трудъ, когда надобно сдѣлать удовольствіе пріятелю отдаленному, одинокому и имѣющему въ нихъ нужду! Легкое ли дѣло? Сложить пакетъ, запечатать, написать адресъ и послать на почту! Путешествія твоего имѣть не надѣюсь; за книги, за журналы, для меня купленные и выписанные, благодарю, хотя увѣренъ, что ихъ имѣть не буду. Однимъ словомъ, любезные друзья, вы забыли меня совершенно, и для меня очень оскорбительно, что въ такихъ случаяхъ, когда вы можете мнѣ помочь, и когда не трудно помочь—нужно имѣть немножечко вниманія, въ которомъ, конечно, нельзя отказать и чужому—вы не только обо мнѣ не думаете, но даже и не позволяете себѣ думать. Въ этомъ случаѣ я не похожъ на васъ, всякую нужду своего пріятеля исполню, и тотчасъ (разумѣется, когда могу); лѣниться писать другое дѣло: это не есть необходимость и никогда не можетъ оскорбить, развѣ только въ такихъ случаяхъ, когда письмо нужно. Напримѣръ, я увѣренъ, что ты, Александръ, не отдалъ Блудову записки о тѣхъ книгахъ, которыхъ требуетъ Дмитріевъ [1]); между тѣмъ мнѣ пеняютъ, а тебѣ и дѣла нѣтъ! Проситъ пріятель: на что же исполнить! Обязанности существуютъ только съ одними незнакомыми, передъ которыми надобно *казаться*! Пріятели меня знаютъ; на что жъ поддерживать то, что́ твердо? Самое логическое разсужденіе!

Еще благодарю тебя и за то, что ты постарался потерять письмо къ Проташинскому [2]): доказательство твоего вниманія, и больше ни-

---

[7]) Петербургскій книгопродавецъ.

[8]) Это сочиненіе Французскаго государственнаго дѣятеля и писателя François de Neufchâteau (р. 1750†1828) появилось въ свѣтъ въ 1787 году

[9]) Избранныя сочиненія Henri Cochin, знаменитаго Французскаго адвоката (р. 1687† 1747) были напечатаны въ двухъ томахъ въ Парижѣ въ 1773 году.

[1]) См. выше, въ предыдущемъ письмѣ.

[2]) См. о немъ выше, въ письмѣ XIII, прим. 9.

чего; ты же, какъ я вижу, (ищешь?) случаевъ быть полезнымъ только въ важныхъ вещахъ, а малыми пренебрегаешь. Повѣрь, любезный другъ, что важныя не многочисленны и рѣдки, а забывая часто о бездѣлицахъ, которыя требуютъ отъ тебя друзья и которыя такъ легко бы было исполнить, ты наконецъ увѣришь ихъ, что совершенно выгналъ ихъ изъ памяти и изъ сердца! Я въ этомъ, конечно, не увѣренъ, и очень далекъ отъ такихъ мыслей, но, признаюсь, для меня досадно было, и очень досадно, читать въ письмѣ къ Соковнинымъ: «Скажите Жуковскому, что письмо къ Проташинскому потеряно». Ты объ этомъ такъ пишешь, какъ будто это очень натурально и иначе быть не могло! *Мы еще не собирались къ нему писать* (несмотря на то, что ему теперь въ насъ нужда). Что противъ этого сказать? Вы правы, милостивые государи! Больше ничего. И какъ роптать на людей, которые для пользы пріятелей должны опоздать десятью минутами въ ресторацію или на балъ къ Демидову? И можно ли требовать такихъ великихъ жертвъ?

Не сердитесь на меня, братцы, за то, что я на васъ сержусь; дружба позволяетъ имѣть требованія, а вы забываете меня, слишкомъ забываете: вамъ не трудно жертвовать мною разсѣянію, а для меня это, признаюсь, оскорбительно. Лѣниться писать для того только, чтобы сказать нѣсколько словъ, которыхъ можно бы было и не сказать, и лѣниться думать о своемъ пріятелѣ тогда, когда онъ этого требуетъ, когда это нужно, великая разница.

Вотъ коммиссіи, которыя прошу исполнить.

Первая: книги Дмитріеву слѣдующія у Роспини:

Les études du magistrat par F. M. Neuchâteau,
Oeuvres choisies de Cochin, 2 v.
De la bienfaisance dans l'ordre judiciaire

Вторая: найти Проташинскаго непремѣнно, если онъ не уѣхалъ, сказать ему о потерянномъ письмѣ и еще, чтобы онъ, если долженъ будетъ ѣхать черезъ Москву, увидѣлся со мной. Дать ему мой адресъ. Dites-moi encore, Alexandre, que veulent dire ces mots:

Одна живетъ въ году весна,
Одна и милая на свѣтѣ!

N'est-ce pas inconséquent de montrer, qu'on a des sentiments, sans avoir le dessein de les nourrir et sans en avoir la possibilité? Pourquoi parler d'une chose, qu'on n'a pas ni le désir, ni le pouvoir de recommencer, et pourquoi risquer de réveiller des sentiments, qui ont été bien vifs, qui sont déjà éteints et qui ne peuvent être que douloureux? Je ne sais pas, quelle idée vous aviez eu en écrivant ces vers. Dans ces choses, connaissant bien les personnes, avec lesquelles vous avez relation, vous ne devez pas agir sans but. Et ces expressions parasites, jadis agréables, à présent inutiles, ne vous conviennent plus. Silence sur tout ce qui est passé! En parler seulement pour ne pas se taire sent trop le grand monde, qui n'attache pas beaucoup de valeur

à tout ce qu'il dit. Adieu, cher ami, expliquez vous sur cet article. Ma lettre vous paraîtra-t-elle ridicule? Je ne l'espère pas [3]).

Если ты слышалъ отъ Блудова о нѣкоторыхъ моихъ связяхъ, о которыхъ я ему сказалъ слова два очень давно, и если онъ не забылъ этихъ *двухъ словъ*, то попроси его отъ меня, чтобы онъ объ нихъ забылъ и для себя, и для другихъ; что я этого требую, какъ искренній другъ, и что его скромность въ этомъ случаѣ должна быть самымъ вѣрнымъ доказательствомъ его дружбы. Я говорю не шутя, и прошу его, какъ друга, не шутить (по обыкновенію своему) такою вещію, которую почитаю слишкомъ важною. Не надобно говорить и тебѣ: сомкни свои уста, хотя ты ничего не знаешь. Признаюсь, боюсь нескромности, или лучше сказать обыкновенной *невнимательности* Блудова, а она въ этомъ случаѣ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, можетъ быть для меня несчастіемъ [4]).

XVI.

(Въ Декабрѣ 1807, Москва).

Здравствуй, любезный другъ Александръ; пишу къ тебѣ нѣсколько строкъ, не имѣя времени написать больше. *Первое*, прошу тебя забыть мщеніе и прислать мнѣ тѣ піесы, которыя ты приготовилъ для «Вѣстника»: то, что́ интересно и ново, надобно помѣстить въ первыхъ книжкахъ; также доставь мнѣ и свое Путешествіе. Надѣюсь, что ты и Блудовъ будете снабжать меня хорошимъ, въ матеріалахъ и въ готовыхъ піесахъ. Боюсь одной вашей безпечности или разсѣянности, которыя, можетъ-быть, не позволятъ вамъ обратить вниманія на вашего *издающаго* друга. *Второе* и самое важное: мнѣ сказывала Анна Михайловна [1]), что она слышала отъ вѣрныхъ людей, будто ея письма и все, что́ у тебя есть отъ нея, въ такомъ у тебя неприборѣ, что всякій profane можетъ ихъ видѣть. Если это правда, то ты, любезный другъ, виноватъ и долженъ исправить бѣду: прошедшее заслуживаетъ боль-

---

[3]) Т. е. Скажи мнѣ еще, Александръ, что́ означаютъ нижеслѣдующія слова:

Одна живетъ въ году весна,
Одна и милая на свѣтѣ!

Послѣдовательно ли развѣ показывать, что имѣешь чувства, не имѣя намѣренія ихъ питать и не имѣя къ тому возможности? Зачѣмъ говорить о томъ, чего и не желаешь, и не можешь возобновить? И къ чему пытаться пробудить чувства, когда-то весьма живыя, но которыя теперь уже угасли и могутъ причинять только боль? Не знаю, что́ имѣлъ ты въ виду, когда писалъ эти стихи. Въ этомъ случаѣ, зная хорошо лицъ, съ которыми ты имѣешь сношенія, ты не могъ дѣйствовать безъ цѣли. И эти излишнія выраженія, нѣкогда пріятныя, а нынѣ ненужныя, тебѣ болѣе не къ лицу. Станемъ молчать о всемъ томъ, что́ прошло! Говорить о немъ для того только, чтобъ не молчать, слишкомъ напоминаетъ большой свѣтъ, гдѣ не придаютъ особаго значенія тому, что́ говорятъ. Прощай, дорогой другъ, объяснись по этому поводу. Не покажется ли тебѣ страннымъ мое письмо? Надѣюсь, что нѣтъ.

[4]) Жуковскій въ это время уже имѣлъ намѣреніе жениться на Маріѣ Андреевнѣ Протасовой. П. Б.

[1]) Анна Михайловна Соковнина (р. 1784 † 1873), сестра пріятеля Жуковскаго и Тургеневыхъ, Сергѣя Михайловича Соковнина, бывшая потомъ замужемъ за Василіемъ Никитичемъ Павловымъ.

шее отъ насъ уваженіе, потому особенно, что настоящаго никакъ нельзя ему предпочесть. Она говорила мнѣ объ этомъ съ чувствомъ упрека, и она права. Какъ можешь такъ не дорожить ея именемъ, или лучше сказать, какъ можешь быть такъ разсѣяннымъ? Ожидаю отъ тебя на это обстоятельство объясненія. Мой адресъ тебѣ извѣстенъ: у Антонскаго [2]). Прости. Обнимаю тебя. Жуковскій.

XVII.

(Въ концѣ Декабря 1807 или началѣ Января 1808, Москва).

Пишу къ тебѣ два слова, любезный другъ, не имѣя совершенно времени писать болѣе. Твое письмо получилъ и показывалъ; оно разсѣяло всѣ сомнѣнія, для тебя непріятныя [1]). Костогоровъ просилъ тебя о журналѣ брата, писанномъ въ Вѣнѣ [2]), для А. М. [3]), а не для К. М. [4]). Доставь ко мнѣ, если хочешь, а то лишь объ этомъ напиши. К. М. не все можно показывать, ты самъ знаешь. За Французскія бумаги благодарю, но въ нихъ совершенно нѣтъ ничего интереснаго. Я думалъ, что ты пришлешь мнѣ свой переводъ изъ Англійскихъ памфлетовъ о Тильзитскомъ мирѣ, и Блудова переводъ Руссовой піесы [5]), и свое Путешествіе. Но дождешься ли отъ тебя и отъ Блудова аккуратности, хотя мнѣ это и очень досадно: какъ можно такъ быть незаботливымъ о друзьяхъ! Скажи Блудову, чтобъ онъ доставилъ мнѣ поскорѣе Johnsons Lives, за которые много его благодарю. Не пишу къ нему оттого, что пишу къ тебѣ, слѣдовательно для двухъ одно письмо. Ты спрашиваешь въ своихъ письмахъ, нужно ли мнѣ то и то. Напрасно! Присылай все, что́ тебѣ покажется хорошо: если мнѣ не будетъ нужно, возвращу тотчасъ и аккуратно. Напомни Блудову, чтобъ онъ прислалъ Laharpe, Parny и Genlis. За что́ онъ разрушилъ мою библіотеку? О друзья мои, какіе вы безсовѣстные! Вы лю-

---

[2]) Настоящее письмо, какъ видно изъ его содержанія, писано нѣсколько ранѣе слѣдующаго письма № XVII, въ которомъ встрѣчаются напоминанія о порученіяхъ, данныхъ Жуковскимъ въ письмахъ отъ конца Ноября (№ XIV) и 9 Декабря (№ XV).

[1]) Эти слова имѣютъ отношеніе къ той части предыдущаго письма (№ XVI), въ которой Жуковскій говорилъ о письмахъ А. М. Соковнипой.

[2]) Вѣроятно рѣчь идетъ о журналѣ, который велъ Андрей Ивановичъ Тургеневъ; по поступленіи своемъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ онъ былъ посланъ изъ Петербурга въ Вѣну съ депешами (см. „Русскій Архивъ“ 1871, ст. 0131, примѣчаніе). См. выше, стр. 35.

[3]) Анна Михайловна Соковнина.

[4]) Ея сестра Екатерина Михайловна Соковнина (скончалась въ дѣвицахъ). По всему вѣроятію, ей посвящено стихотвореніе Жуковскаго „Протекшихъ радостей уже не возвратить“, написанное въ Декабрѣ 1803 года (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 25), въ печатныхъ изданіяхъ ошибочно относимое къ 1807 году. Не имѣетъ ли оно отношеніе къ кончинѣ Андрея Ивановича Тургенева († 8 Іюля 1803)?

[5]) Быть можетъ, это переводъ Письма Ж. Ж. Руссо, помѣщенный, съ примѣчаніемъ Жуковскаго, въ № 4 „Вѣстника Европы“ 1808 года, стр. 265—276.

бите меня, это знаю; но лѣнь и разсѣянность! Что́ жъ книги Дмитріеву? Если нѣтъ на Нѣмецкомъ Der philosophische Bauer, то ищи на Французскомъ Le Socrate rustique [6]). Еще Hirzel an Gleim über Sulzer den Weltweisen [7]). Александръ, пришли съ Андреемъ Ѳедоровичемъ [8]) все, что́ въ библіотекѣ твоей найдется годнаго для журнала; я возвращу все въ цѣлости и сохранѣ. Повѣрь Богу! Поищите съ Блудовымъ какихъ-нибудь политическихъ отрывковъ. Но этому не бывать; гдѣ вамъ для меня побѣдить свою лѣнь! Я прихожу въ отчаяніе. О друзья мои, о друзья мои! A propos скажу пріятную новость: Родзянка [9]) приходитъ въ себя. Есть надежда, что выздоровѣетъ. Простите. Блудовъ, побойся Сатаны, пришли книги, мои и свои, и переводъ, и все! Нѣсколько сочиненій твоихъ! Пиши пожалоста какія-нибудь замѣчанія на то, что́ видишь. Кому жъ и писать ихъ, если не тебѣ? Хотя изъ жалости къ твоему другу будь остроумнымъ. Томашевскій [10]) ѣдетъ въ Петербургъ. Я ему отдалъ всѣ деньги.

XVIII.

(10 Февраля 1809, Москва).

Черезъ двѣ недѣли, любезный другъ, а много черезъ три, надѣюсь тебя увидѣть [1]). Приготовь мнѣ, если можно, уголъ въ своей горницѣ. Однако прежде напиши, будетъ ли у тебя мѣсто. Вѣдь ты живешь теперь съ Блудовыми. О причинѣ моего прибытія въ Петербургъ узнаешь тогда, когда увидимся: что́ бы ни вышло, мы проживемъ вмѣстѣ мѣсяцъ или два. Напомни обо мнѣ Константину Булгакову [2]),

---

[6]) Le Socrate rustique—это переводъ того же сочиненія Гирцеля. Полное заглавіе его слѣдующее: „Le Socrate rustique, ou description de la conduite économique et morale d'un paysan philosophe". Переводъ этотъ былъ напечатанъ въ Цюрихѣ въ 1763 году; 4-е изданіе вышло въ свѣтъ въ Лозаннѣ въ 1777 году.

[7]) Это сочиненіе появилось въ 1780 году. Глеймъ—Нѣмецкій поэтъ (р. 1719 † 1803).

[8]) Сухотинымъ? (см. ниже письмо отъ 8 Ноября 1814 года).

Зульцеръ—извѣстный философъ и эстетикъ (р. 1720 † 1779).

[9]) См. выше, въ письмѣ XII, прим. 6.

[10]) Вѣроятно, тоже лицо, о которомъ Жуковскій писалъ Тургеневу въ Февралѣ 1807 года (см. письмо XII).

[1]) Настоящее письмо Жуковскаго писано на одномъ листѣ съ письмами къ А. И. Тургеневу его матери Екатерины Семеновны и брата Сергѣя Ивановича и припискою А. С. Кайсарова. Сначала идетъ письмо Е. С. Тургеневой, затѣмъ письма Жуковскаго и С. И. Тургенева, а въ концѣ приписка Кайсарова. Мѣсяцъ и число выставлены въ началѣ письма рукою Е. С. Тургеневой. Что письмо относится къ 1809 году, видно 1) изъ того, что именно въ этомъ году Жуковскій на короткое время ѣздилъ въ Петербургъ (см. Русскій Архивъ 1867 года, ст. 798, примѣч. 9); 2) въ письмѣ Е. С. Тургеневой идетъ рѣчь о денежныхъ ея неудовольствіяхъ съ И. В. Лопухинымъ, о чемъ упоминается и въ дальнѣйшемъ письмѣ Жуковскаго (XX), отъ 15 Сентября 1809 года; 3) о свиданіи съ А. С. Кайсаровымъ въ Москвѣ говорится въ томъ же письмѣ Жуковскаго отъ 15 Сентября 1809 года.

[2]) Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ (р. 1782 † 1835), сынъ посланника въ Кон-

съ которымъ, какъ кажется, не нужно будетъ снова знакомиться. А Александру Яковлевичу [3]) рекомендуй меня заранѣе, такъ чтобы я пріѣхалъ совершенно въ знакомый домъ. Прощай, любезнѣйшій другъ. Au revoir [4]).

стантинополѣ Я. И. Булгакова, получилъ воспитаніе въ Нѣмецкомъ училищѣ при церкви св. Петра въ Петербургѣ. Въ молодости служилъ по вѣдомству Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, сначала въ Московскомъ Архивѣ Коллегіи, затѣмъ при посольствѣ въ Вѣнѣ. Впослѣдствіи былъ тайнымъ совѣтникомъ и С.-Петербургскимъ почтдиректоромъ.

[3]) Александръ Яковлевичъ Булгаковъ (р. 1781†1863), старшій братъ К. Я. Булгакова, впослѣдствіи бывшій долгое время Московскимъ почтдиректоромъ. Оба Булгаковы были общими пріятелями Жуковскаго, Тургенева, Д. В. Дашкова и кн. П. А. Вяземскаго (см. Воспоминаніе послѣдняго о Булгаковыхъ въ Русскомъ Архивѣ 1868 года, ст. 1436—1445. Тамъ же напеч. письма Жуковскаго къ А. Я. Булгакову, ст. 1445—1483).

[4]) Помѣщаемъ здѣсь письма Е. С. Тургеневой и С. И. Тургенева и приписку Кайсарова, причемъ письмо матери А. И. Тургенева печатается съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника:

10 Ѳевраля.

Сейчасъ палучила суму девеноста шесть тысечи 700 руб., а праценту не капейки не дали; исъ сумы вычли 300 руб., для тава што въ сенацкамъ указе сказана сто трицать шесть тысечи 600 руб. места ста трицати тысечь семь сотъ рублей. Лапухинъ подавалъ прозбу, штобъ намъ праценту не выдавать; Губерская Правления такъ и зделала. Завтре подамъ прозбу в Губерская Правления; такъ должна, и мне аткажутъ. А пачему бе(зъ) закона зделали? Вотъ тутъ сказана, то я пришлю в Общея собрания прозбу. Бога ради, старайся какъ можна. Столка патерять, без малава двацать пять тысечь, и савсемъ бе(зъ) закона зделали. Вотъ какия притеснении. Таперя Н. Н. нетъ, но са(мъ) прасилъ Алексеева. Места тово штобъ обрадовала, я целай день праплакала. Силъ нетъ писать. Христосъ с табой. Буди натъ табой Божия милость и мае грешнея благаславения. К. Т. Светаева писмо пасылаю.

—

Высочайшая воля и указы Правительствующаго Сената были довольно ясны и справедливы. Ими предписано удовлетворить насъ въ полной мѣрѣ и исполнить по сему предмету рѣшеніе Уѣзднаго Суда, гдѣ именно сказано: удовлетворить и съ приращеніями. Нынѣ Уѣздный Судъ выдалъ однѣ капитальныя, и то не вполнѣ, и вмѣсто 137000 р.— 136000 и вовсе безъ процентовъ, отступя тѣмъ отъ собственнаго по сему дѣлу опредѣленія. То можетъ ли почесться удовлетвореніемъ, тогда какъ предписано насъ удовлетворить преимущественно и когда есть въ виду и деньги еще? Наконецъ мы деньги капитальныя получили, а матушка все еще не спокойна. Жаль, очень жаль: это значитъ Бога гнѣвить. Проценты не знаю когда отдадутъ. Прилагаю письмо Цвѣтаева. Благодарю за законы. Всѣ ихъ прочесть просятъ, и я самъ съ Андреемъ Сергѣевичемъ прочесть не успѣли. Писать, ей ей, болѣе некогда; и то всѣ пишемъ, начиная съ Андрея Сергѣевича и до меня, Василій Андреевичъ включительно. Простите. Съ душевнымъ почтеніемъ остаюсь васъ любящій С. Т.

—

Здравствуй, милой Александръ! Обнимаю тебя сердечно. Будь здоровъ. Прости. Твой А. Кайсаровъ.

XIX.

(Въ Августѣ 1809).

Я получилъ твое письмо, любезнѣйшій другъ. Благодарю тебя за препорученіе твое написать отвѣтъ на письмо къ Саратовскому жителю [1]). Постараюсь выполнить его какъ можно лучше, теперь могу сказать тебѣ только одно: пришли мнѣ тотчасъ печатный экземпляръ, какъ скоро выйдетъ на свѣтъ. Я думаю, что къ 1-му или 15 Ноября не будетъ поздно отвѣчать; прежде не успѣю, и нѣтъ кажется нужды спѣшить. Вслѣдъ за этимъ письмомъ получишь непремѣнно другое. Но я не знаю, вѣрно ли ты получаешь мои письма, ибо я не имѣю отъ тебя отвѣта на такое письмо, на которое долженъ бы былъ непремѣнно получить отвѣтъ, Въ слѣдующемъ письмѣ буду отвѣчать насчетъ курса словесности; я имѣю объ этомъ довольно сказать тебѣ. Теперь прости, мой любезный, добрый и всегдашній другъ. Радуюсь, что ты, живучи съ людьми, болѣе и болѣе думаешь, что наша дружба для насъ обоихъ необходима. Я, будучи гораздо тебя уединеннѣе, часъ отъ часу болѣе это чувствую. Дай Богъ, чтобы то время скорѣе пришло, въ которое мы бы могли сказать рѣшительно и съ большимъ основаніемъ: мы живемъ другъ для друга. Теперь мы живемъ только въ одномъ мірѣ и знаемъ, что наша дружба можетъ быть нашимъ счастіемъ. Когда эта возможность и не будетъ въ одномъ воображеніи! Намъ надобно не только быть друзьями, но должно, чтобы дружба наша была для насъ благодѣтельна и чтобы мы это чувствовали, слѣдственно были этимъ счастливы. Прости. Ив. Володимеровичъ [3]), думаю, уже писалъ къ тебѣ; по крайней мѣрѣ онъ обѣщалъ мнѣ къ тебѣ написать. Онъ подарилъ мнѣ экземпляръ своихъ Записокъ [4]); я велѣлъ уже для тебя, съ его позволенія, списывать; когда допишутъ, получишь. Простп, обнимаю тебя.

---

[1]) Въ слѣдующемъ за симъ письмѣ отъ 12 Сентября 1809 года (№ XX) Жуковскій сообщилъ Тургеневу, что письмо отъ Саратовскаго жителя будетъ имъ написано и прислано на цензуру Тургенева не ранѣе Декабря.

[2]) Въ письмѣ отъ 12 Сентября Жуковскій ничего не говоритъ о курсѣ словесности. Быть можетъ, онъ позабылъ исполнить свое обѣщаніе, или же до него не дошло то письмо, въ которомъ онъ сообщалъ Тургеневу свои мысли по этому поводу.

[3]) Лопухинъ. Письмо его къ Тургеневу касалось, по всему вѣроятію, долговыхъ его обязательствъ Тургеневымъ (см. въ письмахъ XVIII въ примѣч.) и XX.

[4]) Записки Ивана Владимировича Лопухина, дошедшія до насъ въ немаломъ числѣ современныхъ списковъ, свидѣтельствующемъ о достаточной распространенности ихъ въ тогдашнемъ обществѣ, были напечатаны въ 1860 году О. М. Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“; новое изданіе ихъ появилось въ 1884 году въ „Русскомъ Архивѣ“.

XX.

Бѣлевъ, 15-го Сентября 1809.

Сначала буду отвѣчать тебѣ на послѣднее твое письмо отъ 31 Августа, любезнѣйшій другъ. Ты спрашиваешь, какое содержаніе того письма, которое было отъ меня тебѣ послано и тобою не получено и что̀ нужно по немъ исполнить? Содержаніе его для меня важно, но исполненіе по немъ можешь сдѣлать во всякое время. Я писалъ въ такую минуту, когда для меня необходимо было къ тебѣ писать, и просилъ тебя, чтобы ты меня увѣрилъ, что твои слова: *ты забылъ меня совершенно*, написанныя тобою въ заключеніи одного изъ стародавнихъ и N.B. послѣднихъ твоихъ писемъ, были не иное что, какъ только слова, безъ всякихъ мыслей написанныя, что ты увѣренъ въ моей истинной къ тебѣ дружбѣ, которая ни на минуту не ослабѣвала, а право со времени минутнаго нашего свиданія съ тобою въ Москвѣ удвоилась. Получить отъ тебя такое драгоцѣнное для меня увѣреніе было мнѣ нужно, и я очень сожалѣю, что письмо мое потеряно: увѣренъ, что его не донесли на почту, ибо я писалъ изъ чужой деревни, въ которой останавливался, проѣзжая въ Орелъ. Такъ тому и быть! Но что̀ отсрочено, то не потеряно! Ты и теперь можешь сдѣлать мнѣ отвѣтъ на мою задачу. Я писалъ къ тебѣ еще (что̀ повторяю и теперь и что̀ надѣюсь повторять по самую смерть), что я желаю, чтобы наша дружба съ тобою была не одною только мыслію, но дѣломъ, и *главнымъ дѣломъ* жизни, что намъ надобно воспользоваться жизнію *вмѣстѣ*, и не только *знать*, но и вмѣстѣ *чувствовать на опытѣ*, что мы друзья, слѣдовательно имѣть всегда въ виду, что мы со временемъ будемъ *вмѣстѣ* и будемъ стараться другъ другу доставить то счастіе, котораго напрасно искали въ другихъ мѣстахъ (по крайней мѣрѣ это могу сказать о себѣ: я еще не знаю, что̀ такое счастіе, выключая развѣ только тѣ минуты, когда пишешь; но это минуты). На все это ожидать отвѣта надобно съ нетерпѣніемъ; потому то я и написалъ, что ты *долженъ* былъ отвѣчать на письмо мое; но это-то письмо именно и пропало. Досадно, а нечего дѣлать.

Я уже отпѣлъ панихиду политикѣ [1]) и нимало не опечаленъ ея кончиною. Правда, она отыметъ у моего журнала нѣсколько подписчиковъ,—но такъ тому и быть. Это ничуть не умалило моего рвенія;

---

[1]) Въ № 17 „Вѣстника Европы“ 1809 года, вышедшемъ 1 Сентября, было помѣщено въ концѣ слѣдующее заявленіе издателя: «Извѣстія о политическихъ происшествіяхъ, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ не принадлежащія нашему Вѣстнику, будутъ замѣняемы другими. Смѣемъ надѣяться, что увѣдомленія о новыхъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ, о выходящихъ въ свѣтъ книгахъ Россійскихъ и иностранныхъ, о достопамятныхъ явленіяхъ натуры, удовлетворятъ читателей, ищущихъ не минутнаго только удовольствія, но и пользы. Журналъ нашъ будетъ продолжаться по другому плану, о которомъ читатели узнаютъ въ скоромъ времени». Съ этого же нумера въ „Вѣстникѣ Европы“ пересталъ появляться отдѣлъ, который имѣлъ заглавіе „Политика“.

напротивъ, чувствую желаніе сдѣлать журналъ мой изъ дурнаго, или много-много посредственнаго, хорошимъ. Издавать его буду не одинъ, но вмѣстѣ съ Каченовскимъ. Планъ нашъ распространится, о чемъ узнаешь изъ объявленія [2]). Если бы ты не былъ и лѣнивъ, и безпеченъ, то могъ бы быть весьма полезенъ моему изданію. Первое, доставляя разныя извѣстія о ученыхъ обществахъ Петербургскихъ, о литературѣ, театрѣ и разныхъ разностяхъ, являющихся на горизонтѣ Петербургскаго міра, или по крайней мѣрѣ ты могъ бы надоумить двухъ-трехъ и до полдюжины хлопотливыхъ и умныхъ человѣкъ (напр. Костогоровъ), которые присылали бы мнѣ разныя извѣстія, съ полною довѣренностію дѣлать изъ нихъ что мнѣ разсудится. Также не худо

[2]) Объявленіе отъ конторы Университетской типографіи объ изданіи въ 1810 году „Вѣстника Европы“ было напечатано въ № 84 „Московскихъ Вѣдомостей“, отъ 20 Октября 1809 года (а затѣмъ, съ незначительнымъ измѣненіемъ, въ № 96, отъ 1 Декабря). До 1810 года „Вѣстникъ Европы“ дѣлился на два большіе отдѣла: Литературы (въ которомъ помѣщались „сочиненія и переводы, вообще къ словесности отечественной и иностранной относящіеся: стихи, повѣсти, краткія размышленія о философическихъ, нравственныхъ и эстетическихъ предметахъ; отрывки краснорѣчія, біографіи славныхъ людей, иногда критическія замѣчанія на книги, Русскія и иностранныя“ и Политики (гдѣ помѣщались „разсужденія, переводимыя изъ иностранныхъ журналовъ, отрывки изъ лучшихъ новѣйшихъ политическихъ сочиненій и, наконецъ, извѣстія о важнѣйшихъ происшествіяхъ Европы“). Въ вышепомянутомъ объявленіи объ изданіи Вѣстника на 1810 годъ сообщалось слѣдующее: „Г. Каченовскій и г. Жуковскій будутъ издателями сего журнала. Они предположили распространить планъ его и дать ему болѣе правильности и разнообразія. Въ отдѣленіи Словесности помѣщаемы будутъ сочиненія, собственно къ словесности принадлежащія: прозаическія рѣчи, историческіе отрывки и біографіи; описанія, повѣсти, разговоры;—піитическія: басни, эклоги, пѣсни, оды и пр. Отдѣленіе подъ названіемъ Наукъ и Искусствъ будетъ содержать въ себѣ разныя сочиненія до словесныхъ и вообще свободныхъ наукъ и художествъ относящіяся и заключающія въ себѣ или замѣчанія или правила или разсужденія объ ученыхъ и художественныхъ предметахъ. Отдѣленіе Критики посвящается безпристрастному разсмотрѣнію книгъ, достойныхъ примѣчанія, какъ Россійскихъ, такъ и иностранныхъ. Къ Смѣси принадлежатъ любопытные анекдоты, достопамятныя изреченія и мысли, Московскія новости, иногородныя и заграничныя извѣстія (въ № 96 вмѣсто этой послѣдней фразы сказано: извѣстія о политическихъ и другихъ происшествіяхъ), разныя замѣчанія, краткія увѣдомленія о Русскихъ и иностранныхъ книгахъ и тому подобное“. Въ послѣднемъ № „Вѣстника Европы“ за 1809 годъ въ объявленіи отъ издателей планъ изданія журнала на 1810 годъ предложенъ такой: I. *Словесность.* Проза: повѣсти, рѣчи, разговоры и пр. Стихотворенія: оды, басни, пѣсни, посланія, эпиграммы и пр. II. *Науки и Искусства.* Отрывки изъ путешествій, разсужденія о предметахъ философическихъ, о предметахъ, принадлежащихъ къ изящнымъ искусствамъ и вообще къ наукамъ. III. *Критика.* Разборъ книгъ Россійскихъ и иностранныхъ. Критическія разсужденія. IV. *Смѣсь.* Анекдоты. Мысли. Московскія записки. Извѣстія внутреннія. Извѣстія изъ иностранныхъ журналовъ. V. *Обозрѣніе происшествій.* Извѣстія о происшествіяхъ политическихъ. Хронологическія таблицы происшествій (въ концѣ каждаго тома).

бы было, если бы ты снабжалъ меня и книгами, *годными* для журнала, за которыя получалъ бы отъ меня деньги аккуратно, ибо типографія ассигновала на сіи издержки 200 рублей и болѣе; но ты лѣнивъ, и лѣнивъ, и лѣнивъ. Надѣюсь, однимъ словомъ, что Вѣстникъ на слѣдующій годъ будетъ занимательнѣе, любопытнѣе, разнообразнѣе и вдвое менѣе принесетъ доходу. Но чортъ побери тѣ доходы, которые къ намъ не доходятъ!

Письмо отъ Саратовскаго жителя [3]) будетъ написано непремѣнно, къ тебѣ прислано на цензуру, но не прежде, какъ въ Декабрѣ: теперь я занятъ другимъ, пишу стихи, и послѣ опять примусь за стихи,— слѣдовательно проза къ чорту! Но на будущій годъ и прозы будетъ въ моемъ журналѣ довольно. Боюсь только залѣниться. А плановъ и предметовъ въ головѣ пропасть, и пишется какъ-то скорѣе и удачнѣе прежняго. Honny soit qui mal y pense [4]).

Не стыдно ли Блудову не написать ко мнѣ ни строчки и лѣниться такъ же, какъ я? Не вздумалъ ли и онъ, что я его забылъ? Нѣтъ, братцы, прошу васъ никогда не воображать обо мнѣ такого страму. Я вашъ вѣчно, душою и мыслями; но что́ прикажешь дѣлать, если нѣтъ другаго средства говорить съ вами, какъ черезъ письма! Мы будемъ вмѣстѣ, будемъ и тогда...

Теперь слово о моемъ Собраніи [5]). Я издаю не *примѣры*, но полное собраніе лучшихъ стихотвореній Россійскихъ,—книгу, которая могла бы замѣстить для людей со вкусомъ и для не весьма богатыхъ людей собраніе всѣхъ сочиненій Русскихъ поэтовъ каждаго порознь. Беру изъ каждаго лучшее, и все это смѣшавъ вмѣстѣ, предлагаю нашей публикѣ душистое pot-pourri, въ которомъ между лилеями, розами и жасминами не забыты и ландыши и другіе полевые цвѣты, то-есть, говоря безъ глупыхъ фигуръ, въ которомъ между лучшими произведеніями лучшихъ стихотворцевъ должны быть помѣщены и лучшія произведенія посредственныхъ, слѣдовательно, въ сравненіи съ первыми посредственныя, однако не дурныя; подъ вывѣскою *посредственнаго* выступятъ всѣ тѣ стихотворенія, которыя выберу я изъ полныхъ сочиненій нашихъ второклассныхъ авторовъ и изъ журналовъ [6]). И кому удалось во всю жизнь свою написать одинъ только порядочный quatrain, за что-жъ этому бѣдному сиротѣ погибать въ глуши какого-нибудь журнала? И я, по милости своей, даю ему пристанище въ моемъ Собраніи стихотворцевъ, которое по многимъ отношеніямъ будетъ сходствовать съ домомъ *странноприимнымъ*, удивляющимъ за Сухаревою башнею путешественника [7]). Вотъ расположеніе моего собранія; оно должно

---

[3]) См. выше, въ письмѣ XIX.

[4]) Т. е. Да будетъ стыдно тому, кто объ этомъ дурно подумаетъ. (Извѣстный девизъ на Англійскомъ орденѣ Подвязки).

[5]) Т. е. о Собраніи Русскихъ стихотвореній, взятыхъ изъ сочиненій лучшихъ стихотворцевъ Россійскихъ и изъ многихъ Русскихъ журналовъ, изданномъ Жуковскимъ въ Москвѣ въ пяти частяхъ въ 1810—1811 гг.

[6]) Подобныя же мысли высказаны Жуковскимъ и въ предисловіи къ первой части „Собранія“.

[7]) Разумѣется Страннопріимный домъ графа Шереметева.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891 года.

12 ВЫПУСКОВЪ ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ.

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ:

I. Императрица Марія Ѳеодоровна. Ея біографія. **Е. С. Шумигорскаго.**

Записки **Степана Петровича Жихарева** (1806 и 1807 годы).

Воспоминанія **Андрея Михайловича Фадѣева** (дѣда нынѣшняго министра финансовъ Витте).

Письма митрополита **Филарета** къ Ѳ. Я. Репнинскому. 1828—1842.

Изъ депешъ **барона Баранта.**

Зимній походъ В. А. Перовскаго въ Хиву 1839 года. По разсказамъ современниковъ. **И. Н. Захарьина.**

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Воспоминанія графа **С. Д. Шереметева.**

Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Его біографія. **А. Л. Зиссермана.**

Воспоминанія **Григорія Дмитріевича Щербачева.**

*

II. Автобіографическія показанія прадѣда Пушкина **А. П. Ганнибала.**

Правительственные пріемы Екатерины Великой. (Изъ письма **В. С. Попова** къ императору Александру Павловичу).

Москва во дни вступленія въ нее Французовъ. Современное письмо **Стендаля.**

Бородино. **Графа С. Д. Шереметева.**

Памятныя записки **Михаила Михаиловича Евреинова.**

„Благодѣтели мои и моего рода". Воспоминанія священника-археолога **М. Я. Діева.**

Къ характеристикѣ О. И. Сенковскаго (Польскіе наѣзды на Русскій языкъ). Статья **И. Н. Корсунскаго.**

Изъ воспоминаній о моей жизни. Салтинскій походъ (1847). **Барона А. П. Николаи.**

Севастополь. Записки начальника штаба Севастопольскаго гарнизона князя **В. И. Васильчикова.**

Живописецъ В. Л. Боровиковскій. Біографическіе очеркъ **В. П. Горленко.**

Письмо **И. С. Аксакова** по поводу открытія памятника Пушкину (1880).

*

III. Графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій въ его хозяйствѣ (1799).

Что происходило въ Донскомъ монастырѣ въ 1812 году.

Воспоминанія **Анны Григорьевны Хомутовой** о Москвѣ въ 1812 году.

Отроческое сочиненіе императора Александра II-го. **И. М. Остроглазова.**

Записки **Н. Н. Муравьева-Карскаго.** Персидская война. Іюль—Октябрь 1827 года.

Россійское купечество на обѣдѣ у императора Николая Павловича (1833). „Событіе". **И. Н. Рыбникова.**

Походныя замѣтки ополченца 1855—1856 годовъ. **Н. А. Обнинскаго,** съ предисловіемъ **П. Н. Обнинскаго.**

Въ приложеніи:

Геліогравюры, изображающія скопческое моленіе и портретъ **Ювеналія Всейкова.**

Цѣна съ пересылкою **ВОСЕМЬ** рублей.
Каждая книга отдѣльно **ТРИ** рубля съ пересылкою.
Выписывающіе нѣсколько экземпляровъ пользуются уступкою 10%.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1895 года.

(Годъ тридцать третій).

„Русскій Архивъ“ въ 1895 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1895 году съ пересылкой и доставкой—**девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за **одну** по 1 р. 25 к., за **двѣ** по рублю, за **три** по 80 к., за **четыре** и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 к., городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются расписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ Петръ Бартеневъ.
Юрій Бартеневъ.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Въ Конторѣ «Русскаго Архива» въ Москвѣ, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, **подписчики** «Русскаго Архива» могутъ получать по уменьшенной цѣнѣ 26 книгъ этого историческаго изданія: за каждую книгу отдѣльно по **2** рубля, за всѣ 26 книгъ—**45** рублей безъ пересылки.